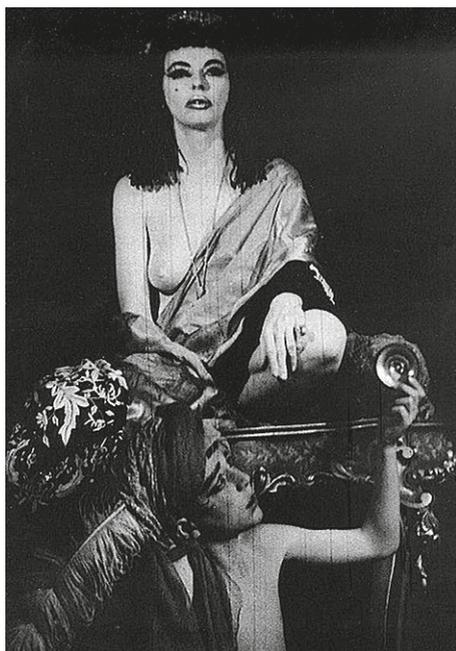

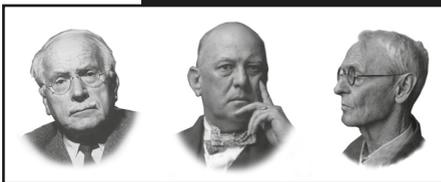
Спенсер КАНСА

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

магическая жизнь
Маджори Кэмерон

Москва
2015

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
уникальный проект,
объединяющий
представителей самых
разных мировоззрений,
начиная от язычества

CASTALIA

и заканчивая гностическими и герметическими традициями. Три объединяющих принципа Касталии — это **Юнгианство, Оккультизм и Нонконформизм**. Быть Юнгианцем — значит иметь мужество познанию своих самых потаённых глубин. Быть Оккультистом — искать то, что раз и навсегда пресуществит твой дух в тигле трансмутации, быть Нонконформистом — просто быть собой, вне следования каким-либо нормам или обычаям.

НАШ ПРОЕКТ ИМЕЕТ МНОЖЕСТВО ГРАНЕЙ.

Это и ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт **www.castalia.ru**, над обновлением которого работает целая группа добровольцев. Это и каждую неделю собирающийся в Реале **клуб Касталия**, где члены клуба могут услышать лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях. Это и **школа Касталия**, своего рода внешнее представительство клуба, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары. Для переводчиков Касталии — бесплатные, для всех остальных — недорогие. Это и уникальный **интернет-магазин** эзотерической и психологической литературы по доступным ценам. Переводчики имеют скидки. И, прежде всего — это интегральное мировоззрение, основанное на поиске соединения трёх слагаемых Касталии и стремящееся к оккультному Ренессансу.

**КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, А ТАКЖЕ
ОРГАНИЗАЦИИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ
СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ**

Спенсер Канса

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ:

МАГИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ МАДЖОРИ КЭМЕРОН

М.: Клуб Касталия. 2015. — 286 с.

Переводчики: ЗЕРА, Наталья ТОКАРЕВА

Редактура: Екатерина ХОРОШИЛЬЦЕВА

Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА

Обложка: Ольга ИВАНОВА

Содержание

ГЛАВА I. АМЕРИКАНСКАЯ ГОТИКА	5
ГЛАВА II. ПРИЗРАК В МАШИНЕ.....	16
ГЛАВА III. БЕЛАРИОН АНТИХРИСТ	23
ГЛАВА VI. БРИТВА ОККАМА.....	45
ГЛАВА V. БЬЮМОНТ	75
ГЛАВА VI. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ХРАМ НАСЛАЖДЕНИЙ	92
ГЛАВА VII. ШЕРРИ	108
ГЛАВА VIII. ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ.....	126
ГЛАВА IX. EPOHBU.....	142
ГЛАВА X. НОЧНОЙ ПРИЛИВ.....	160
ГЛАВА XI. ЧЕРНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО	170
ГЛАВА XII. TABULA RASA	194
ГЛАВА XIII. СОСАНИЕ ПАЛЬЦА.....	217
ГЛАВА XIV. ВРЕМЕНА ВЕДЬМ	228
ЭПИЛОГ.....	260
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
ГАЛЕРЕЯ РАБОТ МАДЖОРИ КЭМЕРОН	266

АМЕРИКАНСКАЯ ГОТИКА

*Толпою серой окружён,
Красою я весны пленён.
И понимаю, что другой
Мой взгляд на жизнь, что я — чужой.
Эдгар Аллан По, «Одиночество».*

В 1882 году после долгих лет путешествий и крестовых походов чешский поэт, философ и свободный мыслитель Франтишек Матоуш Клацель умер в Бель-Плейн, железнодорожном городке в дебрях Айовы. Хотя он и учился на католического священника в своей родной стране, будучи типичным представителем богемы, он отказался от своего монашеского призвания: «чтобы освободить свой ум от оков рабства», и продолжил жизнь, посвящённую рационализму и свободе вероисповедания. Поселившись в Америке в 1869 году, он надеялся осуществить свою мечту о свободном обществе и высказывал свои мысли на этот счёт в небольшой, но лояльной аудитории. Несмотря на его статус, в 1881 году жизнь стареющего учёного катилась по наклонной, и один последователь приютил его в Бель-Плейне, где он и прожил свои оставшиеся два года жизни. Несмотря на то, что он умер в нищете, его последователи накопили достаточно денег, чтобы возвести этому человеку статую, которая и по сей день гордо стоит на местном кладбище.

В том же городе около сорока лет спустя появился другой необычайно свободный дух, обладающий в равной степени авантюрными и божественными качествами. Он пришёл на землю

ровно в 6:57 вечера, 23 апреля 1922 года. Марджори Элизабет Кэмерон стала первенцем Хилла Лесли Кэмерона и его жены Кэрри, молодой пары в их двадцать с небольшим лет.

Возглавляемый Дональдом и Джоан Кэмеронами, клан Кэмерон родом из уезда Антрим в Северной Ирландии эмигрировал в Америку в конце XIX века, и часть шотландцев ирландской диаспоры осела в Чикаго в штате Иллинойс. Из-за трёх оступившихся братьев и сестёр две сестры остались в ветреном городе, тогда как остальные переехали на запад, чтобы растить детей в штате Небраска. Один из братьев отправился далее в Канаду, чтобы начать новую жизнь, в то время как Александр Рассел Кэмерон переехал в соседний штат Айова, приняв под своё крыло младшего глухонемого брата Уильяма.

Переехав сначала в Хаварден в северо-западной части штата на рубеже веков, они обосновались в Бель-Плейне, где, несмотря на свою инвалидность, Уильям был сапожником, а Александр работал на железной дороге и побывал фермером. После печальной потери своей первой жены Марии из-за чахотки на ранней стадии брака, Александр позже женился на другой Марии, но, несмотря на двух дочерей, стареющий отец семейства ждал сына, который продолжил бы род.

Рождённый Уилсонами в Чикаго на рубеже веков, Хилл Кэмерон остался сиротой в два года, когда его мать умерла, а отец покинул его после её смерти. Его жизни дали новое начало, когда он был принят Александром Кэмероном с его женой и доставлен жить в Бель-Плейн. Несмотря на англо-шотландское происхождение, имя Уилсон было распространено в графстве Антрим, и Камерон мог знать семью Уилсонов в Чикаго и, возможно, даже был знаком с ними ещё в старой стране.

Трагедия постигла семью в 1917 году, когда в одно воскресенье мая Уильям Кэмерон попал под поезд, идя вдоль железнодорожного моста во время одной из своих долгих дневных прогулок.

Из-за глухоты он не услышал гудка и не замечал встречного поезда, пока не стало слишком поздно, возможно, потому, что он изучал шпалы, чтобы не упасть. Увидев приближающийся поезд, Уильям попытался присесть на продольную балку моста, но был сбит и отброшен на двадцать футов вниз на землю,

где члены грузовой бригады нашли его мёртвым, с переломом черепа и сломанной шеей. Запись в некрологе «уважаемый человек с хорошими манерами» завершалась душераздирающей подписью: «По причине недуга ему было трудно завести многочисленных друзей».

Годы Хилла Кэмерона приближались к двадцати, когда произошла трагическая случайность, и к тому времени он превратился в стройного молодого человека, который работал машинистом в депо, где ремонтировались поезда, менялись бригады, осматривались большие паровые двигатели. Помолвленная с ним Кэрри была невзрачной женщиной с темными волосами и похожим на клюв носом. Она была дочерью Риденуров, одних из основателей Бель-Плейн голландского происхождения. Её отец, Кир Риденур, также работал машинистом в железнодорожной компании, но со временем он хотел дорасти до должности мастера в депо. Её дед по матери, Томас Brentlinger, был уважаемым лидером сообщества пчеловодов, развозивших мёд по городу.

Рождение первого ребёнка молодой пары было по-настоящему мучительным делом, Кэрри вынуждена была рожать «насухую», когда её воды не удалось остановить. Несмотря на её желание назвать новорождённого ребёнка Гейл, над Кэрри одержала верх её старшая сестра Нелл, властная, фанатично религиозная женщина, которая хотела принять католицизм и умирала от туберкулёза.

Возможно, в знак уважения или в качестве последней просьбы умирающей сестры Кэрри смягчилась, и по воле Нелл ребёнок был крещён Марджори Элизабет, что в переводе Нелл означало «Жемчужина Бога», благочестивое имя ребёнка, которое он возненавидит, когда вырастет.

Нелл правильно предсказала, что первенец Кэрри будет девочкой с рыжими волосами и голубыми глазами, и она молилась, чтобы её второе пророчество также сбылось, чтобы девочка выросла и стала монахиней, приняв постриг, как дочь Христа. До этого она бы никогда не дожила, и в течение года она умерла от туберкулёза. Тем не менее, её призрачное присутствие станет чем-то вроде *bete noire* (фр. «чёрный зверь» — примечание переводчика) для молодой девушки, которой она дала имя, которая была вынуждена иногда спать в спальне своей мёртвой тётки,

где она страдала от ужасных кошмаров и чувствовала призрачные следы смерти, всё ещё пронизывавшие воздух. Опыт, который развил в ней мрачное и нездоровое любопытство.

Семья Кэмерон быстро разрасталась в бурные двадцатые годы. В год после рождения Марджори у неё появился брат, Джеймс Рассел Кэмерон, а в 1927 году родилась младшая сестра Мэри Лу. На два года позже квартет завершился приходом другого брата, Роберта.

Первоначально город Бель-Плейн создавался в качестве конечной железнодорожной станции в течение десятилетия между 1862 и 1872 годами, когда Чикагская и Северо-Западная железнодорожные компании осваивали дикие прерии, чтобы расширить маршруты по всему Среднему Западу. Железная дорога традиционно обеспечивала большую часть рабочих мест для горожан, в том числе для Кэмеронов. Город с красивыми дощатыми домами на засаженных зелёными деревьями аллеях постепенно превратился в художественную открытку из центральной части Америки. Гранича с фермерскими угодьями, где ветряные мельницы и кукурузные хранилища охватывали горизонт, эта пасторальная сцена остаётся относительно неизменной и сегодня. Хотя посторонний не заметил бы никакой разницы, город был исторически разделён надвое между теми, кто жил в более дорогих домах над железнодорожными путями, и более бедными горожанами, жившими ниже. Возможно, это выглядит обманчиво, хотя, как замечает Бетти Раск, выросшая ниже дороги и учившаяся в одной школе с Марджори: «У людей выше дороги не всегда есть деньги, но имеются кредитные карты в Сидар-Рэпидз, и они платят независимо от того, могли бы они позволить это себе или нет». Некоторые вещи никогда не меняются.

При серьёзной работе Камероны могли себе позволить жить выше дороги в западной части города и взяли дом на 3-й авеню, 1404. На поверхности они были целеной, трудолюбивой семьёй, и вскоре появилась собака Марджори, Леди Грей, первая в длинном списке немецких овчарок, которых она будет держать в своей жизни. Собака сопровождала семью в поездках в залив Шебойган в северной части Висконсина. Одиночество озёр и лесов страны произвело на Марджори глубокое впечатление, и она вспоминала местную легенду об индейской

девушке, выброшенной на берег пустынного острова, зовущей своего оставленного возлюбленного. Такая острая чувствительность с раннего возраста вызывалась у девочки, имевшей груз проблем, и в последующие годы окружавшим её людям стало очевидно, что Марджори была прирождённым художником, одержимым творческим воображением. Ночи напролёт её донимали сверхъестественные видения, например, призрачная процессия из четырёх белых лошадей, парящих в окне её спальни, и она была убеждена, что колодец на бабушкином заднем дворе был inferнальной «дырой в ад».

После Уиттерской начальной школы Марджори училась в средней Бель-Плейнской школе, оставаясь там до 11 класса. Академически она была средним студентом в лучшем случае, ей не давалась алгебра, гражданские уроки и латынь, но хотя она никогда не присутствовала на доске почёта, ей больше удавались творческие предметы, которые определяли направление всей её дальнейшей жизни. Дороти Миллер, которая вела у Марджори урок английского, вспоминает, в частности, её описательную смелость. «Она умела очень хорошо писать и строить очень образные фразы. Я помню, как она однажды, описывая подвал, сказала, что он имел „заплесневелый фиолетовый запах“, это невероятно образно».

Миллер и другие также восторженно говорили о выступлении Марджори в школьном спектакле «Пурпурный маскарад», где она ощутила первый вкус драматической актёрской игры, изображая одну из пары рыжеволосых близнецов. Другая школьная подруга, Рут Свалм Микита вспоминает, как Марджори была выбрана вокалистом недавно организованной школьной свинг-группы, и другие её внеклассные мероприятия, включающие лёгкую атлетику для девочек и клуб хорового пения. На уроках домоводства Марджори научилась шить и стала первоклассной швеёй, доверяя этому навыку всю оставшуюся часть жизни и подгоняя свою собственную одежду на своей верной швейной машинке Зингер.

Дороти Миллер: «Большинство из нас, девушек шили себе одежду, в том числе и Марджори. В годы Великой депрессии наши юбки стоили как телёнок, а затем было время, когда мы были второкурсниками, а юбки изменились и стали короче тех, которые мы носили, будучи девочками-подростками».

Марджори прекрасно выглядела, её кельтские колориты, казалось, подтверждали теорию, что семья Уилсон тоже была шотландцами ирландского склада. Её венчало великолепие пламенных, кирпично-рыжих волос, и светлая веснушчатая кожа восхищала так же, как и её мастерство художника. Для её сверстников было очевидно, что она была как будто отрезана от другой ткани.

Бывший сосед по дому Джек Миллер вспоминает: «Марджори действительно была потрясающим художником, она могла действительно рисовать, она была одним из лучших на сегодняшний день в художественном классе. Она была очень талантливой, но довольно эксцентричной. Она не была особо популярной у мальчиков, и хотя она и общалась с девушками, она была скорее одиночкой».

Дороти Миллер также подтверждает, что Марджори была достаточно популярна, чтобы быть другой: «Люди были доброжелательны с ней; она была симпатичной и весёлой. Но она была немного странной. Она была просто немного другой. Она думала не так, как многие из нас».

Бетти Раск была в местном отряде скаутов с Марджори, и их фото, сделанное в поездке в государственном парке ещё в середине 30-х годов, символизирует для неё отчуждённость Марджори от других девушек. «Изображение показывает, что она сидит в стороне от остальных из нас. Марджори не была бунтарём, она просто думала иначе и говорила не так, как остальные. Как некоторые люди с более высоким IQ, она считалась умнее, чем все остальные. Она была гением».

Из-за её известного художественного чутья учителя поощряли занятия Марджори и направили её творческие силы в нужное русло. В свои молодые годы она была поставлена во главе комитета по декорациям, который превратил школьный спортзал в Клуб Синей Луны для выпускного школьного вечера. Ещё один студент, Кэрол Фронинг вспоминает: «Всё, что мы должны были бы сделать, сделала Марджори. Она была очень талантливым и аккуратным человеком, очень привлекательной и красивой художницей».

Покойный муж Бетти Раск, Билл, вырос с Кэмеронами, а в последующей жизни говорил о том, как высоко он думал о природном таланте Марджори. В течение многих лет он хранил

некоторые из самых ранних картин, которые она ему подарила. Бетти помнит, как Марджори рисовала песком и гравием на обочине дороги перед тем, как её залили гудроном, и осталась долгая народная память о времени, когда участок дороги был перекрыт чиновниками Бель-Плейн так, что горожане могли пойти и посмотреть произведения Марджори.

Марджори росла, проживая свои годы становления через Великую Депрессию. С обилием замороженных местных продуктов и небольшого количества людей город был милостиво избавлен от худших разрушений и трудностей, которыми страдали крупные города в других частях страны, где создавались столовые, чтобы накормить длинные, жалкие очереди безработных.

Одним из результатов Великой Депрессии было то, что она заставила людей почувствовать себя неудачниками и пережить это всем вместе. Благодаря этому дух сообщества Бель-Плейн не стал исключением, и люди сплотились, чтобы помочь друг другу.

«У тех из нас, кто вырос в Великой Депрессии, было наилучшее время для жизни», — говорит Дороти Миллер, как это ни удивительно. — «У нас не было ответственности, как у наших родителей. Богатыми были несколько человек. Большинство из нас были средними, поэтому все были в одной лодке».

Иногда акты щедрости давали неожиданный результат. «Они раздавали бесплатную еду. У семьи Барр были разбитые окна, даже картоном не обиты, и мясная лавка давала им бесплатную печень. У нас были проверки здоровья в школе, и пришёл малыш Барр, и оказалось, что у него был высокий уровень гемоглобина, потому что он съел столько печени!»

Чтобы сводить концы с концами, люди должны были экономить и проявлять изобретательность, и Марджори с братьями часто посылали собирать уголь со стороны железнодорожных путей, чтобы принести его домой для разведения огня. Хотя железной дороге удалось избежать Депрессии, некоторые из мужчин были уволены или были вынуждены переехать в Мейсон-Сити, чтобы получить работу. В песне эпохи Великой Депрессии «Brother Can You Spare a Dime» Бинг Кросби пел куплеты, напоминающие о доме.

«Однажды я построил железную дорогу, она заработала, стала бежать наперегонки со временем. Однажды я построил железную дорогу, теперь она разрушена, Брат, у тебя не найдётся 10 центов?»»

Песня вызвала мощный и острый отклик в израненной психике нации и стала хитом. Сухой закон, возможно, избавил от многих развлекательных заведений, но всегда был один источник, на который можно было положиться, чтобы обеспечить столь необходимый эскапизм — местный кинотеатр, в Бель-Плейн это был Королевский Театр на Главной улице. Там люди могли бы, в конце концов, раствориться в последнем Голливудском зрелище.

«Сидар-Рэпидз первыми получили большие фильмы, — подчёркивает Дороти Миллер. — «Унесённые ветром» не появлялись на Бель-Плейн целую вечность, мы в то время все ещё были в средней школе».

Марджори, осознающая себя как дитя кинофильмов, позже свидетельствует: «Джоан Кроуфорд учила нас, как войти в комнату, а Бетт Дэвис учила нас плакать».

Но её настоящей героиней была красивая танцовщица и хореограф Тили Лош, поглотившая экран своими чувственными и магическими балетными выступлениями.

Будущий друг Марджори Чарльз Бриттин был фотографом, который вырос рядом с Сидар-Рэпидз в тот же период: «Мы были довольны, потому что мы понимали, что зарождается в Айове. Но мы оба вышли из Айовы своими собственными индивидуальными путями». Бриттин стремится подчеркнуть, что Айова не была культурным болотом, как некоторые могут подумать, а, наоборот, подчёркивает: «вы получите Танцевальную Компанию Хосе Лимона, которая гастролировала в местном колледже, и Сидар-Рэпидз был только в сорока пяти минутах езды до Айова-Сити; Университет штата Айова был очень богат культурно, даже тогда».

С этого времени появится один неизгладимый образ Айовы, чтобы стать культовым для Америки, это картина Гранта Вуда «Американская готика». Картина была частью нового «регионализма», художественного движения, в котором американские художники отвернулись от Европы и вдохновлялись, смотря

на собственные дворы. Когда она была изначально выставлена в 930 году, Грант должен был выдержать критическую реакцию со стороны некоторых жителей Айовы, оскорблённых тем, что их изобразили мрачными пуританами с измученными лицами. Однако, как только Великая Депрессия проявила свои худшие стороны, картина стала символом стойкости и непоколебимости, и вовремя появившееся слово «готика» в названии стало не только указанием на архитектурный стиль фермерского дома на фото, но на несколько зловещий и жуткий характер композиции. Сегодня в современной популярной культуре она стала символизировать мрачность, скрывающуюся за налётом повседневности.

Годы спустя, при переезде из одного временного жилища в другое Марджори призналась другу Бриттину: «мы никогда по-настоящему не избегали Депрессии, не так ли?»

Детство наложило свой отпечаток на Марджори и в другой важной сфере. Выросшая во время репрессивной эпохи, где стыдливое отношение к сексу было обычным делом, она нарисовала картину печального детства, застрявшего в эмоционально искалеченной, сексуально задавленной семье с еле сдерживаемой кровосмесительной напряжённостью. Например, было время, когда её поймали за самоудовлетворением в возрасте девяти лет, отец её избил, а мать отравила её спать, оставив без еды. Такие отсталые попытки подавить естественные сексуальные побуждения дочери помогли ей только скрыть свои сладострастные действия, и к тому времени, когда она была подростком, незаметно для родителей и сверстников Марджори жила подпольной жизнью, прячась по ночам, чтобы продолжить запретные дела. Её сексуальные авантюры обнаружились в 15 лет, когда она забеременела. В панике Марджори во всём призналась матери, и чтобы избежать семейного позора, не говоря уже об очередном избиении дочери ремнём, Кэрри сделала домашний аборт. Такие травматические переживания помогли сформировать отношение Марджори к сексу, и также воспламенилась мрачная сторона её личности. Тёмная, романтическая извращённость готических измерений проявлялась в ночных посещениях могил на городском кладбище Оак Хилл.

В 1940 году Хилл Кэмерон был принят в Рок-Айлендский арсенал, завод по изготовлению оружия и боеприпасов,

расположенный на реке Верхняя Миссисипи и расширявший свою рабочую силу, готовясь к войне. Новая работа означала возможность переезда семьи в соседний город Дэвенпорт, где они обосновались в доме на Колледж-авеню, 1213. Марджори вынуждена была доучиваться в местной средней школе последний год и окончила школу в 1940 году. Истории об обречённой любви между Марджори и старшеклассницей были слышны годы спустя, в том числе и слух, что когда указанная девушка покончила с собой после смерти своего бой-френда, Марджори тоже пыталась покончить с собой. Благодаря тому, что попытка оказалась неудачной, она нашла спасение в объятиях местного дамского угодника, богатого еврейского парня по имени Сэм Келинсон. По рассказам его племянницы Бетт Келинсон, «Сэм был ловким дельцом и немного повесой. Он был красивым, высоким, средней комплекции и с коричневыми волосами. Сначала он был управляющим отеля, затем занялся недвижимостью, в основном курортной».

Кэлинсоны были родом из Вудбайна в Нью-Джерси, но переехали в Дэвенпорт и затем в Рок-Айленд. Сэм был особенно близок с мужем Бетт Норман: «они были друзьями и, когда расширили проект, их обоих призвали в армию». Барабаны войны звучали всё громче, в том числе и для Марджори, и хотя это означало конец её любимого дела, открывались новые горизонты, которые она искала. В феврале 1943 года она оставила свою работу художника-оформителя в отделе магазина Patersen Harned Von Maur в центре города и была зачислена в недавно созданное подразделение военно-морского флота для женщин.

Школа Бель-Плейн сегодня (Фотография сделана автором).

Молодая Марджори сидела напротив своих приятельниц, девочек-скаутов, в том числе Бетти Раск 2-ая слева, во время посещения государственного парка в Айове, около середины 30-х годов (предоставлено Бетти Раск).

Кладбище Оак Хилл в Бель-Плейне, которое Кэмерон часто посещала, будучи девочкой (Фотография сделана автором).

Семейный дом Кэмерон в Давенпорте, штат Айова (Фото Cusack's Digital Arts).

ПРИЗРАК В МАШИНЕ

*WAVES of the Navy, there's a ship sailing down the bay.
And she won't slip into port again until that Victory Day.
Carry on for that gallant ship and for every hero brave
Who will find ashore, his man-sized chore
Was done by a Navy WAVE*

*(Волны флота, там корабль плывёт вниз по заливу.
И до самого дня победы она не вернётся в порт снова.
Ведите этот прекрасный корабль и каждого
отважного героя,
Нашедшего берег, его тяжёлая работа
сделана волнами флота.)
Гимн «Waves of the Navy»*

7 декабря 1941 года станет одной из самых печально известных дат в американской истории. Внезапное нападение на американский флот в Перл Харборе заставило колеблющуюся администрацию президента Рузвельта открыть огонь по имперским японским войскам и оставить своих английских и советских союзников, сражавшихся с фашистами в континентальной Европе.

Американские войска решили воевать на два фронта, и женщин набрали, чтобы восполнить недостаток неболевых специальностей в вооружённых силах. По просьбе первой леди Элеоноры Рузвельт, в августе 1942 года было открыто WAVES (Women Accepted for Volunteer Emergency Service — Женщины Принятые к Волонтёрской Срочной

Службе), первое женское подразделение американского военно-морского флота.

После призыва Марджори была зачислена в женский лагерь, размещённый в педагогическом колледже штата Айова в Сидар-Фолс. В свои двадцать она превратилась в яркую, необыкновенно красивую молодую женщину. Своими рыжими волосами, высокими скулами и светлой веснушчатой кожей она напоминала Кэтрин Хепберн. Её экзотические, почти евразийские глаза давали ей атмосферу таинственности, а стройная фигура заставляла её выглядеть выше своих пяти футов и пяти с половиной дюймов. В противоположность другим изумлённым рекрутам, она была похожа на роковую женщину, пришедшую прямо из фильмов в жанре нуар. Это резкое различие нигде так не бросалось в глаза, как на её военно-морском удостоверении, поймавшем стальной, притягательный взгляд, отражающий самообладание, не свойственное её нежному возрасту.

Марджори излучала эту внутреннюю уверенность во время остановки в Чикаго, на пути к размещению в Вашингтоне. Когда её товарищи озвучили список того, что они хотели бы осмотреть в Чикаго, она собрала их на взводе, и они прошли в центре движения, позволяя населению первый раз увидеть женщин, служащих на военно-морском флоте.

Благодаря своей упрямости и внешности останавливающей движение, Марджори попала на глаза верхушке и нашла работу в Объединённом комитете начальников штабов, работая сначала в качестве картографа и составляя военные карты, будучи единственной женщиной в офисе, полном мужчин. Неплохо для девочки из маленького города. После трёх месяцев работы с неё сняли обязанности и подключили к странной военной задаче, которая и по сей день вызывает больше вопросов, чем ответов.

Детали остаются отрывочными, но, работая на Объединённый комитет начальников штабов, Марджори утверждала, что её использовали в качестве приманки в коварную ловушку. Используя свою красоту, она завлекала мужчин, подозревавшихся в совершении операций под прикрытием для Германо-американского союза — влиятельной группы, созданной для пропаганды Нацистской Партии. Однажды заманив мужчину в Вашингтонский отель, Марджори, как среднезападная Мата

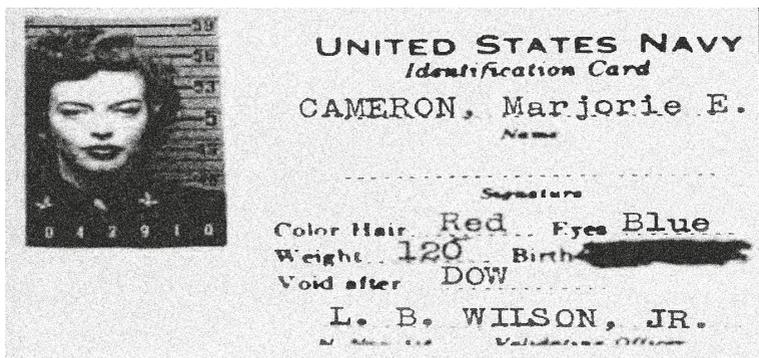
Хари, завязывала с ним интимные отношения. К сожалению, здесь интрига заканчивается, её исход, как и большая часть военной службы Марджори, остаётся загадкой.

Тем не менее, Вашингтон, по её мнению, был интересным городом, и Марджори была посвящена в некоторые памятные моменты в истории. В мае 1943 года она была представлена Уинстону Черчиллю во время его визита в Капитолий, и снова была в ряду, встречавшем генерала де Голля, когда он приехал в июле следующего года. К тому времени обязанности Марджори сместились в Naval Photographic Unit в Анакостии, где она работала визажистом и костюмершей для пропагандистских документальных фильмов, где снимались такие голливудские морские рекруты, как Джин Келли и Ван Джонсон.

Подразделение стало известно как «Hollywood Navy», и она там работала не только бок о бок с кинозвездами, но и с влиятельными людьми, которые консультировали её по военной и другим политическим сферам. Находясь там, Марджори завела роман с фотографом по имени Наполеон, однако не возникло никакой любви между ней и её начальником, командующим Торном Доннелли, человеком, которого она видела «полной свиньёй».

Их конфликтные отношения начались рано, когда они чуть не подрались, споря о достоинствах немецкой культуры: Доннелли утверждал, что она не оказала никакого влияния за последние 100 лет. Будучи поклонницей Вагнера, Марджори утверждала обратное, и это свидетельствует о её дерзости: она бросила вызов тому, кому она была назначена подчинённой. Со временем его отношение только ухудшилось, и Марджори полагала, что Доннелли относится к ней с подозрением из-за её прошлого в Объединённом комитете начальников штабов.

Одной из мрачных обязанностей Марджори как костюмерши была переработка окровавленной одежды, снятой с тел погибших военнослужащих, чтобы повторно использовать её в качестве костюмов для пропагандистских фильмов. Ужасы войны часто приносили к ней домой, и она неизменно находила фотографию или письмо любимой, спрятанное глубоко в кармане новобранца.

«Выглядит как роковая женщина». Военно-морское удостоверение Кэмерон.

Судьба одного призывника особенно завладела её мыслями, когда она узнала, что её брат Джеймс, который был хвостовым стрелком, ранен в бою. Потрясённая новостями, Марджори отказалась от отпуска по семейным обстоятельствам, ушла в самоволку и отправилась домой в Айову. Прибыв без предупреждения, она соврала родителям, что ей разрешили навестить брата в больнице, но не знавшее об этом начальство уже уведомило их о её незаконном отсутствии. Ей приказали немедленно вернуться на базу.

Военный суд вернул её в Вашингтон, и Марджори провела большую часть войны в казармах, где её донимала вышестоящая начальница, завидовавшая её лёгкому общению с мужчинами. Женщина сделала её жизнь такой невыносимой, что Марджори даже собиралась убить этого «невероятного монстра», и к тому времени весь её армейский опыт заставил её отстраниться от военной службы.

Когда ей дали специальный пропуск, чтобы посетить своих родственников, которые недавно переехали в Пасадену в штате Калифорния, вся поездка превратилась в кошмар. Сначала в дороге у неё украли деньги и удостоверение, затем она заболела и в местной больнице на станции Пасадена лечилась от тяжёлого приступа сенной лихорадки, вызванной аллергией, которая сделала её гиперчувствительной к домашней пыли, перьям и некоторым продуктам и косметике.

Большой ужас ждал, когда она вернулась обратно в Вашингтон. Четыре дня и четыре ночи она путешествовала,

единственная женщина в укомплектованном эшелоне, полном контуженных при сражении на Гуадалканале. В своих тёмных кабинах военные сидели подобно зомби в тишине, не в силах заставить себя даже смотреть на неё. С ужасными воспоминаниями подобными этим прошли бы годы, прежде чем Марджори рассказала бы об опыте военной жизни, одна из многих, кто скорее предпочёл бы забыть о тех временах, чем поделиться ими.

Война ознаменовала новый предел в организованной бесчеловечности. Если человеческая душа — это электромагнитное энергетическое поле, как утверждают некоторые духовные люди, то единственный известный нам способ уничтожения подобного поля — это взрыв атомной бомбы. И так случилось, что когда «Малыш» Дж. Роберта Оппенгеймера был сброшен с Enola Gay, родился новый убийца душ. Об этом зловещем моменте в истории позже напишет Уильям Берроуз: «Учёные всегда утверждали, что такой вещи, как душа, не существует. Теперь у них, наконец, появилась возможность доказать это».

Эта новая ужасная парадигма войны была отражена в искусстве и культуре. Слова казались бесполезными в условиях полного, концентрированного ужаса Холокоста, как замечает ведущий немецкий критик Теодор Адорно: «После Освенцима писать стихи — это дикость».

В то же время в изобразительном искусстве самые тёмные фантазии и примордиальные желания сюрреалистов, которые вызывали столько шока и трепета до войны, не могли конкурировать со зверствами выставок Бельзена, Освенцима или Дахау, не говоря уже о богом забытых полях сражений, на которых было уничтожено так много миллионов жизней.

Потребовался резкий глоток воздуха перед возвращением к культуре и цивилизации, который помог бы всем понять и ответить за то, что произошло. Этого не было до прихода абстрактных экспрессионистов, которые сторонились образных форм в пользу огромных, задумчивых, медитативных полотен цвета, нагруженных серьёзными намерениями, так что искусство, казалось, нашло способ охватить чудовищность того, что случилось.

Война изменила восприятие людей, и в Британии измотанный рабочий класс, который столько перенёс во время конфликта, не собирался возвращаться к жизни под тем же

*Кэмерон, блистательная в своей морской форме. Вашингтон, округ Колумбия.
1943 год. (Предоставлено Варбургским институтом).*

социальным угнетением, которое было раньше. Жажда политических перемен показала, что великий военный лидер тори и национальный герой Уинстон Черчилль был бесцеремонно выброшен из кабинета страной, жаждущей новой эпохи, всего через несколько месяцев после победы союзников.

В то время как Британия напоминала изношенный Оруэлловский пейзаж, изобилующий жёсткой экономией, нормированием и Социалистическими обещаниями с «кормлением завтраками», Америка экономически процветала во время войны, и мужчины Камерон нашли себе «тёплые местечки» в окружении высоких технологий JPL — The Jet Propulsion Laboratory — в Пасадене.

Демобилизованная в ноябре 1945 года Марджори с удивлением обнаружила, что, несмотря на военный суд, она получила почётную отставку и пришла к выводу, что кто-то из вышестоящих вычеркнул записи о её осуждении. После посещения семьи в Калифорнии её целью было вернуться на восточное побережье, чтобы встретиться в Нью-Йорке с Наполеоном, где, используя связи, они сделали бы отдел фильмов и планировали занять рабочие места, которые им предложили на Бродвее и в CBS Television. Тем не менее, в Калифорнии она встретит мужчину, который был предназначен, чтобы разрушить все эти планы.

БЕЛАРИОН АНТИХРИСТ

Мы должны быть готовы отказаться от своих жизненных планов и принять то, что уготовила нам жизнь. Нужно сбросить старую кожу перед тем, как вырастет новая. — Джозеф Кэмпбелл.

Привыкая к гражданской жизни, Марджори остановилась в доме родителей в северной части Гарфилд-стрит в Пасадене. Во время визита в службу занятости за своим выходным пособием она столкнулась с парнем, с которым у неё были сложные отношения в фотолаборатории в Вашингтоне. Этот безымянный сотрудник теперь проживал в доме, принадлежащем «безумному учёному» в дорогой части Пасадены, известной как «Millionaires Row». За ужином с этим парнем и женщиной, которая также жила в этом доме, Марджори узнала о странных и замечательных людях, которые там жили, а также о некоторых странных действиях, таких как ритуалы плодородия, где обнажённые женщины прыгали через костёр, разведённый в саду за домом.

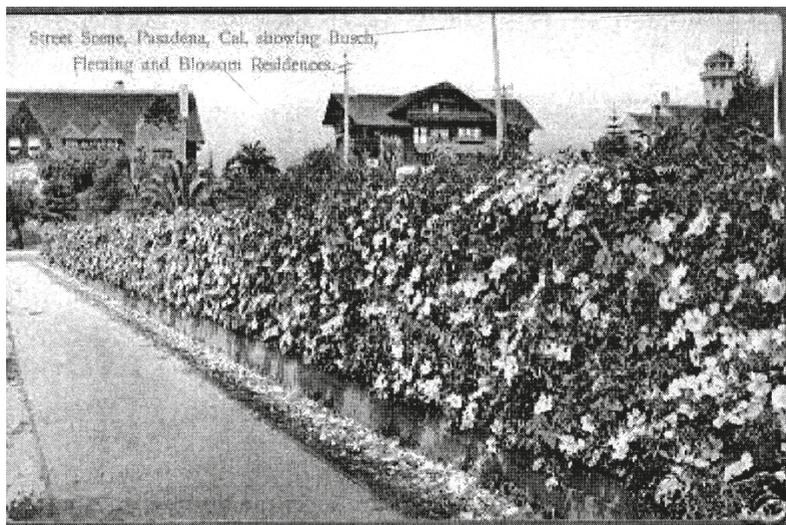
Её интерес был возбуждён, и когда мужчина предложил ей нанести визит, Марджори ухватилась за эту возможность. Однажды в декабре они остановились возле особняка Флеминг, прекрасно выполненного в швейцарском стиле и расположенного на бульваре Южной Апельсиновой Рощи, 1003. Дом никогда не был известен как «Парсонаж», но, возможно, он был таковым для своего владельца Джона Уайтсайда Парсонса, высокого, смуглого, чертовски красивого мужчины, известного

своим друзьям как старый добрый Джек. Войдя, Марджори сразу заметила хозяина дома, говорившего по телефону в прихожей. Их глаза встретились. Джек улыбнулся, и в этом пронзительном взгляде было передано что-то значимое, и когда он внезапно ушёл, не проронив ни слова, Марджори каким-то образом знала, что она собирается услышать от него снова.

В начале Нового года Марджори столкнулась с тем же экс-коллегой, на этот раз он был в возбуждённом состоянии: «Слава Богу, я нашёл тебя», — сказал он ей с облегчением: «Они бы убили меня, если бы я этого не сделал.» Во время своего второго посещения 1003-го дома 18 января Марджори ждала весь день, пока Джек не вернулся домой на закате. К его радости, элементарь, которого он вызывал, вернулся. Потрясённые своим очевидным сексуальным влечением, оба поднялись наверх, где провели следующие четырнадцать ночей в постели. Марджори чертовски повезло.

Днём Джек Парсонс был независимым учёным-ракетчиком и одним из основателей JPL, Лаборатории Реактивного Движения, где работали отец и братья Марджори. Джек оказался на восемь лет старше её и был единственным ребёнком, воспитанным любящей матерью Рут и избалованным богатыми бабушками и дедушками. Его отца Марвела прогнали за распутство, когда Парсонс был ещё ребёнком, и отсутствие патриархальной фигуры в его жизни, казалось, вызвало в нём упрямую ненависть к власти.

Будучи самоучкой, Джек сделал на своей детской одержимости ракетной техникой неплохую карьеру, и под руководством главы Калифорнийского технологического института Теодора фон Кармана он стал соучредителем «Aerojet Engineering Corporation». Работая с необычным инженерским составом, получившим название «Отряд смертников», в который входил его школьный приятель Эд Форман и студент Калифорнийского технологического института Франк Малина, команда Джека успешно экспериментировала с твёрдым ракетным топливом и разработкой ракетных двигателей JATO (Jet Assisted Take Off). Благодаря их техническим прорывам Джек содействовал установлению JPL в качестве военной научно-исследовательской лаборатории, финансируемой Армейским постановлением.

Винтажная Пасаденская открытка с видом на особняк Джека Флеминга.

Ночью, однако, Джек занимался алхимией совсем другого плана, играя роль недавно назначенного магистра Ложи Агапе, братства, посвящённого учению одного из самых спорных и интересных фигур Эдвардианской эпохи, Алистера Кроули.

Охарактеризованный писателем Кириллом Коннолли как «Пикассо оккультизма», а жёлтой прессой с Флит-стрит как «Самый порочный человек в мире», Кроули появился в самых консервативных условиях. Рождённый в 1875 году в Ройал-Лемингтон-Спа, молодой мастер Кроули был англичанином высшего сорта. В период удушливого правления королевы Виктории его, как и всех мальчишек его возраста заставляли верить, что Солнце над Британской империей никогда не зайдёт. Такая пуританская атмосфера усугублялась его благочестивыми родителями, прозелитами фанатичной секты Плимутские братья, которая пугала адскими муками в лучших традициях христианского фундаментализма.

После смерти его любимого отца молодой Кроули восстал против религиозных ограничений в своём воспитании и стал презирать свою фанатичную мать, которая начала называть своего упрямого сына «Великим Зверем 666», символом

библейского Антихриста, изображённого на страницах «Книги откровений». С характерным для себя язвительным юмором Кроули поменялся ролями со своей матерью и носил этот эпитет как знак чести, раздражая её.

Кембриджское образование развило литературные наклонности Кроули, научив честолюбивого поэта классическим канонам, пока его значительное наследство позволяло ему наслаждаться распутной жизнью, посвящённой погоне за бисексуальными приключениями и мистическими опытами.

Поздний период XIX-го века увидел расцвет мистических обществ и движений, которые бросали вызов строгой духовной смирительной рубашке иудео-христианского мировоззрения. Это была эпоха возросшего интереса к спиритуальному движению, спиритические сеансы стали модной салонной игрой, и Теософское общество мадам Блаватской помогло популяризировать религиозную философию и концепции Востока.

*Алистер Кроули, маг, поэт и бунтарь, показывающий символ Пана
(Предоставлено Варбургским институтом).*

Интерес Кроули к альтернативным религиозным системам заставил его присоединиться к Герметическому Ордену Золотой Зари, магическому обществу, обучающему мистериям каббалы, астрологии, Таро, магии и астральным проекциям. Орден был домом для целого ряда известных литераторов и таких личностей, как актриса Флоренс Фарр, жена Оскара Уайльда Констанция и блестящий ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс, с которым Кроули разделял взаимное презрение. Кроули обнаружил, что у него есть природный дар магии — как он позже переименовал практику, чтобы отличать её от популярного тогда иллюзионизма — и получил стремительное повышение в степенях. Тем не менее, Золотая Заря была расколота из-за борьбы за власть, и когда его группа распалась, Кроули покинул орден и пошёл своим собственным путём. Сплавляя западный эзотеризм с восточными практиками, такими как Йога, Тантра и медитация, Кроули синтезировал свой мощный вид неоязычества, суть которого — в самостоятельной философии под названием Телема (по-гречески — Воля).

В 1904 году во время медового месяца в Египте Кроули со своей первой женой Роуз записывает сверхъестественное послание, переданное нечеловеческой сущностью по имени Айвасс, эмиссаром египетского Бога Гора, божества, чья жизнь, смерть и воскресение перевирались в библейской истории об Иисусе. Кроули описал призрачное видение как высокое, смуглое и похожее на перса по внешнему виду, с «лицом дикого царя». Он позже решил, что это его Святой Ангел-Хранитель. Откровения, переданные Кроули, были изложены в «Liber AL Vel Legis», или «Книге Закона», апокалипсическом манифесте, который возвестил о Сумерках Богов и предсказал новый эон, отмеченный сексуальным освобождением и духовным просвещением. Сильные строки книги разорвали диктат организованной религии и обратились назад, в религиозный экстаз язычника, в дохристианскую эпоху, когда разгул вакханалий и сакральное использование одурманивающих напитков считались благословенным путём к духовному просветлению. Самая известная максима книги «Делай, что изволишь — таков Закон» была громким призывом, чтобы индивидуалисты обожествили свою истинную, высокую цель

в жизни и осуществили эту судьбу, предоставляя свободу другим делать то же самое.

В 1912 году Кроули был назначен Национальным Великим Мастером для Великобритании и Ирландии в *Ordo Templi Orientis* (Орден Храма Востока, или Орден Восточных Тамплиеров), квазимасонском ордене, основанном в Германии на рубеже веков. На своей новой должности Кроули усовершенствовал ритуалы О.Т.О. и сделал Телему и «Книгу Закона» их главными символами.

Когда Кроули высказывал свои идеи, радикально новые понятия, относящиеся к личной свободе, уже вовсю обсуждались Лондонской интеллигенцией. В 1907 году Крестный отец научной фантастики Герберт Уэллс выступал за свободную любовь на заседании Фабианского общества, идеи вскоре нашли поддержку в других обществах, таких как Группа Блумсбери, а также среди ведущих анархистов, таких как Эмма Голдман. Эти связи между оккультными обществами и их литературно-политическими коллегами позже стали расцениваться как один из основных факторов эволюции модернизма, а также повышения важности личных интересов перед общественными.

Находясь в Америке, вдали от любопытных глаз официальной церкви и пуританского вмешательства в дела ниже пояса, Калифорния стала убежищем для подобных альтернативных образов жизни и систем верований. Теософское Движение нашло здесь гостеприимный дом, и Анни Безант, одна из его лидеров, объявила: «Лучшие магнетические вибрации в мире находятся в Пасадене». Эти слова, конечно, звучат правдоподобно и для калифорнийской группировки Кроули, чья полнокровная философия свободомыслия прекрасно сочеталась со стойкими либертарианскими взглядами Джека Парсонса, и он и его жена Хелен стали яркими новообращёнными. В 1942 году в знак своей щедрости Парсонс сделал особняк в южной части Апельсиновой Рощи шикарной новой штаб-квартирой Ложы Агапе, прото-коммуны, в которой он окружил себя своей новой семьёй.

Она включала руководящего тогда лидера Ложы Уилфреда Талбота Смита, добродушного англичанина, который был посвящён в О.Т.О. Чарльзом Стэнфилдом Джонсом, бывшим Великим Магистром ныне несуществующей Ложы Агапе №1

в Британской Колумбии. Другим высокопоставленным членом была Джейн Вульф, бывшая актриса немого кино, которая была единственным учеником, которого обучал лично Кроули в своём Телемском аббатстве в Чефалу в Сицилии в начале 20-х годов.

Для заполнения оставшихся комнат Джек давал рекламу в местных газетах, обещая преференции анархистам, атеистам и творческим людям, и дом вскоре стал гудящим ульем колоритных персонажей, встряхнувших благовоспитанные и чванливые окрестности. Плотская атмосфера приобрела несколько кровосмесительный оттенок, когда Джек перенёс свои романтические чувства от своей жены Хелен к её младшей сводной сестре Саре, иначе известной как Бетти. В свою очередь, Хелен познакомилась с Уилфредом Смитом, и едва сдерживаемая сексуальная напряжённость и семейные обиды, возникшие при таком неожиданном повороте, стали настолько ощутимы, что положили начало конца этому тесному кругу.

Организуя Ложи, Кроули не знал лично большинства участников и опирался на поданные учениками отчёты, чтобы быть в курсе ситуации. К наиболее заметным из них относится его американский наместник Карл Гермер, в прошлом бывший заключённый нацистского концлагеря, он стал верным слугой, занимавшимся набором учеников для Великого Зверя. Когда непристойные рассказы о беспорядочной половой жизни дошли до Англии, они укрепили опасения Кроули в том, что Смит пренебрёг Великим Деланием Телемы и вместо этого использовал его в качестве предлога для гедонизма и собственного самоудовлетворения. Кроули, зависевший от ежемесячных взносов членов Ложи из-за затрат на поддержание и финансирование печати своих книг, был разочарован, что количество членов в Ложе слишком долго оставалось на скромном уровне — около двадцати учеников. Вследствие этого, Кроули освободил Смита от управления и отправил его в магическую отставку, чтобы искать скрытого Бога внутри себя. Затем он назначил вместо него Парсонса, человека, который ему изначально казался многообещающим.

Точно так же Джеком восхищались и члены Лос-анджелесского общества научной фантастики, в котором он выступал в качестве посредника между литературными провидцами

и научными футуристами в Калифорнийском технологическом институте и JPL. Через него происходил плодородный симбиоз новых мыслей и идей, и он, как говорят, был прототипом персонажа Хьюго Шантрелля в романе Энтони Бучера «Ракета в морг». Джек стал кладезем эзотерических знаний для одного научно-фантастического писателя, вступившего на дикую сцену дома 1003, Лафайета Рональда Хаббарда.

Хаббард сумел безошибочно разделить людей, окружавших его в то время, на два одинаковых по размеру лагеря: тех, кто считал его интересным рассказчиком, и тех, кто считал его фантазёром самого высокого порядка.

Джек был очарован романами Хаббарда и был лично убеждён в его магической доблести. Обращаясь к Кроули, он описал своего нового товарища в восторженных тонах, как природного телемита, но одобрение Хаббарда несло для него частично корыстный интерес, ибо он желал найти нового магического партнёра, с которым можно было бы работать. Его бывший сообщник Эд Форман сбежал в ужасе после одного ритуала, вызвавшего привидение, с воем баньши парившего за окном его спальни.

За сотрудничество с Хаббардом, однако, пришлось заплатить. Хотя Рону не доставало внешней привлекательности, он с лихвой компенсировал это обаянием, и этот дар позволял ему завоёвывать женщин. Одной из женщин, поддавшихся его магнетизму, была возлюбленная Джека Бетти. Стремясь к священной сексуальности она, как и многие другие женщины из Ложы Агапе, считала, что, занимаясь сексом с как можно большим количеством людей, она станет лучшей храмовой жрицей. Кроули учил, что ревность нелепа, и, хотя Джек был явно подавлен потерей своей возлюбленной, как хороший телемит, он попытался быть выше таких мелких эмоций. Внешне он держался, и в феврале и марте он продолжал сотрудничать с Хаббардом в серии магических обрядов, ставших известными как Работа Бабалон.

Первая часть этих ритуалов уже завершилась успешным вызовом его новой подруги, Марджори. Вторая часть была сосредоточена на вызове библейской Вавилонской Блудницы, которую Кроули переименовал в Бабалон по нумерологическим

причинам. Бабалон, считавшаяся Библейскими толкователями символом языческого нечестия Рима, была описана в «Книге Откровений» как «мать блудницам и мерзостям ... упоённая кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых».

Однако в космологии Кроули такое негативное представление было перевернуто, и Бабалон из христианской парии превратилась в священную Богиню сексуальной магии, женскую сторону Пана, Бога Природы.

Используя Енохианские зовы, тайную систему магии, созданную елизаветинским магом и предсказателем Джоном Ди и его другом провидцем Эдвардом Келли, Джек и Хаббард приступили к серии магических воззваний к Богине. Джек, как главный маг, исполнял роль Ди, а Хаббард выступал в качестве провидца, описывающего то, что происходит на астральном плане. Их целью было выпустить сладострастный дух Бабалон и распространять его среди народных масс, подавленных христианским отношением к сексу, которое казалось Джеку основной причиной психологического мучения и общественного ханжества. Это был акт теургии, в фантазии Джека делающий женщину сексуально ненасытным зверем — скабрёзный сценарий, подобный изображённому в одном из его любимых романов Джека Уильямсона «Мрачнее, чем вы думаете». По признанию Джека, это также было психологическим способом проработки его собственного Эдипового комплекса. Идеи для ритуала были взяты со страниц мистического путешествия Кроули через Енохианские Этиры «Видение и Голос», и в случае успеха Джек надеялся, что магическая операция поможет вступить в революционно новый эон Великого зверя. Что и показала «Книга Бабалон», откровение, полученное Джеком в пустыне Мохаве, которое он считал завершением кроулианской «Книги Закона».

На гортанном енохианском языке со своим собственным алфавитом и синтаксисом с Келли и Ди якобы общался Архангел Уриэль. Ди полагал, что это был древний язык Адама, на котором разговаривал Бог и его ангелы, вымершие одновременно со смертью Еноха, правнука Адама. Коварный Уриэль в итоге уничтожил магическое партнёрство Ди и Келли после того, как он поручил им обменяться жёнами, и в этом жутком повороте история могла повториться снова. После исполнения

ролей их елизаветинских коллег отношения Джека и Хаббарда теперь пошли тем же самым путём.

В то время Марджори держали в неведении относительно Работы Бабалон, понадобились бы годы, чтобы Джек раскрыл её характер и значение, и пока эти двое были заняты более прозаичными проблемами. Нуждаясь в смене одежды после своих игривых двух недель, Марджори вернулась домой и представила своего нового принца матери и отцу, который, как сотрудник JPL, не сомневался, кем был Джек. Этот новый захватывающий поворот в её жизни поставил Марджори в затруднительное положение. Остаться с Джеком в Калифорнии или воссоединиться с Наполеоном в Нью-Йорке, как и планировалось? В конце концов она решила, что будущее было за Джеком, но чувствовала, что она должна объясниться с Наполеоном. В марте она поехала в Нью-Йорк в сопровождении загадочного человека, который познакомил её с Джеком. По дороге Марджори была вынуждена отвергать достижения этого человека, так же, как и во время их службы. В Готэме Марджори обнаружила, что у неё с Наполеоном действительно больше не было полноценных отношений, и более того, она была беременна ребёнком Джека. Хотя беременность продлилась бы недолго, она обеспечивала ещё более важный повод вернуться в Калифорнию. Джек, тем временем, не мог понять, зачем ей все эти хлопоты ради разрыва прежних отношений. Их союз был утверждён Богами. Он был написан на звёздах.

Совершенно поражённый своим «элементом», Парсонс хвалился Кроули о своём возгорающемся огне и был так увлечён силой её извращённой личности, что сначала перепутал голубой цвет глаз Марджори с зелёным. Расхождение объяснялось их способностью меняться в зависимости от оттенка одежды, которую она носила, давая другой тон, от голубого к зелёному или орехово-коричневому. Для Джека это только добавляло ей потусторонней привлекательности.

Пока Марджори была в отъезде, Джек и Хаббард настраивали «Союзное предприятие», бизнес-партнёрство с целью объединения награды за соответствующие усилия. Хаббард вынашивал план путешествия во Флориду с Бетти, где они купят яхты и вернутся обратно в Калифорнию через Панамский

канал, продавая их с прибылью. Предложение показалось сомнительным с самого начала, и многие из 1003 сомневались и были встревожены доверием Джека к тому, кого он едва знал в течение года. Несмотря на это, Джек вложил львиную долю инвестиций, около \$ 20000, значительную на то время сумму, и Хаббард с Бетти покинули его.

Вложив в план все свои сбережения, Джек оказался выброшенным на берег, и когда казалось, что Хаббард использовал поездку, чтобы потратить всё на развлечения для себя и своей будущей жены, Джек запоздало осознал ошибочность своего поведения и решил действовать. Кроули был в курсе разворачивающейся драмы, сначала от Гермера, потом от самого Джека, который поехал в Майами в погоне за собственной глупостью. Когда Хаббард и Бетти узнали, что Джек был в городе, ища свои деньги, они отплыли в надежде уйти от него. Неспособный преследовать их по морю, Джек обратился к магии и, чертя магический круг на полу своего гостиничного номера, он вызвал Бартзабеля, духа Марса, планеты войны. «Что наверху, то и внизу», — так звучит магический закон, и в соответствии с волей Джека ритуал на скорую руку вызвал внезапный шквал, заставляя судно Хаббарда вернуться к пристани для яхт. Чтобы вернуть свои деньги, Парсонс вынужден был подать в суд на своего партнёра-мошенника, но последующее решение окупило только часть его инвестиций.

Когда Марджори вернулась из Нью-Йорка и обнаружила, что доверие к возлюбленному было вознаграждено предательством, она в отместку написала окровавленный портрет Бетти с отрезанными ногами и кровавыми коленями. Резиденция была пронизана плохими флюидами Хаббарда, и, когда Джек и Марджори консультировались с доской для спиритических сеансов, она поручила им вычистить комнату Рона и освободить помещения. Директива из мира духов точно совпала с перепланировкой, происходившей в этом районе. Часть собственности вместе с Апельсиновой Рощей были снесены, чтобы освободить место для многоквартирных домов, чтобы решить проблему тяжёлой послевоенной нехватки жилья, и летом, когда Джек продал особняк 1003, он был добавлен в список как ещё один уничтоженный пейзаж Калифорнии. В то же время Джек подал

заявление об отставке с Ложы Агапе. Это был печальный конец несбывшихся надежд.

19 октября 1946 года, через четыре дня после того, как был завершён развод с Хелен, Джек и Марджори поженились в здании суда на Сан-Хуан Капистрано в Оранж Каунти, свидетелями церемонии стали Эд Форман и его жена Жанна. Свадьба возвестила новую эру для молодожёнов. Джек получил место в компании North American Aviation в Калвер-Сити, что побудило переехать на Манхэттен-Бич, высококлассное место, дом для занятых в оборонной и аэрокосмической промышленности.

Когда препубертатная Марджори получала призрачные видения и фиксацию на «дыре в ад» в бабушкином саду, 13-летний Джек вызывал Сатану в своей спальне и глупо испугался, когда Повелитель мух однажды появился. Несмотря на их похожие сверхъестественные события в детстве, Марджори была поражена магической стороной жизни Джека и просто не могла отнестись к этому серьёзно. Из-за этого произошло несколько комических событий, как в тот день, когда с пляжа пронеслась буря, открывая застеклённые двери дома. Когда Марджори пыталась закрыть двери и окна, Джек побежал наверх и достал свой магический кинжал, чтобы подавить бушующую бурю снаружи. Прошли годы унижений, пока она сама не стала опытным практиком магии управления погодой. Но в то же время Марджори все ещё были отвратительны религии любого вида, организованные или нет.

Несмотря на это, Джек признавал в ней что-то, что она не в полной мере признала в себе, что у неё была врождённая сверхъестественным сущность, и по мере того, как их жизни переплетались, он стремился раскрыть её истинную природу. Все началось с её имени. Марджори всегда презирала своё имя из-за его грубоватости и религиозного происхождения, и таким образом она одобрила новое магическое имя, которое даровал ей Джек — Кандида, которое часто сокращалось до Кэнди. Она также начала представляться новым друзьям просто как Кэмерон. Марджори была мертва и ушла.

Прогуливаясь однажды вдоль Манхэттен-Бич, Кэмерон встретила Джорджа Фрея, авиационного инженера, который работал в Boeing Aircraft. Поскольку он работал в том же

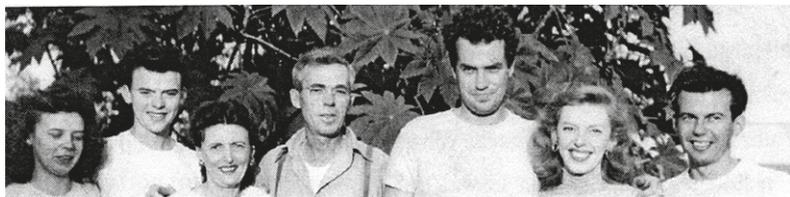

*Джек и его «элементаль» празднуют свою свадьбу. 19 октября 1946 года.
(Предоставлено Варбургским институтом).*

направлении, что и её муж, Кэмерон привела его домой и познакомила с Джеком. По мнению Фрея, они казались идеальной и необычной парой: «Джек был хорошим человеком, и я отметил ожерелье, которое он носил, это был крылатый пенис. Кэнди была немного другая; она думала о вещах и рассуждала».

Вскоре после того, как они узнали друг друга, Фрей спросил Джека, как он познакомился со своей женой и рассказал историю, которая несколько отличалась от версии событий Кэмерон.

Джордж Фрей: «Джек сказал, что хочет найти ведьму, чтобы возглавить новую религию и найти поддержку в магическом развитии. Он говорил с Уилфредом Смитом, который советовал ему написать Кроули, который назначил мистический обряд, чтобы произвести её. Джек с Роном Хаббардом провёл церемонию и сказал, что он был на кухне в тот день, когда снаружи ударила молния, а затем постучались во входную дверь, и когда он ответил, это оказалась Кэнди, которая сказала дрожа:

Джек и его новая невеста с семьёй Кэмерон. El Monte. 1947.

Слева направо: Мэри-Лу, Бобби, Кэрри, Хилл и Джим

(Предоставлено Варбургским институтом).

«Я не знаю, кто я и куда я пришла». Она сказала Джеку, что попала в автомобильную аварию напротив дома, и Джек понял, что она была его ведьмой, и убедил её войти».

Подтверждая, что Кэмерон ещё не приняла роль Джека, предусмотренную для неё, Фрей вспоминает тот день, когда группа детей назвала её ведьмой, когда она подъехала в своём Паккарде к светофору: «Это смутило Кэнди, но только подтвердило веру Джека в неё. Она не купила вещи, указанные Джеком, она чувствовала, что это смешно. Кэнди отказалась верить, что она была его ведьмой или что его магические стремления были хоть насколько-то обоснованы. Она только выразила мне негативные чувства по отношению к Кроули и его философии. Джек сказал мне, что это разочаровало его, но не отговорило от мысли, что она со временем осознает свою роль в его жизни».

С помощью Джека Фрей встретился с Уилфредом и Хелен Смит, и, несмотря на то, что он не был членом О.Т.О., его пригласили посмотреть на Гностическую мессу, кроулианское ритуализованное прославление священной сексуальности.

Джордж Фрей: «Джек не давил на меня и не заставлял вступать в группу. Я читал Библию, Коран, Книгу Мормона, Тору, Бхагавадгиту, и он думал, что я могу ответить на многие вопросы, разные мистические вопросы. Они брали меня в большинство мест, куда они шли; мы провели много времени вместе. Они были очень совместимы и много смеялись, когда я был с ними. Там не было никаких споров, только странные беседы и поощрения. Джек не был задирой, и с Кэнди было легко ладить. Она всегда была спокойной. Я никогда не видел, чтобы

она волновалась. Она много смеялась; часть её юмора была в её картинах, которые казались мне странными».

Любовь Джека к норвежским и кельтским мифам и легендам о короле Артуре отражалась в большей части поэзии, которую он написал, и это также повлияло на имя немецкой овчарки, которую он взял, чтобы составить компанию Кэмерон, пока он был на работе — Фрея. Когда Джек и Кэмерон уезжали на остров Каталина в выходные, они часто оставляли собаку с Фреем, находя сходство между их именами. Благодаря Кэмерон Фрей начал открывать для себя другую сторону Манхэттен-Бич, вроде дома, который она ему снимала, принадлежащего сборищу курящих трубки нью-йоркских лесбиянок среднего возраста.

Благодаря всем своим взлётам и падениям Джек поддерживал связь со своими старыми друзьями-фантастами, в том числе с писателем Робертом Хайнлайном, человеком, который делился своими либертарианскими взглядами и позже включил телемитские темы в свои произведения. Некоторое время двое мужчин и их жены составляли грозный квартет, хотя претензии любовника Хайнлайна и голливудской шелухи совсем не задевали вкусы Кэмерон. Она понравилась жене Хайнлайна Лесли, по праву известной как довольно радикальный мыслитель, но интерес к Кэмерон был потерян, когда Хайнлайн променял её на юную рыжеволосую Вирджинию, видимо, чтобы конкурировать с Джеком.

Живя комфортной жизнью праздного мечтателя на прекрасных пляжах Калифорнии, Кэмерон жаждала продолжить творческую жизнь, и с одобрением Джека она планировала поехать в Париж, врата к искусству. Причина поездки в Европу была двойная. С оплатой по G.I. Bill (льготы демобилизованным — прим. переводчика) и рекомендательным письмом от Ларсера Фейтесона, который преподавал в Художественном центре школы в Пасадене, Кэмерон надеялась записаться в Академию де ла Гранд Шомьер, одну из самых известных художественных школ в Париже, которая гордилась Альберто Джакометти и Амедео Модильяни среди своих предыдущих выпускников. Она также планировала посетить Кроули в Англии, чтобы занять сторону Джека из фиаско в

отношении с Хаббардом, а не вынуждать его основывать своё мнение на односторонней коммуникации. Кроули был озадачен посланиями Джека о Работе Бабалон и остался совсем не впечатлён последующим финансовым падением. Осознавая своё падение в глазах Кроули, Джек надеялся, что это могло бы помочь восстановить свои отношения с человеком, которого он когда-то считал своим любимым отцом, и в письме, которое он написал Кроули до отъезда Кэмерон, Джек заверил его, что в течение последнего года он перестроил свою жизнь эмоционально и финансово и теперь твёрдо стоит на ногах.

В этот период после целой жизни экзотических путешествий и безумных исследований Кроули ушёл в отставку, живя в пансионате, метко названном Netherwood, в Гастингсе на южном побережье Англии, где ему суждено было провести свои последние дни. Физически он был бледной тенью себя прежнего, хотя, как доказывают его письма, у него сохранялся удивительно острый ум, несмотря на капризность, связанную с ухудшением здоровья и длительным применением опиатов.

Покидая солнечный климат Южной Калифорнии зимой 1947 года, Кэмерон отправилась в Нью-Йорк, где она села на лайнер SS America ocean, направляющийся в холодную Европу. По дороге она обедала с офицерами за столом капитана, словно так было принято для красивых женщин-пассажиров, и на борту встретила с вашингтонским корреспондентом Нью-Йорк Таймс Артуром Кроком. Возможно, из-за смеси паранойи военного времени и своего слишком бурного воображения Кэмерон начала задаваться вопросом, не выслеживает ли её для правительства руководитель бюро Пулитцеровской премии, с подозрением, почему жена важного учёного-ракетчика путешествует одна в Европу.

Прибыв в Гавр, Кэмерон поехала в Париж на поезде, но Город Света, который приветствовал её этой зимой, был по её собственным словам «экстремальным и мрачным». Несмотря на то, что война кончилась, она видела проституток, обритых за братание с нацистскими оккупантами. Кэмерон позже утверждала, что в том городе она подружилась с тогда ещё неизвестной шансонье Жюльет Греко. Бывшая в то время лишь привлекательной мордашкой на сцене, Греко вскоре стала

любимицей богемы, появившись в качестве одного из мятежных подростков в фильме Жана Кокто «Орфей», познакомившись с тёмным принцем джаза Майлсом Дэвисом и став кем-то вроде приемника Эдит Пиаф.

По какой-то причине зачисление Кэмерон в Академию де ла Гранд Шомьер не удалось, и никто не помог ей посетить Кроули в Гастингсе. Хотя она написала ему о своих планируемых поездках в те выходные, газетчики ей сказали, что Великий Зверь 666 больше не рычит и умер 1 декабря от респираторной инфекции. Дейдра МакАльпин, мать юного сына Кроули Алистера Ататюрка присутствовала у его постели, когда он умирал. Позже она записала, как Боги приветствовали смерть ударами грома.

Несмотря на значительное обаяние г-жи Греко, Кэмерон покинула Париж и поехала в Швейцарию, в небольшой, живописный город Лугано, где она заказала отель рядом с местным монастырём с видом на озеро. Без возможности разговаривать с местными жителями, она провела большую часть дней, гуляя в одиночку, чтобы избежать оглушительного звона монастырских колоколов, которые час за часом сотрясали стены её комнаты. К концу трёх недель из-за непрекращающегося колокольного звона и накативших недавних событий с Кэмерон случилось что-то вроде психотического срыва, граничащего с ликантропией! По её собственным словам, она прекратила смотреть в зеркало в полный рост в своём гостиничном номере, «голая с растрёпанными волосами, висящими над глазами, рыча на себя в зеркало». В отчаянии она связалась с Джеком, который послал ей немного денег, чтобы вернуть её обратно в Париж и далее — домой.

Напоезде из Лугано в Берн, Камерон обнаружила себя зажатой в ментальном поединке со священником, сидевшим напротив неё, и промелькнуло множество шпионских интриг, реальных или надуманных, когда появился высокий блондин в пальто, подобно персонажу из шпионского романа, демонстративно насвистывая мелодию «Someone To Watch Over Me» и идя в её сторону. Кем бы он ни был, возвращался ли в Сан-Франциско после шести месяцев пребывания в Лапландии, как он сам утверждал, или это только прикрытие, но, по мнению Кэмерон, он её выслеживал.

Дальше последовала мелодрама, когда поезд, направляющийся в Париж, сошёл с рельсов, и его обитатели 24 часа вынуждены были оставаться на путях. Естественно, что неудобство вызвало панику среди отрезанных от цивилизации пассажиров, в том числе труппы танцовщиц из Военного театра. Пассажирам пришлось выживать без пищи и воды, довольствуясь только вином и печеньем в качестве провизии. Сначала путешественники держались вместе, но дружелюбие начало давать сбой по мере того, как следующие один за другим поезда проносились мимо, осыпая их сажей. Терпение лопнуло, и уставшие от напряжения пассажиры ополчились друг на друга, создавая сильную шумиху. В результате, прибыв в Париж, они едва могли друг друга вытерпеть. Вся эта поездка набила оскомину Кэмерон, и прошли десятилетия, прежде чем она полностью поняла реальную значимость странного происшествия в Лугано.

Раскрыв «Голливуд 10» в своём расследовании предполагаемого влияния коммунизма на индустрию кино, Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (The House of Un-American Activities Committee) была теперь занята поиском подозреваемых среди правительственных служащих, особенно тех, кому доверены секретные сведения. Щупальца исследований распространились повсеместно, и в то время даже президент Трумэн был бы вынужден сделать публичное заявление, гарантирующее, что в правительстве не было никаких коммунистов. Штрафы были жёсткими, поэтому, когда всплыла информация, что мнимая ассоциация Джека, якобы симпатизирующая коммунистам, находится в кампусе Калифорнийского технологического института, начиная ещё с конца 30-х годов, его работа на North American Aviation была немедленно приостановлена.

По правде говоря, Джек участвовал там в ряде встреч, его интерес рос из общей тревоги о появлении фашизма в Европе и наивной веры в то, что коммунизм — единственный адекватный оплот против него. Это был не первый случай, когда подобные обвинения выдвигались против него. Джек по горло был сыт федералами ещё десять лет назад, и когда его спросили о связи с такими людьми, он объяснил, что перестал общаться с коммунистами и разорвал все связи с группой. Членством Джека в «Церкви Телемы» также в то время интересовались

для обнаружения очагов подрывной деятельности в «религиозном культе, который сильно намекает на свободную любовь», как его описывали следователи. Федеральные агенты откопали жалобы в полицию о дурацких собраниях, происходящих в доме на 1003, но Джек утверждал, что его группа была братской организацией, посвящённой братству и свободе и правам личности, являясь антикоммунистической и антифашистской и полностью поддерживающей военный режим. После того первоначального расследования никаких действий не последовало, и Джек вскоре проинформировал федеральных агентов, что больше не является частью этой религиозной группы, хотя он и остаётся индивидуалистом. Власти приняли показания Джека, и шесть месяцев спустя, в марте 1949 года Департамент по занятости в промышленности восстановил его допуск и вернул к должности. По мнению Джека, запугивание и паранойя политической охоты на ведьм была симптомом авторитаризма, присущего иудейско-христианским ценностям, на которых держится вся страна. Система убеждений, которая поддерживает расизм и угнетение женщин, но преследует свободомыслие. Это только укрепило его желание поставить на колени всю эту продажную систему. В итоге, под своим магическим именем Беларион Антихрист Джек составил «Манифест Антихриста», полемику, направленную против злых сил «Чёрного Братства», любимого термина Кроули, означающего христианство.

Департамент по занятости в промышленности сообщил, что Джек работал на North American Aviation, но вместо возвращения на старую работу он устроился в Hughes Aircraft Company, работая главой отдела по исследованию и разработке топлива, двигателей и групп управления запуском. Как только профессиональная жизнь наладилась, начали появляться трещины в браке Джека и Кэмерон. Перед свадьбой Джек настоял на открытом браке, но по-прежнему страдал от разрыва с Бетти, и ему всё труднее было примирить высокие идеалы с капризами нежного сердца. Были времена, когда он даже не знал, где Кэмерон, с кем она и когда она возвращалась домой, и, кроме того, на длительные периоды времени он уходил в работу. Как следствие, после всего трёх лет брака Джек и Кэмерон начали планировать развод.

И наоборот, чем дальше они расходились как пара, тем ближе они шли вместе как магические партнёры. Когда Кэмерон стали терзать приступы оцепенения — мягкая форма эпилепсии, характеризующаяся мышечной ригидностью и потерей телесного контроля, часто приносящая крайний стресс и эмоциональный шок — Джек предложил ей использовать трансподобные состояния, чтобы выйти на астральный план. Он познакомил её с книгами Сильвана Мульдона, автора «Проекции астрального тела» и товарища по несчастью, который систематизировал спонтанный опыт выхода из тела, пережитый им, начиная с детства.

Чтобы помочь этим путешествиям и облегчить симптомы, Кэмерон стала привычным потребителем гашиша, наркотика, известного умственной стимуляцией и одобренного пророками и поэтами, от Блаватской до Бодлера. Её употребление наркотика стало настолько частым, что бывшая жена Джека Хелен даже начала критиковать её закуски, стимулирующие его использование и способствующие возрастной полноте Джека!

Хотя её не убедила философия Кроули, и она не выполняла отведённую ей мужем роль Алой Женщины — наименование, данное Кроули жрицам сексуальной магии — Джек постепенно подводил Кэмерон к своему магическому способу мышления. По рабочим обязательствам Джек отправлялся в Нью-Йорк, Вашингтон и Алабаму, пока летом 1950 года ему не понадобилось завершить обучение Кэмерон, и между октябрём 1949 и февралём 1950 он написал серию писем, ведущих по оккультным искусствам.

Воспитывая интерес своей супруги к картам Таро, Джек учил, что их цель не в облегчении ясновидения, а в том, чтобы помочь осветить Путь или метафизическое путешествие по каббалистическому Древу Жизни. Как и любой хороший учитель, он рекомендовал своей жене ряд материалов для чтения. Наряду с работами Кроули, в их числе были «Золотая ветвь» сэра Джеймса Джорджа Фрэзера, широко распространённая в качестве краеугольного камня в изучении религии и магии, «Король и Труп» индолога Генриха Циммера и «Герой с тысячью лиц», написанный бывшим студентом Циммера, мифологом Джозефом Кэмпбеллом, — работа, рекомендованная Джеком для понимания юнгианской концепции Героя.

По мнению Джека, простота является ключом к победе в войне духовных идей, и он беспокоился, что в настоящее время магия погрязла в большом количестве бессмыслицы. Он провёл параллели с гностицизмом, чьи духовные истины оказались слишком сложными для понимания крестьянским умом, и в результате он проиграл упрощённой истории христианства, которое было намного проще для понимания. Самое важное, что Джек пролил свет на Работу Бабалон, давая Кэмерон информацию по частям. Хотя большая её часть осталась окутана тайной, содержащей секреты, которые он никогда бы не раскрыл, он описал появление Бабалон полностью в кроулианских терминах, как духовный Армагеддон, что приведёт к уничтожению монотеистических богов.

Утверждая, что его с Хаббардом магический вызов удался, Джек считал, что Бабалон уже гнездится где-то на Земле в человеке-хозяине и в нужное время проявится, чтобы выполнить пророчество. Чувства триумфа и трагедии, казалось, были неразрывно связаны в словах Джека о Работе Бабалон. Объясняя, как проводить Енохианские Ритуалы, чтобы добиться благосклонности Богини Бабалон, Джек предупредил, что такие ритуалы чреваты опасностью, и в качестве доказательства упомянул, как он недавно перенёс несколько астральных нападений в связи с Работой. Чтобы подчеркнуть свою точку зрения, он упомянул Кроули и некоторых его учеников, которые протаптывали этот опасный путь и либо умерли, либо серьёзно ухудшили своё физическое состояние.

В случае, если ему суждено стать следующим, Джек передал жезл Бабалон своей бывшей жене, единственной надежде в случае его смерти. Ознакомив её с необходимыми ритуалами и магическими техниками, Джек дал понять, что Бабалон была Великой Работой, связавшей их вместе. Однако это пророчество пришло со зловещим предостережением. Предчувствуя трагедию в будущем, Джек боялся, что если его магия работает неправильно, может случиться катастрофа для них обоих. Планируя семь лет подготовки перед тем, как Бабалон освободится и даст почувствовать своё присутствие в этом мире, Джек предполагал, что в день её манифестации он будет потрясён своей *работой*. Это чувство несло жуткий смысл.

Подключившись к духовному потоку Кроули, магическая инвокация Джека предвосхитила революционный дух времени. Рок-Н-Ролл был готов прорваться в мир, его дикий дух ломал расовые, сексуальные и религиозные барьеры и преобразовывал эпоху, украшая сверкающим пантеоном новых языческих богов. Мэрилин Монро, Афродита атомного века. Джеймс Дин, Люциферинский ангел, восстающий против отца. И в центре — Дионисийский Элвис Пресли, чьё завораживающее сочетание госпела и дьявольского блюза сделало его олицетворением сексуальности, напуганной библейским поясом (особо религиозные районы на юге и среднем западе США — прим. переводчика) как воплощением Дьявола.

Во второй половине XX-го века произошло Вавилонское столпотворение. К сожалению, Джек до него не дожил и не узнал, как воплотилось видение.

БРИТВА ОККАМА

*Иногда самым адекватным ответом
на реальность будет сойти с ума.
Филипп К. Дик.*

В издании от 5 января 1948 года Журнал Life на трёх страницах расписал о поселении художников, часто посещаемом американскими ветеранами в живописном городе Сан-Мигель-де-Альенде в Мексике. Опираясь на успешное признание художников-монументалистов Диего Риверы и Давида Сикейроса, страна переживала культурное возрождение в искусстве и, пока их пребывание финансировалось по G.I.Bill, Сан-Мигель стал магнитом для тысячи американцев с художественными наклонностями, стремившихся сбежать от скучной консервативной жизни ради более непринуждённого существования.

Своей колониальной архитектурой, лазурным небом и тёплым приёмом людей город обеспечивал прекрасный фон для изучения искусства, и тем летом Кэмерон стала одной из многих ответивших на его вызов. Она поехала с одобрения Джека и с его предложением финансовой поддержки, пока она там. Репутация Сан — Мигеля как города для отдыха была обоснованной, и Кэмерон втянулась в гедонистический ритм жизни, наслаждаясь потрясающей бурной жизнью с мексиканским тореадором и местным дворянином. Она также завела нескольких новых эксцентричных друзей, таких как европейская эмигрантка Рената Друкс. Она родилась в 1921 году и выросла в Вене, в богатой еврейско-австрийской семье. Училась в Венской Академии Искусства

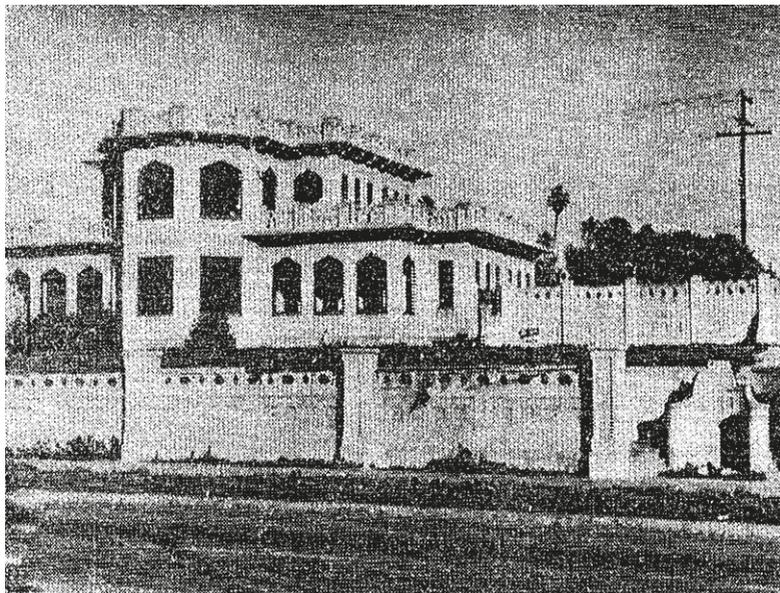
для женщин. Однажды во время нацистской оккупации немецкий офицер спрашивал у юной красотки дорогу и согласился взять её в свою машину, чтобы она показала, куда ему ехать. Когда родители увидели её выходящей из автомобиля, они были в ужасе и сразу выдали замуж за д-ра Луме, на условии, что он возьмёт её в Америку ради безопасности. Они поселились в Нью-Йорке, где Друкс поступила в Лигу студентов-художников. С такой же страстью к приключениям, как у Кэмерон, Друкс поссорилась с мужем и уехала в Сан-Мигель, где продолжала оттачивать свой романтический стиль реалистической живописи. Хотя в ней и осталось что-то от гранд-дамы, она, несмотря на свою состоятельность, была привержена богемному образу жизни, живя с молодым американским любовником Полом Мэтисоном, впоследствии сменившим фамилию на Андре, чтобы сделать комплимент европейскому прошлому Друкс. Высокий и светловолосый Мэтисон с гордостью хвастался, что у него есть золотой хвост, и это было частичной правдой: у него было расширение позвоночника. Хотя он был геем с бисексуальными наклонностями, Друкс была глубоко влюблена в Мэтисона и мазохистски наслаждалась «агонией» его безумных привязанностей.

Пока Кэмерон жила в Мексике в La Vida Loca, Джек освободил дом на Манхэттен-Бич и переехал в апартаменты в стиле барокко, расположенные на берегу моря в Редондо-Бич и известные как «Бетонный замок». По словам Джорджа Фрея, рядом с Джеком жил пилот ТWA, которого Джек подозревал в шпионаже за собой для Говарда Хьюза.

«Джек не мог свободно говорить в присутствии других людей, и, кроме того, он там хранил опасные химические вещества».

Пока жена Джека была в отъезде, Фрей познакомил его со своей подругой Глэдис Гоуэн, простой, хотя и нервной дамой, которая интересовалась в основном танцами.

«С ней было довольно трудно иметь дело, потому что она была слишком эмоциональной и много плакала», — вспоминает Фрей. — «Это были совсем короткие отношения, месяц или около того». Несмотря на это, Гоуэн не теряла времени, обустроив гнездо для себя и своего нового мужчины. Однако для Джека Гоуэн была чисто игрушкой, и он не собирался строить с девушкой серьёзные отношения. С ней отсутствовала

*«Бетонный замок» на Редондо-бич, где жил Джек, пока Марджори
гостила в Мехико.*

пища для ума, которой он наслаждался с Кэмерон; она была просто приятным развлечением, пока не вернулась его жена. Когда Кэмерон вернулась обратно в Калифорнию, одной из первых вещей, которые она сделала, был комплимент изменениям, привнесённым Гоуэн в жилище.

Джордж Фрей: «В типичной для Кэнди манере она сказала: „Мне это нравится, она придаёт дому приятный оттенок женственности“.»

Кэмерон проявила подлинное беспокойство по поводу возможности потери Джека, и они оба начали улаживать свои супружеские разногласия. Вскоре все разговоры о разводе прекратились, и они стали ещё ближе друг к другу, чем в сентябре, когда действия Джека заставили людей из правительства усиленно наблюдать за ними.

Предыдущее федеральное расследование вернуло его из отставки в North American Aviation, что оставило на Джеке свой отпечаток. Хотя он и очистился, как гордый цивилизованный

либертарианец, невыносимая атмосфера и неприятные расследования его политических и религиозных убеждений заставили его пойти против всего, к чему он стремился, и он подумывал покинуть страну, чтобы работать за рубежом, как и его друг с левыми убеждениями Фрэнк Малина.

Имея это в виду, он связался со своим старым наставником Теодором фон Карманом, который познакомил его с Гербертом Т. Розенфельдом, президентом филиала American Technion Society в Южной Калифорнии, группы, состоящей из технологов, учёных и предпринимателей, назначенных правительством Израиля на работу в США в сфере технического развития на благо недавно сформированного государства Израиль. В то время Розенфельд просил Джека составить план Израильского химического завода, который он представил должным образом, но впоследствии ничего о нём не услышал.

В августе 1950 года Джек сделал второе заявление о занятости с Розенфельдом, который на этот раз попросил его представить программу развития самолётных двигателей. Так как Джек работал над аналогичным проектом для Hughes Aircraft, он заимствовал некоторые документы, относящиеся к реактивному движению двигателей и ракетным топливам, чтобы помочь ему рассчитать смету расходов. Его бумаги затем передали Бланш Бойер, подруге Джека и Кэмерон, чтобы напечатать в виде брошюры, но когда она увидела конфиденциальный характер файлов и узнала, что предложение было предназначено для другого государства, она запаниковала и связалась с начальником военной полиции ВВС, который в свою очередь привёл в готовность ФБР. Когда было обнаружено, что Джек удалил запрещённые файлы из помещения компании без соответствующего разрешения, его работа в Hughes Aircraft была прекращена, и началось расследование по обвинениям в шпионаже.

На следующий день 27 сентября Джек добровольно пошёл в офисы ФБР в Лос-Анджелесе, чтобы объяснить свои действия. Он честно признался, что совершил ошибку, но заявил, что он заимствовал секретные документы во время работы в JPL, и пояснил, что он планировал использовать данные, выполняя задание для Дяди Сэма. В приложении к материалам ФБР Джек включил свой профиль, сделанный, по-видимому, кем-то

знакомым. На нём была изображена «странная, необычная пара, живущая не по общепринятым законам брака, и оба увлечены необычным или ужасным, например, вудуизмом, культами, гомосексуализмом и различными религиозными практиками».

Кэмерон почувствовала, что её муж все ещё привязан к фартуку матери, и её независимый дух, по признанию Джека, помог отучить его от привычки, чтобы с ним нянчились. Тем не менее, уделяя особое внимание динамике отношений между супругами, вторая часть описания, довольно неправдоподобная, описывала Кэмерон инициатором любого проступка.

«Субъект, кажется, очень влюблён в свою жену, но она, по-видимому, не отвечала на его любовь. Она доминирует в паре и контролирует деятельность и мышление субъекта в очень значительной степени. Есть мнение, что даже если субъект сделал что-либо умышленно, причиной участия в любой деятельности международного шпионажа, вероятно, было подстрекательство жены».

Позже стало понятно, что именно Кэмерон передала конфиденциальные документы Бойер, чтобы их напечатать, и она тоже была втянута в расследование, и 2 декабря её допрашивали специальные агенты. Кэмерон призналась, что она знала, что её муж готовил план для использования в заявке для Израиля, но добавила, что она не знала источник материала и всего лишь читала этот материал, чтобы проверить орфографию и грамматику (Джек немного страдал дислексией).

В результате были рассмотрены военные документы Камерон. Характеристика на основе интервью описывала её как «умного, находчивого и живого человека». В ней также содержится описание её планов на будущее: «Она — признанный либерал, заявивший недовольство этой страной и желающий растить детей, которые могут у неё появиться, в другой стране, где дети будут иметь свободу делать, что им нравится. В этой связи она упомянула желаемыми странами Мексику и Израиль».

В ожидании расследования, обрушившегося на его голову, и будучи не в состоянии получить работу в выбранной им сфере, Джек был вынужден искать другую работу, и некоторое время был вынужден качать газ. По мнению Фрея, его друг был прагматичным для этого: «В целом, Джек руководствовался принципом «Делай, что должен»».

Неприятностей добавляло то, что в то время как Джек влачил жалкое существование, выполняя низкооплачиваемую работу, вышедшая в начале этого года в мае книга Л. Рона Хаббарда «Дианетика: Современная наука душевного здоровья» стала бестселлером, принеся своему автору внимание национальных СМИ.

Восхваляя процесс саморазвития, направленный на «очищение» индивида от «инграмм» — травматических мыслей или психических блоков, переживаемых при родах и в годы становления, книга оказалась гораздо более удобоваримым путём к самореализации, чем телема. Это стало настоящим пинком под зад для Джека, учитывая, что многие, в том числе Кэмерон, считали, что Хаббард получил некоторые идеи для книги, живя с её мужем, а также изучая работы Кроули в библиотеке Джека. Кэмерон позже рассказала друзьям, как она когда-то застала Хаббарда копающимся в мусоре на задней части дома на 1003, когда он пытался получить документы, выброшенные Джеком. Хаббард, конечно, не скрывал влияние телемы на свои работы, и со временем он начал считать себя преемником Кроули, даже ложно утверждая, что он знал Великого Зверя, хотя эти двое мужчин никогда не встречались, и Кроули считал Хаббарда не более чем мошенником.

Тем не менее, Дианетика появилась в удачное время. Война создала монстров, и некоторые из ранних исследований Хаббарда сосредоточили своё внимание на оказании помощи получившим психологические травмы военнопленным. Для многих страдающих от невроза в послевоенный период по-прежнему мешал стереотип о посещении психиатра, поэтому книга о помощи самому себе стала гораздо более привлекательным вариантом. Вырезая серую зону между религией и психиатрией, дианетика заложила основы Церкви Саентологии, принося прибыль и воплотив часто упоминаемую мечту Хаббарда начать свою собственную религию «потому что там деньги». Джек нашёл некоторое утешение, когда Хаббард стал двоеженцем, и брак с Бетти распался, таким образом, карма проявляла собственное понимание справедливости.

***

К марту 1951 года Джек и Кэмерон вернулись в Пасадену, переместившись в Каретный Дом, относящийся к старому

особняку Крикшенк, в дом 1071 за Южной Апельсиновой Рошей, немного ниже квартала, где находился старый дом Джека 1003. Кэмерон переделала чердак над жилыми комнатами в студию, а Джек превратил прачечную на первом этаже в импровизированную лабораторию, где он хранил свои химические вещества и печь для кальцинации. В мае Джек создал свой собственный бизнес, Химическую Компанию Парсонса, и начал выполнять заказы для Vermite Powder Company, производя взрывчатые вещества и пиротехнику для Голливудской киноиндустрии.

Возвращение в Пасадену сблизило Джека и Кэмерон с новой социальной сценой, в которую входили Джулия Макдональд, известная светская львица, чье материальное положение позволяло ей заниматься двумя большими страстями: джазом и изобразительным искусством. Статная скульпторша ростом в 6 футов 2 дюйма была завсегдатаем джазовых клубов на Центральном авеню, и была известна как «Подруга с западного берега» гениального саксофониста Чарли «Новобранца» Паркера, чьи пулемётные импровизации сломали звуковой барьер джаза.

Дом Макдональд на Мэйлин-стрит в нескольких улицах от Каретного дома, стал домом вдали от дома короля бибоба, а для дочери Макдональд, Джуди, он был очарованием детства: «Он был первым отцом в моей жизни. Он был потрясающим. Он репетировал в гараже и приглашал людей. Я возвращалась из школы и встречала в доме Арта Блэйки, Эллу Фитцджеральд и Сару Вон».

Её мать была представлена Паркеру Бадди Андерсоном, частью группы афроамериканских джазменов, которые жили поблизости в доме на Вустер-авеню.

Бадди Андерсон: «У нас был клуб под названием Еманоп — что означало «Нет имени», записанное задом наперёд, и нас также называли Робо, что означает «гетто для бедных мальчиков». Мы были совершенно подпольной группой. Мы были авангардными типами, которые должны были постоянно появляться на поверхности. Группа включала Бадди Коллинза из Канзаса, моего самого лучшего друга Роберта Моргана, плотника, и Лероя Бута, с кем я был очень близок, и нескольких

общих резидентов. Он был профессиональным студентом, который всегда посещал занятия. Мы называли его «Дед», потому что он рано облысел».

Андерсон делал красивые украшения из чёрного дерева и слоновой кости и был известен своими клипсами: «Я только продал драгоценности и клипсы друзьям. Вы должны знать меня, чтобы купить их. Я не буду продавать вам, если вы мне не понравились».

Эти местные знатоки джаза стали постоянными гостями на вечеринках, устраиваемых Джеком и Кэмерон в Каретном доме.

Бадди Андерсон: «Джулия отвела меня к Джеку и Кэмерон в первую очередь. Они казались нормальной парой, но у них была необычная аура. По моему первому впечатлению, Кэмерон была очень интересным человеком, очень глубоким и несколько одержимым. Я очень любил её. Она всегда была хорошей и вежливой. Джека я знал не настолько хорошо, но он, казалось, обычный парень, он всегда был в классической белой рубашке и при галстук. Я помню, что он смешал бадью пунша с абсентом. Это было так красиво. Это было первым моим психоделиком. Кэмерон проявила интерес к нашей маленькой группе. Я никогда не мог представить эту связь. Нам было всё равно».

По мнению Кэмерон, джазовая сцена соединяла вместе людей, которые почувствовали общее разочарование, людей, которые, как она позже описала, были «отчуждены от культуры. Общественность в целом не была такой изощёренной во время Второй мировой войны, как большинство людей, которые в ней участвовали, и, возвращаясь, не нашли большой симпатии или интереса. Мы отчасти были связаны, как группа. Джаз предоставлял возможность познакомиться и идентифицировать себя с неграми. Я думаю, что, вероятно, нам всем были интересны униженные. Мы чувствовали, что мы тоже были слабыми и, конечно, чёрные музыканты сделали это очевидным».

Ирония, что афроамериканские солдаты воевали в отдельной армии против фашизма, чтобы, вернувшись домой, столкнуться с расовой дискриминацией, ни от кого не ускользнула, и на популярном радио-шоу национальный поп-идол Фрэнк Синатра сформулировал мысли многих: «Если говорить о толерантности соседей, каждый из нас знает, что Бог никогда не хотел, чтобы

люди боролись за свободу, а им отказали в любом проявлении свободы в стране, за которую они боролись».

Но при возвращении чёрных солдат избивали и даже линчевали толпы расистов за их военный героизм, и в знак протеста у памятника Линкольну встретилось огромное собрание чёрных и белых американцев и положило конец подобным злодеяниям. Звёздная делегация во главе с Альбертом Эйнштейном и Полом Робсоном лоббировала президента Трумэна лично принять законопроект против самосудов, чтобы отказать главнокомандующему, который боялся политической реакции влиятельных южных сенаторов.

Вроде так оно и было, хотя поколение военного времени почитало джаз, у него преобладал деклассированный статус музыки для негров. Расистская реакция некоторых сообществ по отношению к множеству великих музыкантов оказалась в доме Джулии Макдональд, доказывая своим примером, что пасенская вежливость была на самом деле поверхностной.

«Соседи были не довольны, что вокруг ходили все эти чёрные люди» — вспоминает Джули Макдональд с сожалением, — «и я больше не могла иметь подруг, потому что их родители не хотели видеть их среди ниггеров».

Кэмерон вместе с Макдональд стала часто посещать джазовые клубы на Центральной авеню, где она попала на выступление трубача Уорделла Грея и сблизилась с Перси Хитом, в последствии ставшим басистом Modern Jazz Quartet. Это место регулярно посещал художник Уоллес Берман, молодой любитель джаза, носящий костюмы в стиле зут, нарисовавший обложку для дебютного альбома своего кумира Чарли Паркера. Благодаря Джулии Макдональд, Берман встретил Джона и Патти Каррутерс, популярных личностей в арт-галерее Лос-Анджелеса, ставших друзьями Джека и Кэмерон.

Джон Каррутерс: «Я был как этот парень, который собрал группы вместе и привёл людей из Лос-Анджелеса на сцену Пасадены. Когда я впервые встретился с Джеком и Кэмерон, я подумал «это интересные люди, я бы очень хотел знать их. Они были динамичными. Они были частью группы людей, которых Джулия Макдональд называла „Левым берегом Пасадены“». Берман был одним из счастливых, которых Каррутерс пригласил

на свинговую пасаденскую сцену, и он приехал в сопровождении своей симпатичной подруги Ширли Моран, молодой женщины, которой было суждено стать его женой и музой.

Ширли Берман: «Я встретила Кэмерон и Джека в 51, за год до того, как я вышла замуж за Уоллеса. Каррутерс пригласил нас в воскресенье днём на вечеринку в Каретном доме, в котором были в основном люди из JPL и художники, это было очень странное сочетание, все эти сумасшедшие, странные молодые учёные. Было много джазовой музыки, люди много говорили и пили много вина. Это было красиво. Джек был красив как кинозвезда, просто великолепен, и такой интересный человек. Его с Кэмерон отношения были одними из тех, в которых один мог начать говорить, а другой бы закончил предложение. Он появился в дверном проёме как видение, и всё было тихо, и она тихо пришла, понимаешь, как своего рода вещь. Они были просто прекрасны. Он сказал нам, что когда он встретил Камерон, он сразу понял, что она — его супруга».

Джон Каррутерс был одним из многих, кто не мог не заметить сексуальную ауру, которую излучала эта харизматичный пара: «Джек был спокойным парнем, в то время как Кэмерон была более яркой, хотя и не особенно страстной личностью. Она была очень похожа на мужчину, с угловатым лицом и сладострастным телом, великолепной грудью. Они оба были бисексуалами, так что для Джека Кэмерон была частью того, чем он хотел быть».

Во время первого визита Уоллес Берман показал Кэмерон копию «Степного волка» Германа Гессе, писателя, чьи произведения могли бы стать ключом к ней. В свою очередь, Кэмерон показала Берману некоторые свои рисунки в своей студии и рассказала об уроках живописи, которые она проходила, и показала иллюстрации, сделанные ею для модных журналов.

Ширли Берман: «Она рассказывала это почти как секрет. Она не гордилась этим; она просто занималась этим некоторое время за деньги. Кэмерон знала пару человек, которых знал мой муж, художники, как Зортиэн, у которого был особняк на склоне холма в Алтадене с замечательным огромным бассейном».

Жирайр Зортиэн был богатым армянским художником, известным своей любовью к нудизму и диким вечеринкам. Джек

и Кэмерон были его постоянными посетителями, и картинки Кэмерон украшали стены дома. Один особенный праздник стал частью Пасаденской легенды. На вечеринке в качестве гвоздя программы появился Чарли Паркер и в какой-то момент разделся, играя в обнажённом виде.

«Почти все последовали его примеру, кроме этого парня из Африки, который был потрясён и оскорблён, что люди в такой цивилизованной стране, как Америка, вытворяли подобное», — вспоминает Бадди Андерсон. — «Он сказал, что пришёл в эту страну, чтобы уйти от поведения, подобного этому». Андерсон сомневается, что Джек и Кэмерон присутствовали в ту знаменитую ночь, хотя приходил Паркер и останавливался в их Каретном доме по другому поводу. Можно представить, что Пасаденское общество подумало обо всём этом.

Ширли Берман: «Я всегда с подозрением относилась к пасаденскому обществу. Ха-ха. Моя сестра выросла в Пасадене, поэтому у меня другой взгляд. Я думаю, что они все придурки, они все уроды. Свободная любовь достигла Пасадены прежде, чем дело дошло до Лос-Анджелеса».

Одним из сознательных сторонников свободной любви была Джоан Прайс, которая работала натурщицей в Пасаденском институте искусств, позировала для различных художников, таких как Джулия Макдональд и Зортиэн. Очень сексуальная внешность и пышная фигура Прайс многих взбесила, и она быстро стала любовницей Джека и Кэмерон.

«Джоан Прайс была красивая и совершенная нимфоманка», — вспоминает Бадди Андерсон с нежностью. — «Она весила 205 фунтов, но имела идеальные пропорции фигуры». Андерсон познакомился с Прайс на одной из вечеринок Зортиэна, и вскоре она начала проводить много времени в Еманоп. «Никто не мог оставаться с ней. Это происходило в считанные секунды. Вот такой она была. Если бы она встретила парня, с которым она бы хорошо смотрелась вместе, она бы пошла на это. Она была классическим ангелочком».

Другой сексуальной девушкой Каретного дома была Джоан Уитни, высокая сексапильная блондинка, которая вместе с приятелем Мейми Ван Дореном вынашивала мечту покорить Голливуд. Уитни получила приглашение от Джона Каррутерса,

и, встретившись с Джеком лишь пару раз, она обнаружила, странную мгновенную связь с ним.

Джоан Уитни: «Джек был таким знающим человеком, и это было, словно вы знали кого-то, и вы ничего не сказали, потому что он знал, что я думала, и я знала, что он думал, и это было очень странно».

Кроме того, на этих собраниях регулярно появлялись Рената Друкс и Пол Мэтисон, который переехал в Калифорнию из Сан-Мигеля и обустроил дом в Малибу. Джордж Фрей часто совершал далёкие поездки для пятничных вечеров Джека и Кэмерон.

Джордж Фрей: «Появлялись очень интересные люди. Кэмерон и Джек никогда не предоставляли прохладительные напитки. Ожидалось, что все посетители принесут свои любимые напитки, например, вино, пиво или термосы с горячим кофе или чаем. Эта идея появилась, поскольку вкусы были столь разнообразными, и гости не разочаровались бы так, если бы они выбрали и принесли свои собственные. Мы сидели на скамейках вокруг большого стола из красного дерева, который мог вместить около шестнадцати гостей, и комната была освещена рядом чёрных свечей, расставленных вдоль центра стола. У многочисленных друзей Джека и Кэмерон, казалось, никогда не заканчивались увлекательные истории, и, когда приходили новые гости, кто-то обычно рассказывал о своём интересном прошлом опыте. Все понимали, что рассказчик должен игнорировать новичков и не прерываться. Поэтому любые вновь прибывшие тихо садились и ставили принесённые с собой напитки на стол. Потом, когда рассказчик завершал свою историю, Джек или Кэмерон знакомили прибывших с другими гостями, которых они могут не знать».

Со стены на них смотрел огромный, в натуральную величину, написанный маслом портрет Жанны д'Арк, держащей знамя и размахивающей кровавыми копьём.

***

Через тринадцать месяцев после расследования по обвинению Джека в шпионаже, дело было, наконец, остановлено, и из-за

Джек, Кэмерон и их подруга Джорджия Блейк отдыхают в Сан-Мигель-де-Альенде за четыре месяца до смерти Джека. Февраль 1952 (Любезно предоставлено Варбургским институтом).

отсутствия достаточных доказательств с него сняли обвинение. Документы посчитали безвредными, и суд решил, что Джек не собирался использовать любую информацию во вред США или какой-либо другой стране. За несколько золотых месяцев спокойствие было восстановлено, однако Новый год принёс плохие вести, когда Департамент по занятости в промышленности отозвал допуск Джека раз и навсегда, заявив, что в свете недавнего расследования, он «не обладает целостностью или конфиденциальностью и ответственностью, необходимыми для безопасности классифицированной военной информации». Это положило конец карьере Джека в оборонной и аэрокосмической промышленности США и заставило его искать работу за рубежом.

В марте 1952 года Кэмерон взяла Джека и их соседа и друга Филиппа Гронквиста на небольшую экскурсию, посмотреть чудесный Сан Мигель-де-Альенде. Им, очевидно, понравилось, потому что как только они вернулись обратно в Калифорнию,

Джек и Кэмерон планировали съездить туда летом ещё раз. В начале июня Джек подписал договор аренды Каретного дома для Сала Ганси и его партнёра Мартина Фошауга, двух молодых друзей Кэмерон, ранее встреченных в Сан-Мигеле и теперь связанных с Пасаденским театром. Новые владельцы первым делом предложили Джоан Прайс комнату на первом этаже рядом с лабораторией Джека. Вдохновлённый бывшими владельцами, Фошауг покрасил голову дьявола с открытым ртом на стене над кроватью Прайс в розовый цвет, и простыня из шенили стала напоминать торчащий язык дьявола.

В это же время, Джек и Кэмерон переехали к Рут Парсонс, которая сдавала недвижимость рядом с Агроуо Terrace, 424, пока её пожилые друзья отдыхали в Европе. Они планировали уехать 17-го июня, и в ночь перед отъездом Джек встретился с Джорджем Фреем в выставочном парке, где он говорил о грядущей поездке. «Джек хотел посетить там тюрьму времён инквизиции, которую, говорят, часто посещают. Он хотел познакомиться с призраками».

Кэмерон занимала идея отдохнуть в Мексике перед тем, как поехать в Израиль, где Джек мог бы найти новые рабочие места. Но планы поездки отменились на следующий день, когда Джек в последнюю минуту получил от Корпорации спецэффектов заказ на взрывчатку для предстоящего фильма. Джек решил, что если он поспешит, то сможет получить работу, пока Кэмерон закупает провизию, и они ещё успеют уехать. Днём, около 4:30 к Джеку заглянула Джоан Прайс и заметила, что он занят смешиванием химических веществ. Через полчаса спустился Сал Ганси и немного с ним поболтал, пока Джек ждал, когда в печи нагреется смесь. Уходя, Ганси пошутил: „Ради Бога, Джек, не взорви нас“. Джек усмехнулся и просил его не волноваться».

Примерно в 5:08 гремучая ртуть, которую Джек смешивал в банке из-под кофе, выскользнула из его правой руки. Инстинктивно он нагнулся, чтобы поймать зажигательную смесь, но, ускользнув из его рук, она взорвалась, ударившись об пол и оторвав его протянутую руку. С оглушительным шумом, который был слышен всей Пасадене, взрыв воспламенил остальные химические вещества в лаборатории, и случился повторный взрыв. Наверху, в своей комнате Сал Ганси был

ударной волной подброшен в воздух, и, несмотря на шок, он сразу понял, что случилось. Придя в себя, он осторожно, шатаясь, спустился вниз. Ожидалась ужасная сцена.

То, что было лабораторией Джека, стало пустой оболочкой. Проходя среди разрухи, Ганси обошёл зияющую дыру посреди развалин и нашёл наполовину скрытое тело Джека, лежащее под большой перевернутой ванной. Подняв ванну, он заметил ужасающий вид Джека, бывшего ещё в сознании, у него отсутствовало правое предплечье, с правой стороны обожжённого вспышкой лица была содрана кожа, обнажая челюсть и зубы Джека, который стонал, но не мог говорить из-за своей травмы лица, Ганси понёс вверх с помощью матери своего партнёра. Мартин Фошауг занялся вызовом экстренных служб.

Первой мыслью Ганси было уведомить Кэмерон, поэтому он поехал в Аггоуо Теггасе, чтобы найти Рут дома в одиночестве. Сначала Ганси преуменьшил тяжесть травм Джека, не желая вызвать слишком большой шок у его матери, но через некоторое время он признал, что состояние её сына было крайне серьёзным и что он не сможет жить. При этих новостях Рут рухнула на своё кресло.

Сделав всё возможное, чтобы успокоить её, Ганси пообещал вернуть свои слова обратно, когда он узнает больше. Когда он вернулся в Каретный дом, скорая помощь уже увезла Джека в Хантингдонский Мемориальный госпиталь, где около 5:45 его объявили мёртвым. В конце концов, Кэмерон подъехала к дому, и можно себе представить, как она, должно быть, изо всех сил пыталась понять и принять смысл шокирующих новостей, которые ей сообщили.

Вернувшись в Аггоуо Теггасе, Рут впала в истерику и с горя проглотила бутылку седативных, которые прислал ей врач, чтобы она успокоилась. Её подруга-инвалид Хелен Роуэн, которую позвали, чтобы заботиться о ней, ничего не могла сделать, но в ужасе наблюдала за действием таблеток и падением Рут в бессознательное состояние.

Вскоре после этого Джордж Фрей получил срочный телефонный звонок от Кэмерон, сообщавшей страшную новость, что Джек умер. Затем она попросила его приехать. «Она сказала, что её родители не поняли, и ей нужно посетить мать

Джека», — вспоминает Фрей. Несясь на автомобиле с максимальной возможной скоростью, Фрей прибыл в дом и встретил покупателя, принёсшего заказ на взрывчатые вещества, которые изготавливал Джек. Как и все, мужчина был неприятно удивлён новостями.

«Он выразил потрясение и скорбь, но Кэнди не была впечатлена и сказала мне, что человек был заинтересован только в уходе от юридической ответственности по отношению к смерти Джека».

Двое из них затем направились к Arroyo Terrace. «Мы вошли и увидели Рут сидевшей в кресле, выглядевшей расслабленной и спящей. Я сначала не понимал, но у Кэмерон был целый мешок марихуаны, который она взяла в спальню и положила под кровать для сохранности. Некоторое время спустя полицейский вошёл в спальню и спросил, сколько лет было покойному. Я сказал ему, что 38, думая, что он имеет в виду Джека, и он сказал: „Нет, она должна быть старше“, и тогда мы узнали, что Рут покончила жизнь самоубийством. Кэмерон просто заметила, что она не удивилась».

Стоическую реакцию Кэмерон можно объяснить тем, что она была занята более актуальным вопросом, как забрать из дома трёхпудовый мешок с марихуаной, чтобы копы не заметили.

Джордж Фрей: «Сложность заключалась в том, что, когда Рут умерла, Кэмерон и я больше не были законными жителями, и когда полиция пришла расследовать самоубийство Рут, они приняли на себя ответственность за дом и его обстановку. Они сказали Кэмерон и мне, что мы должны будем освободить дом с нашими личными вещами, прежде чем они могли бы уехать и оставить дом в безопасности, и они хотели осмотреть все, что мы уносим. Чемоданы Джека и Кэмерон находились в прихожей, готовые к погрузке в машину. Теперь Кэмерон не волновало то, что полиция осматривает её одежду и туалетные принадлежности, но она не знала, как забрать мешок с марихуаной. И она придумала хитрое решение. Она позвонила Джулии Макдональд и попросила её приехать как можно быстрее и привести свою самую большую сумку. У Джулии было несколько огромных сумок, и, когда она приехала, она положила тайник Кэмерон в свою сумку и вышла без инцидентов».

Фотокорреспонденты сфотографировали Кэмерон выходящей из дома, она выглядела бледной, но спокойной. Наслушавшись рассказов об ужасных травмах, она по понятным причинам отказалась осмотреть тело своего мужа в больнице, как это сделал Джордж Фрей: «Никто официально не опознал тело Джека. Я уверен, что это был Джек, но позже некоторые из последователей Джека задумались, был ли это другой человек».

Кэмерон провела ночь в Лагуна-Бич в доме Нетты и Дори Уортингтон, друзей-художников, которых она встретила в Сан-Мигель-де-Альенде. На следующий день, в лучшей традиции фильмов жанра нуар, она ушла из города и направилась к мексиканской границе со своим братом Бобби. Это позволило избежать любых неудобных вопросов и зловещих газетных заголовков, например: «Убит учёный — жрец чёрно-магического культа» и «Раскрыт сексуально одержимый культ учёного». Последняя история появилась в газете *Mirror*, на первой полосе которой преобладали пресс-фото Джека и экзотический образ Кроули в тюрбане и восточной одежде, курившего пенковую трубку.

В одной из газет на первой странице напечатали жуткую фотографию Рут Парсонс, замертво свалившейся в кресло. Её собака сидела у её ног, охраняя тело и глядя с тоской в объектив фотографа.

Несмотря на опровержение Кэмерон, некоторые статьи сообщают, что Джек тайно путешествовал в Мексику с намерением основать завод по производству фейерверков и взрывчатки. Даже Бобби, брат Камерон, намекал на это, но скорее всего, это было удобным прикрытием. Судя по большому количеству багажа, который ждал в коридоре в Аргоуо Тегасе, с красками и холстами Кэмерон и фехтовальной и стрелковой экипировкой Джека в прицепе автомобиля, было ясно, что пара собиралась уехать надолго и не планировала в ближайшее время вернуться.

Кэмерон поручила Джорджу Фрею позаботиться о кремации Джека: «Гробовщик спросил, хочу ли я заодно похоронить и мать Джека. По его словам, социальное страхование может позаботиться о половине счёта, равной \$ 300, и он сказал, что если бы он мог найти кого-то, чтобы оплатить остальную часть её похорон, он сделает кремацию Джека

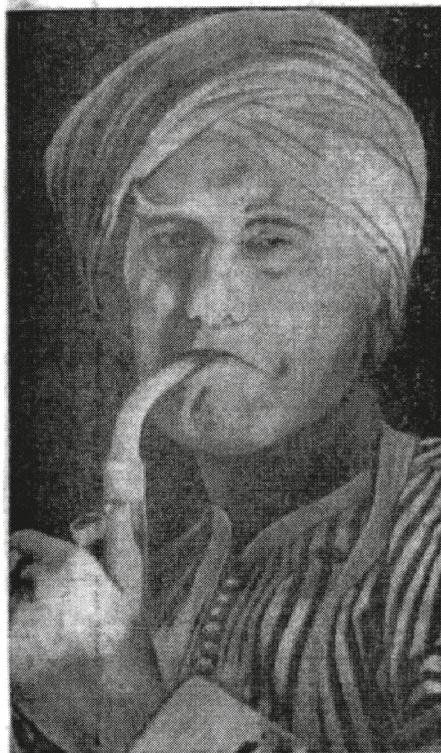
бесплатно. Поэтому я дал ему имя сестры Рут. Прах Джека был помещён в бронзовую урну, и я заплатил \$ 5 за его хранение. Кэмерон забрала её по возвращении. «Кэмерон также оставила специальную чёрную коробку Джека, содержащую его магические рукописи и принадлежности с просьбой Фрею: «На коробке была навесная деревянная крышка и записка, гласящая: «не идите дальше, или вы потеряете вашу жизнь», и я порезала сустав большого пальца, когда открывала её. Я отнеслась к этому серьёзно и закрыла её после этого. У меня до сих пор шрам».

***

В Мексике Кэмерон поехала в свой любимый Сан-Мигель-де-Альенде, где она изо всех сил пыталась смириться с чудовищностью того, что произошло недавно. Две недели она читала о множестве НЛО, недавно замеченных над Капитолием в Вашингтоне. Она приняла это как небесный ответ на уход своего мужа.

В городе Кэмерон встретила английскую пару с художественными устремлениями, Нэнси и Билл Паттерсон. Билл писал картины, а Нэнси писала стихи для удовольствия, и оба были учениками Ложи Белого Орла, спиритуалистического храма, основанного в Англии. Едва ли через неделю после смерти своего мужа Кэмерон провела свой первый ритуал крови в паре с миссис Паттерсон, в отчаянной попытке увидеть Джека на другой стороне. Шокированная своим видением реальности в изменённом состоянии сознания, Кэмерон решительно резанула ножом по запястью, только она, к счастью, держала нож тупым краем вниз, который сделал порез, но не оставил раны. При проведении Кроулианского Ритуала Нерождённого Кэмерон утверждала, что она получила новое магическое имя, Хилларион. Это было прозвище одной из бывших Алых женщин Кроули, которая часто призывалась на страницах книги о его астральном путешествии «Видение и голос». Джек уже украл это имя, используя его в качестве псевдонима для Бабалон в своём трактате «Манифест Антихриста», считая его женской стороной его собственного магического имени Белларион.

'Sex Madness' Cult of Pasadena Scientist Rev

'SINISTER MAN' CROWLEY AND HIGH PRIEST OF CULT

John W. Parsons (above) Pasadena rocket scientist killed in mysterious blast Tuesday, today has been uncovered as high priest of a weird love cult. He headed the strange black magic sect founded by British "Sinister Man" Aleister Crowley (left). (See story, Page 3.)

Первая страница газеты Mirror, сообщающая о смерти Джека.

MYSTERY BLAST KILLS FAMED L.A. SCIENTIST

Investigators delved today into the mysterious background of a noted Pasadena rocket scientist who lost his life when an explosion shattered his home laboratory.

Fatally injured by the blast was John W. Parsons, 37.

Parsons' violent death late yesterday had a tragic aftermath a few hours later in the suicide of his grief-stricken mother, Mrs. Ruth Virginia Parsons, 58.

Overwhelmed and distraught, she swallowed the entire contents of a bottle of sleeping pills.

Parsons, an explosives expert, former Caltech scientist and one of the founders of the school's Arroyo Seco jet propulsion laboratory, had been packing for a trip to San Miguel, Mexico, shortly before the explosion.

While he was working in the laboratory in a one-time carriage house converted into living quarters at 1071 S Orange Grove Ave., an explosion occurred and was followed immediately by a larger one which touched off explosive chemicals stored in the room.

The blasts blew out one wall, shattered and bulged another and ripped part of

Turn to Page 26

Продолжение статьи

MYSTERY BLAST KILLS PASADENA JET SCIENTIST

Continued from Page 2
 the ceiling under the airplane flying over.

Monday morning, Monday, but he believed more and Pasadena is buried in the same matter in full sympathy. The airplane is taken to Hawthorne Municipal Hospital where he died after an hour, efforts were being made to resuscitate it but were both the airplane is dead.

Marked Road by News
 The wife, Mrs. Marjorie Cameron, Pasadena, 30, an artist, and brother, Robert E. Cameron,

Pasadena, when they were seen.

Cameron just immediately after he took the lead to the house in Pasadena, who was staying at the home of friends in Air Avenue, Pasadena, during their absence in Los Angeles.

"I'm going to kill myself, I don't stand it!" she said Mrs. Cameron wept.

Mrs. Cameron telephoned a doctor who had a family of nursing children, and at the home, a neighbor friend, Mrs. Nadia Kibort, of 320 Riverside Drive, Beverly Hills, and Mrs. Parsons, was given a shock of the future.

A short time later, while Mrs. Kibort was in the kitchen, Mrs. Cameron expressed her anxiety to find

that Cameron entered the house in the afternoon before and disappeared.

The wife called someone and reached a school last evening. Her mother-in-law, at 417 N. Hollywood, advised Dr. J. H. Hamilton, "What he approved he found Mr. Parsons dead."

The father of both Parsons was his mother was taken to Los Angeles and stayed at the Pasadena Hotel.

Investigation was continuing on the matter of Parsons' death as he the laboratory just before the explosion.

He and his wife were to have left for Los Angeles on a train Monday night, but, for the trip to Los Angeles.

There was some speculation that Mrs. Parsons, who was last employed by the Hawthorne Pasadena U. S. Air Station, was going on a secret assignment to conduct experiments in Hawthorne.

However, Mrs. Parsons is under the care of her going to Los Angeles for a week. The station, however, was covered with a Pasadena, Pasadena, some quarters supplied, a few days' equipment, having been in the past a trip. A plane, from before the explosion, in Los Angeles, showed a few minutes, who took on the laboratory, and some used in the laboratory, two Parsons of work.

Heard Report

She said he was left in some condition as a laboratory with being "very explosive", inflammable and was "in a hurry" to be left.

Mrs. Parsons left, with her son and daughter, to the house quarters and then left the field with the plane taking.

After speaking with Marjorie Parsons, his mother, Mrs. A. H. Parsons, the 301 artist, and others, they were hospitalized in

the hospital, after a diagnosis and found a large amount of blood.

Police and Army continue experts from Ft. Monmouth, Rhode Island, "Explosion" on the subject of the cause of the explosion.

They were a description of the plane and after the Army Air Corps came looking for any other than the cause of explosive material which Parsons may have possessed.

His brother-in-law, Cameron, said he had been very close acquainted with the father of what he was going to do in Pasadena, Cameron had the same residence when he returned. Parsons' death, with explanation.

GRIEF-STRIKEN WIDOW

Her face clearly showing the grief of double family tragedy, Mrs. Marjorie Cameron Parsons, wife of latest victim, John W. Parsons, leaves home at 524 Arroyo terrace, Pasadena, where a short time earlier her mother-in-law, Mrs. Ruth Parsons, took own life.

Продолжение статьи.
 Фотокорреспонденты поймали
 Кэмерон с бледным лицом.

Фото убитой горем Кэмерон,
 покидающей дом на Арroyo Terrace.

Ещё одна газетная
статья, освещающая
странную двойную
жизнь и смерть
Джека. Herald
Express, 19 июня
1952 года.

Dead Scientist

'Black Magic' Cult Told

Behind the tragic explosion death of John W. Parsons, Pasadena rocket scientist, and the grief-inspired suicides of his mother, today was disclosed the strange story of how his brilliant mind wandered into mystic fields in unending search for a perfect way of life.

The 37-year-old jet propulsion expert, often an enigma to his friends, actually lived two lives, Pasadena police disclosed.

In one he probed deep into the scientific fields of speed and sound and stratosphere—

And in another he sought the cosmos which man has strived throughout the ages to attain; to weld science and philosophy and religion into a Utopian existence.

Old police files in Pasadena tell the story of how the quiet scientist, who died in the city-shaking explosion of his laboratory Tuesday night, lived his double life.

In 1942, Chief of Detectives Stanley Decker revealed, police received a letter from San Antonio, Texas. It was signed "A Real Soldier" and stated a "black magic" cult flourished at 1003 South Orange Grove avenue.

Detectives investigated and found the premises had been leased by Parsons and his wife, Sarjorie. They were interviewed and frankly told of organizing a fraternal study group to discuss philosophy, religion, personal freedom and the mysteries of life and eternity.

There were, too, studies of the pseudo-psychologies of fortune telling and seances.

Жуткая фотография Рут Парсонс, замертво свалившейся в кресло.

Хелен Роуэн, подруга Рут Парсонс, калека, которая не смогла остановить её самоубийство.

В 1917 году в своей книге «Печаль и меланхолия» Зигмунд Фрейд писал: «Печаль включает серьёзные отклонения от нормального отношения к жизни», и диагностировал печаль как «патологическое состояние, способное свести с ума». Господин доктор мог бы использовать Кэмерон в качестве примера.

По возвращении в Калифорнию после двух месяцев душевная боль Кэмерон достигла критической массы, и она сделала очередную неудачную попытку самоубийства в заброшенном доме в Алтадене. После того, как она пришла в себя, она переехала обратно в Каретный дом вместе с Бобо Джексон, подругой Форшауга и Ганси. В её комнате Кэмерон сразу поставила алтарь с чёрными свечами.

«Она начала заниматься колдовством и прочей ерундой», — вспоминает Ганси. Сначала он по большей части писал, что «чёрная магия — это позёрство. У Кэмерон эти странные фантазии были частью её ролевой игры в мистицизм. Они нужны для беседы и развлечения. Она любила притворяться ведьмой. Я всегда чувствовал, что это был её способ привлечь внимание».

Со временем, однако, оккультные практики Кэмерон стали более серьёзными и убедительными, до такой степени, что даже Ганси уступает: «Кэмерон играла в ведьму и экзотику, и она, наконец, стала тем, кем она думала, что являлась».

Катализатором для преобразования Кэмерон были личные документы, которые она обнаружила в чёрном ящике Джека. Читая их вместе с копиями писем Джека, Камерон узнала, что она невольно стала частью Работы Бабалон в течение первого безудержного периода, когда она и Джек были вместе. Казалось, Джек исполнил несколько магических актов ментальной гимнастики в голове, синхронизированных с сексуальной аэробикой в постели.

В письме, которое он написал Кроули в момент ритуалов Бабалон, Джек описывал работу с девушкой, которая ответила на его элементарный призыв, но которую он не мог считать Бабалон, находящейся в центре его призыва. Подразумевалось лишь то, что он непосредственно соприкоснулся с красивым и священным, о чём говорилось в «Книге Закона». В ретроспективе кажется сумасшедшим, что Джек так много скрывал

от Кроули о природе своих магических действий, но это было одним из многих неоднозначных аспектов Работы Бабалон, значение и цель которой была открыта для различных интерпретаций. Собственные произведения Джека на эту тему часто противоречили сами себе и колебались от одного объяснения к другому, предполагая, что он ещё пытался понять всё это сам.

На одном уровне ритуал можно рассматривать как чисто метафизическое исследование, которое предсказывало меняющиеся времена и пыталось обуздать божественные силы, чтобы пробудить чувственные силы, спящие во многих душах. Тем не менее, были и намёки, что этот призыв приведёт к фактическим физическим родам Бабалон. Во внутреннем круге Ложы Агапе поговаривали, что Джек пытался создать Лунное дитя, магическое потомство, проникнутое духом Бабалон, которую заманили вниз с астрального плана и инкубировали в матку Кэмерон. Джека, конечно, развлекало это мнение. Говоря о фетальных условиях в своём письме к Кроули, он изобразил себя в качестве хранителя сущности, которая появится в этом мире через девять месяцев, пояснив, что любое нарушение тайны или преждевременное обсуждение рождения может привести к аборту. Это был сценарий, на который в значительной степени опирался Кроули в собственном романе «Лунное дитя», и даже сам автор был смущён тем, что он слышал, и сообщил своему заместителю Карлу Гермеру: «По-видимому, Парсонс, или Хаббард, или кто-то ещё производит Лунное дитя. Я впадаю в бешенство, когда вижу идиотизм их наглости». Кроули считал, что Джек из глубины своего дилетантства вмешивается в такие вопросы без надлежащей магической подготовки, и чувствовал, что он пытался бежать, не научившись ходить. Независимое мышление, получившее такие высокие награды в области ракетных исследований топлива, по иронии судьбы оказалось таким же, принося запутанные и ложные результаты его магических экспериментов.

Ещё одним аспектом Работы Бабалон было то, что Кэмерон лично подписалась на выбор средства, с помощью которого проявится Бабалон. Она увидела доказательство этого в ещё одном письме Джека к Кроули, в котором он ожидал посредника для Бабалон, который принесёт ему тайный знак. Теперь

оказалось, что во время их первых совместных дней, Кэмерон заметила серебряное НЛО в форме сигары, бесшумно передвигавшееся в небе, пока они сидели на заднем дворе дома 1003. Когда она упомянула Джеку о знаке в тот же день, он молчал на эту тему и никогда не поднимал её снова. Теперь, просматривая его бумаги, Кэмерон обнаружила, что Джек действительно отметил это знаменательное наблюдение, рисуя символ НЛО, круг с треножником, в заметках на полях. По её мнению, это был небесный знак, которого ждал Джек. Кроме того, если, как хотелось верить Джеку, Кэмерон действительно была Элементом, то, согласно учению об элементах, это технически означало, что у Кэмерон не было души. Кто подошёл бы лучше для воплощения духа Бабалон?

Когда происходит нечто из ряда вон выходящее, люди часто ищут и требуют необычных ответов, которые помогут объяснить, и поэтому, несмотря на травмы Джека в соответствии с докладом коронера, Кэмерон была не единственной, кто подверг сомнению официальную версию событий, связанную с его ужасной смертью. Уилфред и Хелен Смит, например, верили, что Джек на подсознательном уровне покончил с собой, не сознательно, но по невнимательности. На их взгляд, после всех горестей и разочарований, которые он пережил, Джек просто перестал соблюдать осторожность и хотел избежать дальнейших винтовых взлётов и ухудшения своей кармы.

Переоценка дискредитировала эту теорию. Поведение Джека, конечно, не предполагало, что это был человек, желающий совершить самоубийство. На самом деле он через многое прошёл, чтобы наладить карьеру и личную жизнь. Он помирился с Кэмерон и с новыми заботами, и будущее казалось безоблачным. Если работа в Израиле была подготовлена так, как это обещалось, он снова стал бы человеком дела.

Некоторые держались за теорию, что Джек был убит, и Кэмерон вскоре тоже согласилась с этим мнением. Один из подозреваемых особенно подходил на эту роль. Годы ранее, в суде, возмущившем весь город, показание экспертизы помогло предъявить обвинение капитану Эрлу Кинетту, главе разведывательного подразделения полиции Лос-Анджелеса. Кинетт был обвинён и осуждён вместе с двумя офицерами за минирование

машины бывшего частного детектива Гарри Рэймонда, человека, который занимался расследованием коррупции между Департаментом полиции и Городским советом. Кинетт был условно освобождён за неделю до взрыва, и были подозрения на то, что это была его месть. В одном из своих астральных перемещений во времени Кэмерон утверждала, что она подняла половицы в лаборатории Джека и обнаружила бутылку ртути, которую туда мог подложить Кинетт, хотя визуализация — сомнительное обоснование для суда.

Сфера применения этих теорий заговора затем расширилась, включив возможное участие теневого правительственных учреждений. Смерть Джека уже доказала удобство для движения, противостоящего созданию государства Израиль, которое не могло поставить человека подобного Джеку на колени в стране, которую они не поддерживали. Тем не менее, как утверждает принцип бритвы Оккама, основываясь на том, что известно, самое простое объяснение всегда будет наиболее вероятным. Как свидетельствует лучший друг Джека Эд Форман, Джек мог быть неаккуратным, когда дело дошло до подготовки химикатов. Вам не нужно смотреть гораздо дальше его безрассудного хранения взрывоопасных материалов, чтобы найти пример его легкомысленного отношения, и даже великий хирург может иногда оставить инструмент внутри пациента. Наиболее правдоподобным фактом остаётся то, что в жаркий летний день в лаборатории с нагретой печью, торопясь, чтобы получить работу и одновременно думая о предстоящей поездке, Джек на короткий момент потерял концентрацию, что привело к выскальзыванию банки с взрывоопасными химическими веществами из потной руки и привело к летальному исходу.

Опустошённая Кэмерон продолжала путешествовать на астральном плане, пытаясь вступить в контакт со своей второй половинкой. Она чуть не погибла во время одного из путешествий, когда огненная фигура пролетела мимо неё, и она едва успела вернуться в своё тело. Позже она думала, мог ли это быть Джек, пытавшийся обнять её. Одним из тревожных отголосков этих астральных проекций стала внезапная материализация личинок, которых Кэмерон сбрасывала с потолка на пол своей

комнаты со шмяканьем. Личинки особенно напугали её, и она взяла пылесос, чтобы убрать эту мерзкую живность.

Возмущённая таким психическим феноменом, Кэмерон консультировалась со специалистом по астралу Сильваном Малдуном, сказавшим, что она запуталась в астральных планах и принесла астральные сущности обратно в будущее. Впадая в ещё большее замешательство, Кэмерон решила воздержаться от последующих астральных экскурсий на некоторое время.

Вместо этого она дала выход своей жуткой стороне, повторяя шутку о человеке, которого засосало в реактивный двигатель всем, кто её услышит. Возможно, чёрный юмор был способом отвлечься, но в свете того, что недавно произошло с её мужем, это казалось странной темой для шуток.

«У неё было странное чувство юмора», — подтверждает Сал Ганси, до этого терпевший чокнутое поведение Кэмерон. Но дело приняло более крутой оборот, когда его арендатор начал грозиться удушить свою собаку Фрею в печи. «Когда Кэмерон сказала это мне, я очень рассердился. Я не хотел, чтобы случилось нечто подобное».

Кэмерон огорчили новости о предстоящем испытании водородной бомбы, которое планировали провести 1 ноября на атолле Эниветок в южной части Тихого океана. Убеждённая в том, что Калифорнийское побережье обвалится в океан от толчков, Кэмерон в панике бежала к острову Каталина с Джоан Прайс и Бобо Джексон, чтобы переждать катастрофу. Когда испытание прошло без инцидентов, девушки вернулись домой, но к тому моменту Ганси и Фошауг были настолько встревожены помешательством Кэмерон, что они не позволили ей вернуться: «Мы отказались открыть дверь, и я сказал: „Твои вещи внизу на дороге, забирай их, мы не хотим тебя здесь видеть“, и это было последним, что мы сказали Кэмерон за несколько месяцев».

В то время Кэмерон только функционировала, и её связь с реальностью рушилась. Личные письма дают возможность предположить, что возможно, она восстанавливалась в течение этого периода. Её уязвимое состояние души было слишком очевидно многим из окружавших её.

«Меня ужасно шокировало, когда Джек умер, и после этого было немного разговоров людей, которые знали Кэмерон, что,

может быть, ей что-нибудь нужно для восстановления», — вспоминает Ширли Берман. «Она просто сказала мне, что ей снились кошмары, но сообщила, что у неё были галлюцинации».

Джон Каррутерс: «После Джека она почувствовала себя едва живой, потеря его имела для Кэмерон большое значение. Джек дал ей жизненные силы. У него было солидное положение. Он был источником денег для неё и человеком, у которого всегда была работа, поэтому она жила одним днём. Он был её центром, Кэмерон была его звездой. Теперь она — всего лишь одинокая вещь в пространстве».

Для Кэмерон было хорошей идеей войти в новый круг общения. Это не помогло, так как она должна была каждый день заходить в лабораторию, с постоянным напоминанием о смерти мужа. Вместо этого Кэмерон восстанавливала силы в домах друзей, включая Джулию Макдональд, Нетту и Дори Уортингтонов и Ренату Друкс. Её даже приняли Уилфред и Хелен Смит, которые беспокоились, думая, что бедная девушка окончательно сошла с ума.

Кэмерон воспользовалась гостеприимством, и через несколько месяцев после смерти Джека она начала романтические отношения с Лероем Бутом, ломая то, что считалось основным сексуальным табу для обеих сторон расовой сегрегации. В стране до сих пор пытались принять понятие расовой интеграции, но это было запрещённым объединением. Во время её пребывания сосед Бадди Андерсон вспоминает инцидент, который заставил его сделать шаг назад и взглянуть на Кэмерон заново.

Бадди Андерсон: «Кэмерон принесла с собой небольшую птицу, разноцветного зяблика, и она вышла из дома в один прекрасный день, и, как только она вышла, её птица замертво упала с жерди в клетке. Она ушла на несколько часов, а когда она вернулась, мы сказали ей, что птица умерла, и она впала в истерику, и, когда она пришла в себя, она взяла птицу в руку и погладила её пальцем, и через 30 минут птица поднялась и защебетала».

Если образ жизни в 1003 и привлёк внимание властей, то это было ничто по сравнению с пристальным вниманием за домом на Вустер Авеню. С одной стороны, съём квартиры в расово смешанном доме нарушал городское жилищное постановление,

и, как следствие, она и Бут держали свою одежду в отдельных шкафах в качестве меры предосторожности. Во-вторых, как признается Бадди Андерсон, «Копы приглядывали за мной, потому что я много общался с белыми цыпочками, и они предположили, что если чёрные и белые жили вместе, то тут имели место наркотики».

Подобные подозрения оправдались, когда в доме произвели обыск через несколько недель, и Бут, Коллинз, Андерсон и Джоанн Прайс были арестованы группой по борьбе с распространением наркотиков.

«Арест был большой новостью в Пасадене», — вспоминает Андерсон. — «Он сделан на первой странице с изображением Джоанны и заголовком „Модель 2051b в логове беззакония“. Обвинения были сняты с неё, Бадди Коллинза и меня, но Бут получил срок 90 дней лишения свободы за хранение марихуаны».

Кэмерон случайно ускользнула от ареста. Она уже покинула город ради новых горизонтов.

БЬЮМОНТ

*Каждый мужчина и каждая женщина —
это звезда.
AL 1:3 Книга Закона. — Алистер Кроули.*

Когда гостеприимство друзей иссякло, оставшись без места, которое она могла бы назвать своим собственным, Кэмерон покинула Пасадену, и к декабрю 1952 года переселилась на окраину деревушки около Бьюмонта, к западу от Палм-Спрингс. Там, в конце дороги у Лэмбс Каньон она нашла заброшенный деревенский дом, спрятанный в тени «красивой горы», давшей название городу. Хотя ей пришлось обойтись без электричества и проточной воды, место давало ей искомое уединение и открывало панораму на ночное небо, предоставляя прекрасные виды для наблюдения за НЛО и звёздами.

На первый взгляд это казалось утратой блеска Манхэттен-бич и Миллионерс-роу, но, несмотря на скудность удовольствий, Кэмерон нашла применение своим творческим талантам и вскоре привела место в порядок, украсив его артефактами из Мексики. Сначала она жила одна, с Фреей и птицей, но, как только друзья разыскали её, они все приехали к ней в гости и были потрясены увиденным.

Ширли Берман: «Дома у Кэмерон было много мексиканских вещей. Красивые старые деревянные скульптуры и поделки, которые она достала из старой церкви с подземными ходами. Конечно, Сан-Мигель был серебряной столицей Мексики, и все эти маленькие серебряные коробочки служили

для неё украшением. У неё также были мексиканские одеяла однотонных натуральных цветов, красные и фиолетовые, но она использовала их как ковры, а не как одеяла. Её дом был всегда просто великолепен».

Из-за смерти Джека глава Ложи Агапе Джейн Вольф начала испытывать материнский интерес к его молодой вдове, и обе женщины стали переписываться. В письме к Вольф в декабре того года Кэмерон сообщила ей, что происходит в её жизни после ухода Джека. Отчаянно нуждаясь в человеческом тепле и в человеке, который мог бы разделить её внутреннее смятение, Кэмерон рассказала, что её избегали как сумасшедшую, и последние шесть месяцев она жила дикой, нестабильной жизнью, чреватой опасностями, о которых муж когда-то предупреждал её. В попытке разобраться в произошедшем она поделилась своими мыслями по важному магическому ритуалу, к которому Джек приступал семь лет назад, охарактеризовав его как вторую попытку призвать силу Бабалон. Первую начинал Кроули, человек, которого она в то время считала своим духовным отцом, который завещал ей свой величайший дар, Джека.

Утверждая, что Джек и Кроули умерли, полагая, что они потерпели неудачу в своих магических миссиях, Кэмерон пришла к выводу, что именно она является ключом к их завершению. Но это имело свою цену. Отчаявшись, потеряв всё, Кэмерон вступила в состояние бытия, где факты и фантазия в её жизни теперь казались безвозвратно размыты. Тем не менее, она несла груз ответственности на своих плечах за то, что духовное превращение в Бабалон было в её руках. Воплощение Кэмерон напоминало ей о заветном стихотворении из детства, стихотворении Конрада Айкена «Тетелестаи», которое она нашла в 15 лет, название которого, казалось, гипнотизировало её и имело огромное значение.

Название поэмы происходит из греческого языка и означает «это закончено», что обычно считается последними словами Иисуса на кресте. Айкен использовал термин для своей собственной медитации, смотря на жизнь на пороге смерти, но для Кэмерон эти слова отдавались резонансом как кульминация становления живой аватары на Земле.

Argenteum Astrum, или Серебряная Звезда была магическим братством, созданном Кроули после ухода из Золотой Зари. Хотя оно и не зависело от О.Т.О., «Книга Закона» являлась его главным символом веры, и его высшей целью духовного просвещения было достижение «Знания и Собеседования со Святым Ангелом-Хранителем».

Посвящённым Серебряной Звезды советовали работать в одиночку, а не в группах, осведомляя инструкцией только тех, кто находится ступенью выше или ниже. В случае Кэмерон это была Джейн Вольф, с которой она общалась и от которой получила инструкцию на неформальной основе. С самого начала картины Кэмерон были её личным ключом к её Святому Ангелу-Хранителю, бесплотной проекции её высшей духовной личности. Отражая эти духовные поиски, её жизнь и искусство объединились в точку, где они стал неделимы, и Кэмерон убедилась, что её творения существовали вечно на астральном плане. Для Кроули, который сам был художником, художник стоял над магом на тотемном столбе иллюминизма, и он считал поэзию и искусство драгоценными инструментами для исследования бессознательного и выявления тайн ума.

С этой целью одним из первых начинаний Кэмерон было иллюстрирование «Песен к женщине-ведьме», сборника стихов, который Джек посвятил ей, жене, в которой, как он считал, воплотилась Бабалон. Джек, возможно, просто подразумевал, что в его жене присутствовал дух Бабалон, как и у всех женщин и всех мужчин, но для Кэмерон это было ещё одним доказательством её обожествления.

Название поэмы, «Женщина-Ведьма», подчёркивало, что для мужа Кэмерон была музой, и она ответила на комплимент серией иллюстраций в стиле Бердслея, изображавших обнажённых женщин с цветками на месте гениталий. Духовная жертва становится постоянной темой её работ, тесно увязанных с её одержимостью Жанной д'Арк, духовной сестрой, с которой она почувствовала глубокое родство. У одной из фигур было распятие между ног, другая была распята на кресте. С некоторой задержкой Кэмерон начала записывать свои магические размышления в дневник, что запустило катарсис, давший

искупление её картинам, каждая из которых отражает красоту и любовь, которые до сих пор ускользали от неё.

За последние месяцы Кэмерон собрала вокруг себя свободное объединение магов, которое она окрестила «The Children» — скорее всего, отсылка к одиннадцатой строке в «Книге Бабалон» Джека, которая поручала детям Бабалон собраться, когда приблизится манифестация Богини. Кэмерон получила главную роль в ковене, вместе с Ренатой Друкс, которая была немного старше, чем Кэмерон, и Полом Мэтисоном, договорившемся о равноправном партнёрстве. Состав внешнего руководства был непостоянным и состоял из Жезлов — в первую очередь сильные мужчины-негры и Пентакли — здоровые белые женщины. Этот сексуальный символизм соответствовал двум мастям Малых Арканов Таро.

В Лерое Буте, своём новом мужчине, Кэмерон нашла отражение мужской части себя, а в Ренате Друкс — женское отражение Джека. Вместе с Бутом, Бадди Андерсоном и Робертом Морганом остальные Жезлы включали последних знакомых, Сальваторе Торреса и Юджина Бруито, двух молодых мексиканских мигрантов, которые остановились на ранчо Кэмерон за водой на пути к своей работе по сбору апельсинов и в итоге получили намного больше, чем они рассчитывали. Пол Мэтисон и Филип Гронквист заняли квоту белых мужчин в этой мультикультурной смеси.

Пентакли состояли из Друкс, Нэнси Паттерсон, Джоан Уитни, которую Кэмерон окрестила Лунной Девой, Джулии Макдональд, Королевы Мечей, и Джоанны Прайс, Королевы Плодородия. Другая новообращённая, Эвелин Мур, была новичком на сцене. Вторая Королева пентаклей, Мур была девушкой с эмоциональными расстройствами, которую Кэмерон взяла под своё крыло. Вслед за взрывом, который убил Джека, Мур убедилась, что она была Фаустом в союзе с Дьяволом попросила своих близких запереть её и держаться подальше, чтобы она не смогла распространить своё вредное влияние. Кэмерон решила направить страхи молодой женщины в нужное русло и подавить её суицидальные побуждения, и в благодарность Мур подарила ей серьги в виде колец из зелёных раковин, изображавших знак Кэмерон — круг, разделённый на три части.

По правде говоря, неизвестно, насколько серьёзно большинство участников приняли идеи Кэмерон, Друкс и Мэтисона, но между солнцестояниями летом, осенью и зимой этого года Кэмерон организовала продолжающийся ряд сексуально-магических ритуалов на основе единства противоположностей. Ритуал связан с использованием Енохианского ключа седьмого Этира, который должен был перенести Кэмерон на астральный план. Затем был «Ритуал Нерождённого», чтобы установить контакт с её Святым Ангелом-Хранителем. Для освящения своего талисмана, звезды Бабалон, она во время полового акта созерцала астральный план, произнося в нужный момент священное имя Бога. Выступая в качестве хозяйки церемонии, Кэмерон повторила эти ритуалы, совмещая свои Пентакли и Жезлы для магического смешения рас, целью которого было создать новую третью расу лунных детей, посвящённых Гору, которого Кэмерон считала олицетворением всех существ смешанной расы. Магическую операцию символизировала карта Таро Колесница, седьмая в серии Старших Арканов. Карта изображает возничего, использующего энергии как позитивных, так и негативных сил — представленных как чёрные и белые Сфинксы, которыми он управляет с помощью воли.

Основная часть этих операций была сосредоточена вокруг попытки Кэмерон зачать магического ребёнка Джека, которого она окрестила Горькая Звезда. В попытке продолжить Армагеддон-одного-человека, начатый её мужем, Кэмерон обратилась к своим личным документам, в частности, к разделу, названному Горькая Звезда, составлявшему часть его «Манифеста колдовства». Изображённая в Книге Откровений Горькая Звезда является одной из апокалиптических божьих кар, периодом продолжительностью семь лет, наступающим человечество во время правления Антихриста. Спуская на Землю трубящего ангела, сверкающая Горькая звезда творит на Земле разрушения, загрязняя треть всех источников и отравляя пьющих из них. Конечно, по мнению Джека, такой катаклизм был поводом для праздника, провозглашающий приход Бабалон и нового эона Кроулианства. Чтобы выполнить задачу, Кэмерон воспользовалась услугами четырёх жезлов: Бута, Андерсона, Торреса и Моргана. Естественно, она забеременела, зачав магическое потомство, которое по прогнозам должно было родиться во время летнего солнцестояния 1953 года.

Вернувшись в Калифорнию из Парижа, где она работала в Доме Диор, Джоан Уитни переехала в изолированный дом ранчо вместе с Кэмерон, общение с которой пришлось ей по вкусу. Живя за рубежом, Уитни приобрела европейский взгляд на вещи, и её портрет кисти Кэмерон показывает элегантную женщину, которую она считала совершенным образцом женской красоты.

Джоан Уитни: «Когда я вернулась из Франции, всё вдруг стало выглядеть иначе, ха-ха, так что, наверное, я поехала в Бьюмонт, потому что я чувствовала себя по-другому. Мы провели так много дней вместе, так много часов, и у нас была одна неожиданная встреча, но это не было большим событием, мы были просто хорошими друзьями».

Кэмерон проводила вечера за написанием картин и текстов при свечах, и две женщины веселились, покуривая огромный бушель травы, которую Кэмерон тайно привезла из Мексики в подкладке своей куртки.

«Она очень хорошо шила, поэтому она сшила все эти карманы и сделала этот наряд, чтобы можно было носить их

под одеждой так, чтобы контрабанду не заметили», — вспоминает Уитни. — «Это не похоже на то, как пересекают границу теперь. Так она вернулась со всей этой травкой, и мы курили и курили и курили вечно. Словно мы никогда не могли достигнуть дна, так её было много».

Кэмерон показала Уитни «Книгу Закона» Кроули и постаралась включить её в программу сексуальной магии, познакомив её с Бадди Андерсоном, но Уитни не хотела, чтобы кто-то указывал ей, с кем ей спать. Андерсон пришёл поздно вечером и остался на ночь. Теперь, одетые в тоги и мантии, которые она сама сшила, он заметил явное изменение внешнего вида и манер Кэмерон.

«У неё был очень странный взгляд на неё, очень мистический. Её волосы были в полном беспорядке, и на ней совсем не было макияжа, и её одежды заставляли посмотреть на неё снова и снова. Она была из тех людей, на которых нужно взглянуть ещё раз, чтобы лучше рассмотреть. Она могла сидеть в Бьюмонте. Я был там только в ночное время, и место было таким жутким. Оно было просто освещено керосиновыми лампами и свечами, и это было очень далеко, ни одного дома вокруг. Я видел некоторые из её работ, но они были немного таинственными, на мой взгляд. Это было похоже на движение дыма».

Андерсон не интересовался Кроули или магическими работами Кэмерон, но ему нравился секс и наркотики, которые сопутствовали этому. «Я был молод и всё, что я хотел сделать, это побыстрее закончить, но с Кэмерон было здорово, она всегда, казалось, всех вдохновляла. Мы ночью ходили в горы и употребляли пейот и грибы. Мы были так упороты, принимая все доступные вещества».

В начале января 1953 года Кэмерон приехала в Лос-Анджелес и слушала лекции писателя и философа Джеральда Херда в театре Коронет. Херд пропагандировал употребление галлюциногенов для расширения человеческого сознания и работал совместно с писателем и мистиком Олдосом Хаксли, который собирался бросить свою плодотворную работу над книгой «Двери восприятия», подробно описывающей духовное пробуждение с использованием мескалина. Кэмерон, несомненно, знала, что Хаксли фактически пересёкся с Кроули

ещё в 1930 году, во время пребывания Зверя в Берлине, и утверждалось, что именно Кроули отправил автора в путь к мистическому просвещению, познакомив его с божественными наслаждениями пейотом.

Планы Хаксли и Херда, являвшихся создателями психоделического поколения, сильно повлияли на художников и писателей, развернувшись в 1950-е годы и достигнув своего апогея с полётами в космос 1960-х годов.

Химические братья, конечно, задели Кэмерон за живое, когда ей удалось получить несколько кусочков пейота по почте от ботанического сада в Техасе. В первый раз, не зная, как их употреблять, она приготовила их и съела как овощи. Она позже записала: «Стены исчезли. То, что я получила, был «серый мир» Хаксли». Пейот вызывает революцию в бессознательном. После того, как эти вещи всплыли и осознались, вы должны настроить вашу жизнь к нему. Вы должны сильно измениться».

Кэмерон использовала пейот, как это делали американские индейцы, как визионерский поиск, чтобы соединиться со Святым Ангелом-Хранителем и для общения с духами. Часто записывалось, что побочным эффектом от естественно выращенных галлюциногенов, будь то пейот, яге или волшебные грибы, является сексуальное желание, которое они могут вызвать, и в пейотный период у Кэмерон появляется одно необычное творение. Известное в последнее время как «Пейотное Видение», сексуально заряженное изображение показывает Кэмерон на четвереньках, которую сзади имеет инопланетное существо, чья кожа напоминает грибковый камуфляж на куске пейота. Картина произвела серьёзное эротическое впечатление и стала любимой среди её друзей-художников.

Кэмерон, возможно, поступила правильно, прочитав «Рай и Ад» Хаксли, сопутствующую часть к «Дверям восприятия», которые последовали через пару лет, его слова предупреждения о том, что в результате подобных экспериментов могут проявиться шизофренические сайд-эффекты. Такие хардкорные галлюциногены, как пейот, исторически идут рука об руку с видениями конца света, и некоторые из джазовых кошек в магической группе начали возмущаться апокалиптическими заявлениями Кэмерон. В конце концов, они начали уходить один за другим.

Мощный галлюциноген разрушил связь с реальностью, которая у Кэмерон и так была нестабильной. Знаки, ставшие очевидными в разрозненных посланиях к Вольф, содержали в себе идиосинкразические теории, продукты её фрагментированной психики. В одном из писем Кэмерон предупредила о надвигающемся конфликте между Мексикой и США над плотинной Боулдер. После того, как Мексика захватила владения, она считала, что страна продолжит прилагать усилия, чтобы получить полный контроль над США. Она также предвидела расовую войну, в которой население Африки, Азии и Индии поднимется с юга, чтобы покорить Европу, и в каждом случае она ассоциировала себя с цветными народами. Охваченная мессианским пылом, Кэмерон дала полную власть своему комплексу Жанны д'Арк, изображая себя крестоносцем, что несет меч и ведет свою армию под знаменем Бабалон.

Как и Святая Жанна, Кэмерон подвергалась нападкам за странные звуки в голове, слуховые галлюцинации, возможно, побочные эффекты от употребления пейота. Настроив своё тело, как антенну, она обнаружила, что может получать интенсивно мощные сигналы, сродни коротковолновым радиосигналам, которые посылает некий межгалактический интеллект вне пространства и времени. Джоан Уитни замечала такие моменты, и рассказывала, как Кэмерон внезапно настраивалась и погружалась в своё воображение.

Сумасшествие Кэмерон и её неспособность в полной мере прийти в себя никогда не были более очевидными, чем в её отношениях с семьёй, и напряжённость достигла максимума, когда она посетила их в феврале. С рвением новообращённой Кэмерон пыталась впечатлить своих братьев «Книгой Закона», считая их своими собственными Каином и Авелем, которых она должна была примирить. Тем не менее, когда мать дала ей жуткую фотографию тёти Нелл, Кэмерон обалдела. Картина навеяла горькие воспоминания, и, как будто обеляя себя, она обвинила Кэмеронов в укрывательстве инцестуальных чувств к ней, и предъявила своей матери ведение внебрачных связей. Ужаснувшись от услышанного, Кэрри Кэмерон набросилась на дочь и выставила её за дверь. Тем не менее, Кэмерон любила своего отца, а язвительность и презрение приберегла

для матери, которую она считала матриархом, оказывающим злокачественное, разрушительное воздействие на семью. Когда её выгнали, Кэмерон, наконец, почувствовала освобождение от психического захвата семьи.

Подтверждение нового магического достижения Кэмерон произошло тогда, когда она послала Ренату Друкс, Джоан Прайс и других развлечь Боба Хоупа к нему домой на Палм-Спрингс. Казалось бы, что знаменитый комик занимал нулевую отметку на шкале Кэмерон, но когда девушки прибыли, его обычный образ остряка исчез, сменившись слишком серьёзным тоном, когда он говорил о недавнем наблюдении за летающей тарелкой. Когда девочки сказали ему, что они были уже хорошо осведомлены об их существовании, Хоуп опешил, будучи уверен, что его высмеют за его приём.

В тот вечер сексуальные сирены Кэмерон участвовали в странной сцене с Хоупом и священником, который был лишён сана, в буквальном смысле! Наслаждаясь сексуальными проделками, Кэмерон пообещала, что это было только началом её восхождения, и что в течение двух месяцев её магическая группа станет скандалом города. Затем, в течение шести месяцев, они должны быть известны всему миру, когда явится Бабалон.

Нуминозная сторона магической личности Кэмерон не предотвратила частых приступов депрессии, преследовавших её, или тоску, которая им сопутствовала. Если вы потерялись, вы вернётесь, и Кэмерон не могла помочь себе, но купалась в ностальгии по счастливому прошлому. Будь то тоска по её старой любви, Сэму Келинсону, или детские слёзные истерики во время прослушивания записи «Любимая девушка Инвернесс» с мечтами о прародине Шотландии.

Её драматические настроения перешли от глубокого отчаяния на дикие фантастические планы на будущее. Кэмерон мечтала тем летом перевезти базу для операций на её любимую Каталину. Там она построила бы храм и вырастила бы своё магическое потомство при финансовой поддержке владельца острова, магната жвачки Уильяма Ригли-младшего, надеясь, что он попробует поучаствовать в её группе. Кэмерон мечтала, что оттуда её увезут на Марс на летающей тарелке, так как красная планета в то время была её духовным домом. Она также представляла столкновение Земли

с приближающейся кометой, взрыв и фейерверк, освещавший небеса семиконечной звездой Бабалон.

Убеждённая в том, что она была избрана посредником Бабалон, Кэмерон стремилась увидеть подтверждение от своих коллег-телемитов, особенно от преемника Кроули Карла Гермера. Подобно тому, как Жанна д'Арк пыталась доказать свою божественность в скептическом суде дофина, Кэмерон просила Гермера приехать и засвидетельствовать о её воплощении, однако его это не убедило. Кэмерон не приняла такой ответ и с негодованием рассказала о нём Джейн Вольф, обвиняя раздутое эго Гермера в неумении понять, что именно Джек пытался вызвать с помощью Работы Бабалон. Вследствие этого Кэмерон пренебрегла позицией Гермера, полагая, что он занял место её умершего мужа.

По мнению Кэмерон, Джейн Вольф в то время была главным авторитетом Телемы на Земле, и письма, которые она ей писала, регулярно показывались членам О.Т.О. В конце концов, они попали в руки Джеральда Йорка, бывшего последователя Кроули, который в Англии собирал архив Великого Зверя. Прочитав их содержимое, Йорк написал Карлу Гермеру, и его настроения отозвались в мыслях многих членов Ордена.

«На медицинском языке Кэмерон считается сумасшедшей. Элементали, силы и идеи, такие как Бабалон, опасны, когда они неконтролируемые. Сейчас она неконтролируема, потому что Джек мёртв. Её четыре или пять сумасшедших чёрно-белых операций Лунного Дитя или попыток произвести операции выражаются в комментарии А.К.: „Я впадаю в бешенство, когда вижу идиотизм этих выскочек“. Я бы настаивал на обете святого послушания и запретил бы всю эту деятельность. По моему мнению, бедная девочка сейчас слишком далеко зашла, чтобы остановиться. Вы должны отлучить её, если она не согласится соблюдать клятву. Но если она откажется — как она и сделает — попытаться через Джейн получить копию её письма и/или дневника как предупреждение для других. Её отправят прямо в сумасшедший дом, как только это станет открыто».

Примерно в середине февраля Кэмерон оставила Бьюмонт, уйдя в двухнедельный поход в пустыню в индейской резервации в Палм-Спрингс. Проблемы в поездке начались сразу:

Кадры Кэмерон в Бьюмонте, где она воплощалась в Бабалон и проводила ритуал Горькой Звезды. 1953 год (взято из личной коллекции Джоан Уитни).

было непонятно, что делать с Фреей и птицей. Должна ли она взять их с собой или оставить их голодать? В качестве аварийного выхода она рассматривала вариант убить собаку и съесть её сердце и язык! Для проведения такого акта Кэмерон принимала во внимание то, что Джек написал ей в Письмах Бабалон несколькими годами ранее. Джек считал Фрею фамилярром, образом «животного души» Кэмерон, который представлял собой источник власти и опасности. Он предупредил жену, что когда-нибудь ей придётся уничтожить собаку и при этом поглотить её. Не решаясь сделать выбор, Кэмерон обратилась к магии. Взяв Фрею и птицу в свой храм, она закрыла двери и начала инвокацию с изгоняющего ритуала, очищая атмосферу от лишних психических влияний. Концентрируясь, она сосредоточила своё внимание и исполнила ритуал Гексаграммы, вызывая Бабалон. Затем Кэмерон съела печенье света, которое упоминается в «Книге Закона» и делается из смеси муки, мёда, масла и менструальной крови.

Освящая свой воздушный кинжал менструальной кровью, она держала его в воздухе и чувствовала через себя большой вселенский скачок напряжения. Молясь, Кэмерон приказывала Бабалон наполнить её жизнью. Закончив инвокацию, она накормила Фрею одной из облаток и легла с ней, мирно заснув и сжимая диск с символом Бабалон в правой руке и амулетом силы в левой. К счастью, к тому времени, когда она проснулась на следующее утро, Кэмерон решила, что лучше, если Фрея в путешествии присоединится к ней, и она оставила дополнительное питание в клетке для птиц. Тоже хорошо, потому что, когда она вышла из дома, ей пришлось в голову, что она может никогда не вернуться обратно.

На своей первой остановке в Палм-Спрингс она должна была купить сапоги для своего путешествия, но поездка начала подчиняться собственной странной логике. Оставив собаку в машине, Кэмерон ходила по улицам, как будто в трансе, заглянула в окно магазина под вывеской «Магия». Войдя, она увидела голую стоящую на коленях рыжую фигурку с большой грудью, на которой был красный шарф в белый горошек. Вульгарность добавляла кукле странную привлекательность, и, как только продавец продемонстрировал, как при нажатии

на грудь высыпается порошок, Кэмерон купила её. Купив сапоги, Кэмерон ощутила какое-то предчувствие и поехала в Палм-Каньон, глубокое ущелье на склоне горы, откуда текла кристально чистая вода. Кэмерон вместе с Фреей поднялась над водопадом, с удивлением заметив кактус в форме семилучевой звезды в ореоле солнечного света. Ополоснув лицо и руки в чистом бассейне, она переехала на Андреас Каньон, другой красивый оазис. Там она натолкнулась на белое дерево с вырезанными инициалами М.С., как в имени, которое ей дали при рождении. Рядом с ними были буквы Н и В, очевидно, магические имена её и Джека, Хилларийон и Белларийон соответственно.

Такие эпизоды можно рассматривать как продукты магических мыслей Кэмерон, магические тренировки, нужные, чтобы увидеть магическое следствие и значение в любой ситуации. Джоан Уитни свидетельствует: «Все, что случилось с Кэмерон, имело смысл. Если Вы зашли в магазин, и кто-то сказал вам „привет“, то это что-то означает, и она так жила каждый день, подобно этому. Она видела значение во всём».

После ополаскивания ног в потоке Кэмерон промыла статуетку и положила её на скале, чтобы высушить на солнце. Она обнаружила, что безумно влюбилась в похабную вещь, как будто она искала её всю жизнь. Разбив лагерь на берегу ручья, Кэмерон уснула под звёздами. Оглядываясь на беспокоившие её проблемы детства, она начала размышлять, как повредились её романтические и идеалистические наклонности, превратившись в ужас и насилие, убийство и боль. Разобравшись со своей поглощённостью смертью, она с нетерпением ждала воссоединения со своим любовником Лероем Бутом, которого должны скоро выпустить из тюрьмы, и наслаждалась более позитивным, жизнеутверждающим существованием.

Однако на следующий месяц Кэмерон была снова в упадке, мучаясь спазмами и хроническими болями беременности. Весьма желанное рождение её магического ребёнка шло не по плану, и, пережив два предыдущих выкидыша, Кэмерон пыталась убедить себя в том, что эта беременность принесёт свои странные плоды. Для успокоения она посетила хиромантку в Палм-Спрингс в сопровождении своего заинтересованного друга Филиппа Гронквиста. Экстрасенс, сербка

по имени Мадам Грей, казалось, рада была встретиться с ней и сообщила Кэмерон, что она от Бога, и что у неё есть большая сила, способная сделать людей счастливыми. Она также, казалось, угадала, что Кэмерон познала смерть, и предупредила, что она теперь в объятиях самого Мрачного Жнеца. Она увидела чёрную пелену на картине Кэмерон и предсказала, что она собирается умереть, чтобы родиться новым человеком на Новый год.

Через пару дней Кэмерон пришла на бесплатное, завершающее посещение, на этот раз отметив сходство в имени медиума с её первой немецкой овчаркой, Леди Грей. Однако на втором сеансе появился неожиданный поворот: мадам Грей показала, что над Кэмерон по родственной связи нависло чёрное проклятие с рождения, кто-то сжёг девять чёрных свечей на момент её прибытия. Проклятие было виной всех её текущих проблем, но мадам Грей клялась, что она его снимет либо лишится собственной жизни.

Сначала Кэмерон подозревала, что источник проклятия — её мать, но призрак тёти Нелл встал на дыбы, чтобы занять её место в кадре. Кэмерон начала видеть себя в смертельной схватке между собственным языческим призванием и желанием тёти Нелл, чтобы она жила в подневольном учении Чёрного Братства. Когда она вернулась домой, она заменила чёрные свечи на алтаре бледно-зелёными и глубоко помедитировала на них. Затем она написала Джейн Вольф, прося её вернуть фотографии Нелл, которые она ей отправила, показав свою тётю сидящей в постели со злым блеском в глазах и светом, сияющим справа от её головы. Это была та самая картина, которая установила связь между ней и её матерью, и Кэмерон хотела уничтожить её, чтобы изгнать проклятие.

Природа затем нанесла страшный удар, когда на фоне судорог и агонии в её утробе Кэмерон истекала кровью, и рождение её будущего Лунного Дитя снова закончилось выкидышем. Это не предвещало ничего хорошего, поэтому остальная часть её магических планов пошла наперекосяк. Пытаясь покончить с чередой собственных разочарований, Кэмерон узнала, что Джулия Макдональд решила не думать о продукте своего собственного магического оплодотворения до его непосредственного появления. Затем она узнала, что с потомством-близнецами в результате магического союза Друкс/Матисона тоже не сложилось, после чего Ренате пришлось поменять своё решение и сделать

аборт. После первоначального согласия сделать Кэмерон близнецов, которых уже окрестили готовящимся потомством Лилит и Люцифера, обратное решение Друкс стало первым из многих будущих споров между двумя колдуньями.

С Бутом, которого должны были выпустить из тюрьмы той весной, Кэмерон планировала свой следующий шаг, и после консультации с И-Цзин она посчитала возвращение в Лос-Анджелес наилучшим курсом действий. Однако в поездке она не успела сделать всё запланированное. Багажник, прикреплённый к верхней части её Паккарда, в котором находились предметы домашнего обихода и её мексиканские артефакты, украли, когда она останавливалась в придорожном кафе, чтобы перекусить. Несмотря на все разочарования, с которыми она столкнулась в Бьюмонте, она была оптимистичной, когда ехала вперёд, обратно в город ангелов.

В Пасадене Кэмерон снова встретилась с Бутом в «Robo's place» на Вустер-авеню. Очевидно, что дом всё ещё находился под наблюдением полиции, так как в первые часы в субботу, 18 апреля их грубо разбудили полицейские, проверяя резиденцию на наркотики. Когда они оба были взяты под стражу, Кэмерон была одета в пижаму, и на ней был защитный амулет, который сделал для неё Джек. Он состоял из шестидюймового куска нитки с девятью узлами с привязанным небольшим кусочком темно-синего войлока, вырезанного по кругу, двумя кусками металла, одного семени, небольшого куска кварца, синего камня и иглы от фонографа. Когда в полицейском участке с её шеи пытались снять амулет, Кэмерон начала драться, лягаться и кусаться, пока на неё не надели наручники. Обвинив её в нарушении постановления, её позже выпустили с Бутом под залог в \$ 50.

Арест и последующий скандал появился на обложке LA Mirror под заголовком «Амулет пасаденской вдовы-культистки пропал при облаве». Сопроводительная статья подогревалась обстоятельствами смерти Джека, затем продолжалась сообщением о том, как Кэмерон отказалась раскрыть значение амулета «удачи». Для этого была весома причина. Ибо только она знала, что там содержался запечатанный яд, который она попросила Джека поместить туда, чтобы она могла покончить с собой, если её магическая миссия в мире окажется слишком невыносимой.

Pasadena Cult Widow's Amulet Fails in Raid

The widow of the asserted high priest of a weird Pasadena cult was due to appear in Pasadena Municipal Court this afternoon on a charge of violating the city's rooming house ordinance.

Mrs. Elizabeth Cameron Parsons was clad in pajamas and an amulet when she was picked up with Leroy C. Booth, 28, by vice squad officers in Booth's home at 958 Worcester St. early Saturday, police said.

Mrs. Parson's husband, John W. Parsons, a pioneer in rocket and jet propulsion development, was killed in a mysterious blast which rocked the fashion-

able Orange Grove district 10 months ago.

Parsons was identified at that time as the one-time high priest of the Church of Thelema, and there was evidence at the time of his death that some sort of a cult still was operating in the old coach house where Parsons made his residence.

Mrs. Parsons gave police the same address—1071 S Orange Grove Ave. — when she and Booth were jailed.

She flatly refused to give up the amulet which hung around her neck when she was booked, and put up such resistance it was necessary to handcuff her. Matron Josephine Kehoe was kicked and bitten during the melee.

The amulet was found to contain a six-inch piece of string with nine knots tied in it, a small piece of dark blue felt cut in a circular manner, two pieces of metal, one seed, a small piece of quartz, a deep blue stone, and a phonograph needle.

She refused to reveal significance of the "good luck" piece.

Free on Bail

Both Mrs. Parsons and Booth were released on \$50 bail for court appearance today.

Lt. Harold Thomas, head of the vice squad, said he had directed his men to the home to shake it down for narcotics. Booth and Jo Ann Price, 30, a buxom blonde identified as the prospective high priestess of the cult, were arrested at the address several months ago on narcotics charges that later were dismissed.

Officers Frank Repetti and D. C. Newland, who made the raid, said Mrs. Parsons had taken her German shepherd dog and a bird cage containing two birds to the Booth residence and she carted them off to jail.

Сообщение об
аресте Кэмерон в

LA Mirror.

20 апреля

1953 года.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ХРАМ НАСЛАЖДЕНИЙ

*Мы не видим вещи такими, какие они есть,
мы видим вещи такими, какие мы есть.*

Анаис Нин

Бездомная и подавленная обстоятельствами Кэмерон нашла временное пристанище в доме Ренаты Друкс на Малибу. Когда она прибыла месяцем раньше, она оставила маленький подарок за её гостеприимство. Однажды ночью Друкс разбудила её, чтобы найти странную астральную сущность, зависающую над её кроватью, существо, похожее на инопланетянина с неоновым цветом мозгом, позвоночником и хвостом, который увеличивался в размерах, когда оно устремилось вниз, исчезнув прямо перед её глазами. Потрясённая Друкс проконсультировалась с Джейн Вольф насчет этого жуткого визита, и та сразу увидела в призраке результаты колдовства Кэмерон. «Это её рук дело», — непонимающе размышляла Вольф перед тем, как посоветовать Друкс провести изгоняющий ритуал для защиты.

Благодаря Друкс Кэмерон вошла в колоритный внутренний круг Самсона де Бриера, яркого эстета и, по слухам, внебрачного сына короля Румынии. Как бы ни было на самом деле, экзотическая история Де Бриера началась в Китае, где он родился в 1909 году. Когда он был ребёнком, его семья переехала в Штаты, и Де Бриер вырос в Атлантик-Сити, где, как сообщает история, его отец, коррумпированный политик, был зарезан ревнивой женщиной. В подростковом возрасте он выработал уайльдовский имидж элегантного денди, и, как и последняя

инкарнация Кэмерон, это была роль, которую он сначала играл, а затем был охвачен ей полностью. Чтобы избежать трагедии или скандала, семья переехала в Лос-Анджелес, где, по легенде, у Де Бриера была короткая кинокарьеря: он дублировал актёра Артура Жасмина в эпизодах Иродиады в скандальной киноверсии Аллы Назимовой «Саломе» Оскара Уайльда. Когда Голливудская карьера провалилась, Де Бриер поплыл на пароходе в Париж в украшенном драгоценными камнями меховом пальто. В Париже в 20-е годы он побратался с писательской диаспорой, включая Хемингуэя, Джойса и Генри Миллера, стал любовником Андре Гайда и якобы побывал моделью для серии картин Пикассо «Пьеро». По возвращении в Америку он участвовал в радио-шоу «Гангпланк» для WMCA в Нью-Йорке, где он взял интервью у некоторых величайших знаменитостей, включая Ноэла Кауарда, Сою Хени и Томаса Манна, который путешествовал по Америке. После войны он вернулся в Лос-Анджелес, где работал в ночную смену в Lockheed, и успел побывать медбратом в психиатрической больнице для ветеранов. Он купил викторианский дом на Бартон-авеню в Западном Голливуде, который он сдавал в аренду, что давало ему возможность жить, как абсолютный эстет и профессиональный бездельник.

Недвижимость включала три жилища. Обитый досками дюплекс, начиная с рубежа веков, стоял на уровне улицы и был передан арендаторам. За ним небольшой пивной сад, который вёл к бараку, зданию, в котором жил де Бриер. Третья постройка, напоминавшая сарай, стояла сзади, где в течение многих лет проживала актриса Роберта Хэйнс, сексапильная девушка, среди поклонников которой был Марлон Брандо.

Дом де Бриера отражал его любовь к декору ар-нуво, бархатным драпировкам, шелковистым восточным халатам, лампам с шелковыми абажурами и декоративным предметам искусства. Будучи коллекционером редких голливудских памятных вещей, он спас костюмы и реквизит, похищенный из давно забытой молчаливой классики, и в доме господствовал постоянный готический мрак, превращавший его в подобие тёмного музея. Один поздний арендатор, продюсер Рик Натансон, вспомнил: «вместе со старыми плёнками были и портреты Самсона в обнаженном виде. Он был

очень похож на портрет на чердаке, потому что он, казалось, никогда не старел».

Не только интерьер жилища Де Бриера был погружен в старую голливудскую атмосферу, его дух витал на всей площади. Его дом находился всего в квартале от ущелья Гауэр, участка улицы, где начинающие актеры вестернов когда-то стояли в очереди на съёмку в очередной «лошадиной опере», а чуть дальше за пределами пролегалo Голливудское Кладбище, на котором боги и богини серебряных экранов были похоронены или погребены в стерильных мавзолеях.

На протяжении многих лет дом Де Бриера стал известен как салон, открывающий свои двери для некоторых величайших имен в мире искусства и развлечения, вперемешку с молодыми художниками и теми, кто пытался пробиться на голливудскую сцену.

«Дом Самсона был просто великолепным местом для собраний», — вспоминает Ширли Берман. — «В любое время, проходя мимо, вы могли бы просто постучать в дверь, и там было бы полно старлеток. Было так странно видеть этих красивых молодых девушек, скачущих вокруг дома и делающих чай для Самсона, и у него были знаменитые друзья, такие как Теннесси Уильямс».

Для молодых авангардных режиссёров Кеннета Энгера и Кертиса Харрингтона вечера Де Бриера были ритуалами, и его дом стал их постоянным прибежищем.

Кертис Харрингтон: «Самсон был эстетом. У него не было карьеры или профессии. Он не был поэтом, художником или актером, он был просто увлечённым, многогранным человеком, который посвятил свою жизнь искусству, вот и всё. Вы больше нигде не услышите о подобном человеке. Он инвестировал все свои деньги в недвижимость, он был очень умен, так что он мог жить жизнью джентльмена. Он свысока смотрел на дневной труд, он был выше всего этого. У него было достаточно денег, поступающих от аренды, и он мог жить так, как он хотел жить, и мог не делать того, что он не хотел делать. Эта тайна Самсона была вполне обыденным делом».

Общество Де Бриера с легендами об эре тишины понравилось паре начинающих кинорежиссеров, воспитанных на эпических

представлениях золотого века Голливуда. Эпоха, созданная героями детства, для Энгера была связана с сексуальным титаном Рудольфом Валентино, а для Харрингтона — с деспотическим режиссёром и Свенгали для Марлен Дитрих, Йозефом фон Штернбергом. Все трое жили в тайном гомосексуальном мире — в сибаритском доме Де Бриера проходили вечеринки «только для мужчин» с возможностью уединиться. Хозяин получил репутацию смельчака за то, что он был открытым гомосексуалистом в период, когда гомосексуализм считали психическим заболеванием, и это грозило физической опасностью, арестом или лишением свободы. Это было вне закона, и Энгер впоследствии жаловался на этот подпольный период.

Мифические истории, изобилующие вокруг ранней жизни Кеннета Энгера, выросли, как подающий надежды ребенок-звезда в Голливуде. До сих пор остаётся открытым вопрос: на самом ли деле он играл принца-подменыша в магической версии «Сна в летнюю ночь» Макса Рейнхардта. Ходили слухи, что его педофилчески трогал сам Уолт Дисней, что ещё больше стирает грань между фактом и вымыслом. Такие возможные кошмарные моменты за кулисами фабрики грез дали режиссеру богатый опыт, чтобы потом заслужить большой успех, подняв завесу над некоторыми из тёмных тайн Голливуда.

Едва достигнув подросткового возраста, Энгер взял 16-миллиметровую камеру своих родителей, чтобы попробовать снять свой первый фильм, «Whose Been Rocking my Dream Boat». Другие его домашние фильмы никогда не увидят свет, его юношеская коллекция навсегда потеряна для потомков. Не менее скороспелый Харрингтон в свои 14 лет уже завершил первое видение своего любимого рассказа Эдгара Аллана По «Падение дома Ашеров». Проносясь через послевоенный взрыв авангарда кино, возглавляемый Майей Дерен, производители фильмов заметили интерес к своим работам за рубежом, и Харрингтон гастролировал со своими короткометражными фильмами по Европе. Энгер тем временем создал ещё больший всплеск своим фильмом «Фейерверки», гомоэротической фантазией, получившей положительные отзывы от таких прославленных деятелей, как Теннесси Уильямс и Жан Кокто, и в 1949 году на кинофестивале Биарриц фильм получил награду как лучшая короткометражка. Фильм также

имел успех в Лос-анджелесском Театре Coronet на бульваре Ла Съенега, и среди его зрителей был сексолог, доктор Альфред Кинси, дававший в городе интервью для своих новаторских исследований сексуального поведения американских мужчин. В публикации он спорно предполагал, что в сексуальной жизни американских мужчин было гораздо больше общего с греками и римлянами, чем они могли бы подозревать. Тронутый этим редким примером американского гомоэротизма, Кинси сразу купил первую копию фильма для своего института сексуальных исследований и завязал дружбу с молодым кинематографистом. Опираясь на успех своего фильма, Энгер уехал в Париж, где он встретился со своим героем Кокто, и начал работать с Анри Ланглуа, соучредителем в Cinematheque Frangaise. Позвонив домой после смерти матери, Энгер воспользовался своим наследством и профинансировал своё следующее визуальное предприятие. Связанные своей взаимной любовью к классическому кино, Де Бриер, Энгер и Харрингтон также разделили тоску и родство к гламурным культурным стилям прошлого. Любовь Де Бриера к модерну была заметна всем благодаря обстановке его дома, и сердце Харрингтона также перенеслось обратно в период Прекрасной эпохи. Энгеру нравились Желтые Девяностые, период времени, которому он признался в любви своим следующим фильмом, «Торжественное открытие храма наслаждений».

Мэтисон и Друкс становились всё более известными благодаря организации костюмированных вечеринок в своём доме на Малибу. Один из таких бал-маскарадов, названный «Приходите подобно вашему безумию», стал генеральной репетицией нового кинопроекта Энгера. «Гости из Южной Калифорнии пришли, как их любимые Боги и Богини», — заметил Энгер позже.

В эту гламурную смесь забросило близкую подругу Друкс, знаменитую писательницу и мемуаристку Анаис Нин. Известная своей эротикой, Нин была покровительницей и бывшей любовницей Генри Миллера, и вместе они составляли сильную, сексуально заряженную пару. На «Приходите подобно вашему безумию» Нин носила телесного цвета трико с меховыми серьгами, свисающими с ее сосков, и меховым поясом, завязанным вокруг ее талии. Обряженный в шкуры животных, с нарисованными на её спине джунглями, каждый дюйм её тела выглядел

диким, сексуальным хищником. Но самым примечательным была птичья клетка, которую она носила поверх своей головы, и рулон бумаги, которую она выбрасывала из своего рта с написанными отрывками из своих книг. Вытаскивая их из открытой клетки, она отрывала полоски и раздавала их гостям «как телеграммы из бессознательного».

Энгер на этой вечеринке был одет в женский наряд с перьями, как Геката, греческая богиня подземного мира. Расположившись в соседней комнате, он ждал, чтобы сделать свой блистательный выход, неся зажженную свечу. К сожалению, занимаясь другими гостями, Друкс забыла о нем, и когда он появился, подавленный, свеча уже наполовину сгорела. Энгер сообщил, что маскарад Де Бриера напомнил ему о сне, который он когда-то видел, и он воплотил его в картине, висевшей на стене Де Бриера. Энгер попытался запечатлеть маскарад на целлулоиде и вернуть к жизни свою картину из сна.

Первоначально задуманная как средство для демонстрации Анаис Нин, запомнившейся в эпизоде «Ритуала в преображённом времени» Майи Терен, концепция Энгера провалилась в тот момент, когда он встретил Кэмерон. К большому огорчению Нин, режиссер нашел свою новую звезду. Де Бриер получил огромное удовольствие, захватывая умы Энгера и Харрингтона мифами о Джеке и Кэмерон, и, согласно легенде, при встрече с одиозной Алой Женщиной Энгер воскликнул: «Я ждал встречи с тобой тысячу лет».

Несмотря на первоначальные оговорки, Харрингтон вскоре был очарован. «Я даже не хочу знать, какой была Кэмерон, когда я впервые встретил ее, потому что она явила собой нечто тёмное, очень запретное и пугающее. Меня поразило, что она была немного безумной, но мы вскоре вышли за рамки этого. Я, конечно, никогда не знал никого подобного ей».

Таким образом, были посеяны семена того, что должно было стать пожизненной дружбой. Положение Анаис Нин в центре внимания фильма было узурпировано, однако выпадение ощущалось всеми присутствующими.

Кертис Харрингтон: «Все друзья Анаис были весьма обеспокоены и обижены. Был конфликт на съемочной площадке, в основном, между Анаис и Кэмерон, потому что Анаис была

Анаис, чувствовавшей, что у неё была главная женская роль в фильме. Она считала себя звездой по своему собственному праву, как всемирно известный писатель, и она видела, что Кэмерон забирает эту роль себе. Кэмерон была такой сильной, что перетягивала внимание Кеннета. Анаис была задета и начала ревновать, таким образом, они не были в самых лучших отношениях.

В частном порядке Нин признала поражение и написала в своем дневнике свою лучшую прозу, она записала: «Кэмерон окружена вихрем Зла, очаровывая Пола (Мэтисона), Кертиса и Кеннета».

Работая по выходным в декабре 1953 года, Энгер подготовил и нацелил свой блестящий бросок, отдав Де Бриеру тёмную освящённую площадку для декораций. Завершившись на следующий год, конечные результаты показали, что Энгер сделал гигантский скачок в направлении становления как режиссера. Чтобы выразить драматическое расстройство чувств, фильм нуждался в соответствующем названии. Энгер решил поискать его в первых строках английского стихотворения «Кубла-хан», созданного Кольриджем в опиумном дыму.

На момент его создания видение Кольриджа было настолько поразительным по своим масштабам, что его товарищ по оружию Уильям Вордсворт отказался опубликовать его, убежденный, что стихотворение было опасным и индуцированным наркотиками, путём, ведущим только к безумию. Стихотворение было выпущено благодаря лорду Байрону, которому нравилась известность, окружающая скандальные строфы, он шагнул в пропасть и заплатил Кольриджу сторицей за возможность опубликовать его стихотворение.

Решение Энгера вполне могло быть вызвано его новой найденной музой, так как этот поэт особенно нравился Кэмерон. Музыкальным сопровождением фильма была хоральная работа Леоша Яначека «Глаголическая месса». Своей мелодией вгоняющей в транс она вызывала покалывание в позвоночнике и настраивала на торжественный лад.

Прокручивающиеся начальные титры в стиле ар-нуво рисовал Пол Мэтисон. Фильм открывал Самсон Де Бриер, лежащий на украшенной драконами кровати в своей спальне. Его пальцы усыпаны драгоценностями, и он изображает бога Шиву в первой

из своих нескольких ролей. Засунув ожерелье себе в глотку, он поднимается, выходит и снова входит в комнату, где он прихорашивается перед зеркалом. Появляется демоническое видение, раскачивающееся взад и вперед и вертящее ногтями длиной в фут. Это Де Бриер в омерзительным облике, который Энгер позже продублирует как «Великого Зверя» в честь Кроули. Его чудовищный вид нарисовала Рената Друкс, воссоздавая изображение Сатаны на ткани, которую откопали в платяном шкафу Де Бриера.

Далее шли кадры, где Кэмерон материализуется как Алая Женщина с мексиканской мантилей, закреплённой на задней части головы, завернутой в платок, который, по слухам, когда-то принадлежал Рудольфо Валентино. Из-за интенсивной покраски светящимися гелями ее волосы стали ярко-красными, и она поражала своими длинными ресницами, сверкающими щеками, большими, яркими красными губами и властной позой. В довершение образа, вы можете представить её тело осязаемо содрогаться от интенсивности ее гипнотического взгляда. На её лице можно прочесть изысканный образ зла. Ладонью своей руки она протянула статуэтку Дьявола для Великого Зверя, которая вспыхнула пламенем, как он коснулся ее. Кэмерон прикуривала от пламени, и, когда она вдыхала, возникал образ Кроули в тюрбане, который был показан на первой полосе газеты *Mirror* после смерти Джека. Прекрасная Джоан Уитни является как Афродита, одетая в прозрачное белое платье и заключенная в мерцающем пламени. Размахивая золотым яблоком, она приближается к Де Бриеру, в своём третьем воплощении императору Нерону, который принимает плоды, но отворачивается с отвращением. Алая Женщина Кэмерон вновь появляется и снова наблюдает. Сначала египетский эпизод, где скульптор Кэти Кэдделл играла Исиду, которая кладёт пластиковую змею в рот Осириса (снова Де Бриер), который трясётся от поедания змеи. Затем появляется Рената Друкс, изображающая супругу Люцифера Лилит, обрамлённую горящими канделябрами, видение в оранжевом шифоне. Она опускает стеклянный алмаз в рот Де Бриера, одетого в меха, как восточный правитель, потом камера перемещается. Де Бриер появляется рядом в образе оккультиста 18-го века графа Калиостро, одетого в парик, напоминающий взбитые

сливки, одного из персонажей, которого снимали на фоне венецианской террасы, изображённой на полотне в гостиной Де Бриера. Алая Женщина Кэмерон тоже сидит перед фреской, обмахиваясь веером, когда на неё накладываются каббалистические символы. Пол Мэтисон заходит слева в образе Пана, неся виноград Бахуса. Купаясь в дыме и выглядя почти как альбинос, он принимает угрожающую позу. Лилит подаёт знак Анаис Нин, совершающую свой большой выход в образе лунной богини Астарты. Выгляда, как дадаистский астронавт, она повторяет свой номер с птичьей клеткой, и ее красивое лицо обрамлено накладным полумесяцем. Она завернута в синий муслин, Де Бриер разворачивает её, и она выполняет пантомиму, снимая луну с неба в виде нескольких серебряных шаров. Она дарит один из них богу Шиве, шар сжимается в размерах, и он глотает его. Затем он отрачивает серебрястые крылья, которые взволнованно порхают. Великий Зверь и Алая Женщина закликают Чезаре, сомнамбулу с каменным лицом из классики экспрессионизма «Кабинет Доктора Калигари», которого сыграл Кертис Харрингтон. Лунатик проходит мимо жуткой картины Друкс с тремя сиамскими кошками, на которую накладывается портрет старухи, они направляют его в прихожую, где находится Энгер в образе Гекаты, чей единственный глаз выглядывает из-под чёрного головного убора с вуалью.

Геката дарит Чезаре сосуд со священным эликсиром яге, и Чезаре, выступая в качестве виночерпия, выливает психоактивную амброзию в кубок в виде лотоса. Эта последовательность стала главным яблоком раздора между Энгером и Ренатой Друкс, когда режиссёр просил, чтобы её сын Питер, играя виночерпия Ганимеда, окунул в кубок свой язык и впал в транс. Тот факт, что в чаше не было ничего более вредного, чем брызги, не успокоил иррациональный страх Друкс, что её мальчика отравят. Как сообщается, она также отказалась от возможности ее сына присутствовать во время сцены, где Кэмерон, изображая индусскую богиню Кали, показывает свою грудь. Возмущалась не только Друкс. Другие тоже чувствовали, что фантазия становится слишком реалистичной. Анаис Нин сообщает: «Если смотреть на Кэмерон, сидящую с одной открытой грудью, и на Питера, пробующего эликсир,

может показаться, что её ведьмино молоко могло бы быть источником содержимого кубка».

Как только Граф Калистро выпивает напиток Пана, начинается ритуализованное безумие. И, как только нектар богов вступает в силу, появляется ряд многослойных изображений, создающих психодраму. В то время как боги и богини древности впадают в истерику, Энгер создает ослепительную пляску смерти, используя двойные экспозиции и обратные планы, а также кадры с блестящими, дрожащими бальными платьями, позаимствованными из его ранней короткометражки «Красно-коричневый момент». Лилит снимает маску скелета для Мексиканского Дня Мёртвых, раскрывая под ней аналогично окрашенную голову смерти и ещё несколько босховских существ, в то время как Анаис Нин семенит, размахивая рыболовной сетью, чтобы опутать её Пана. На переднем плане можно заметить, как сладострастные женщины буквально рвут Пана на части в сексуальном безумии. Энгер также работает над монтажом кадров из немого кино «Ад Данте» и заливает его красным, сатанинским оттенком. Когда образы ада отскакивают от неё, Кэмерон вновь появляется, на этот раз на троне, как Кали, показывая то, что Нин цинично и злобно описывает как «безжизненную грудь». Это кинематографическое нарушение теперь считается одной из первых демонстраций женской наготы в американском артхаусном кино.

Затем, как в наркотическом бреде, Кэмерон превращается в одинокую точку среди всего этого кошмара, звуки церковного органа всё сильнее диссонируют, и крещендо музыки и изображения достигает восторженной кульминации. Отдавая должное, Анаис Нин позже заметила, что фильм действительно стал изображением их коллективного безумия: «Реальность и безумие смешались, превратившись в хаос и замешательство. Связность исчезла, как в безумии. Были искажения. Любовь стала ненавистью, экстаз стал кошмаром. Те, кто начал с чувственной привлекательности, закончили пожиранием друг друга».

Если оценивать современным взглядом, многое в «Храме наслаждения» выглядит как вульгарная пантомима. Исполняющий главную роль Де Бриер выглядит достаточно царственно и играет свои театральные и яркие партии хорошо, но ему

для этого отведено не очень много места в отличие от Кэмерон, у которой не было ни капли пошлости. Среди всего этого шутовства она поражает и затмевает Анаис Нин своим властным лицом. Прыгая со своей сетью, легендарная соблазнительница не смогла выдержать эротический удар, и насчёт Нин было сказано: «Сначала в фильме показалась Астарта, проливающая свой свет, но Кэмерон стала более сильной фигурой, злой, гипнотической фигурой и настроением победившего декаданса».

Энгер описал об этом в черно-белом: «Вдруг Анаис сжалась из-за величия, которое шло от Кэмерон, потому что Кэмерон её уничтожила».

Играя на своей магической значимости, Энгер позже упоминает свой фильм, чтобы помочь занести фотогеничную Бабалон в исполнении Кэмерон в общественное сознание, и, оглядываясь назад, через много лет Кэмерон тоже стала считать его важным водоразделом, «возможностью выразить наше подавление. Мы были тем, что я называю фрейдистским поколением. Мы были детьми, которые пострадали в семейном кругу, переживая такие большие изменения. Мы были все буквально заброшенными детьми, и это была наша первая возможность выразить это. Я умаю, что мы стали интересоваться в первую очередь психологией и тому подобным, и это освободило нас, позволив нам говорить о вещах, которые ранее были завуалированы в литературном контексте. Мы смогли быть шокирующими».

Фильм, конечно, служит примером для любого молодого режиссёра, чего можно достигнуть с достаточно скромным бюджетом, минимумом реквизита, несколькими харизматичными друзьями и богатым воображением. «Торжественное открытие Храма наслаждений» может похвастаться незабываемыми образами, красиво синкопированными к музыке, виртуозным использованием нескольких наслоений и наложений и остаётся впечатляющим праздником для глаз. Стилистически это является данью психоделическим пионерам Майклу Пауэлли и Эмерику Прессбургеру, очень изобретательному кинематографическому дуэту, известному за их уникальное описание историй, восхитительные съёмки и живописное использование цвета. На самом деле некоторые из сцен в фильме Энгера напоминают магический балет в самом знаменитом шедевре

дуэта: «Красные башмачки». Кэмерон тоже была поклонницей их работ, особенно истории в их экранизированной оперетте «Сказки Гофмана», и она чувствовала, что та предвосхитила её собственную судьбу.

Кроулианские вставки, проникающие в «Храм наслаждений», которые Энгер добавил в фильм впоследствии, заставят многих критиков считать, что они видели кроулианскую мессу. Однако Кертис Харрингтон подтверждает, что всё связанное с Кроули появилось в фильме после того, как Энгер познакомился с Кэмерон, и через нее — с Джейн Вольф. Харрингтон также встретил Вольф и был взволнован, встретив женщину, о которой он читал на страницах сенсационной биографии Кроули «Великий Зверь» Джона Саймондса.

Кертис Харрингтон: «Джейн Вольф была чрезвычайно интересной старой леди. Из Саймондсовской биографии я узнал, что она была в Чефалу с Кроули. В книге она известна как Элизабет Фокс, и мне было трудно представить эту очень благостную старушку, которая сильно напомнила мне мою бабушку, вовлечённой во все эти секс-ритуалы и оргии в Сицилии. Я никогда не мог смириться, что у меня в голове. Но она была посвящена Кроули и „Книге Закона“. Она была истинной последовательницей Кроулианства».

Опираясь на некоторые другие биографические источники, Саймондсовская биография отвечает за формирование восприятия Кроули многими людьми, включая кружок Кэмерон, и она сохраняет по-прежнему популярное заблуждение о Кроули как об архи-сатанисте.

Кертис Харрингтон: «Я помню, как однажды ехал в автобусе вместе с Полом (Мэтисоном) где-то, он знал мое воображение, и он сказал: ах, да, я знаю один дом в Пасадене, где они проводят тайные сатанинские обряды, и вы должны подняться на чердак, а потом закрыть дверь-ловушку, и вы не сможете выйти. Я вздрогнул, но я не знал, о чём он говорил в то время, но теперь я знаю, что он имел в виду Джека Парсонса».

Отвечая на вопрос, верит ли он, что у Мэтисона и Парсонса были когда-то сексуальные партнеры, режиссер отвечает: «Пол был бисексуалом и, учитывая тот факт, что Кроули был также бисексуалом и был для Джека образцом для подражания,

я бы не удивился. Был своего рода случай, когда Кэмерон выразила свою ревность по отношению к Полу».

Харрингтон подчеркивает свой строго интеллектуальный интерес к Кроули: «Я уважаю Кроули как личность. Я нахожу его забавным. Я не нахожу его ужасным человеком. Я люблю его злое чувство юмора. Я бы хотел поиграть с ним в шахматы». С другой стороны, Энгер почувствовал себя в телемитской философии как рыба в воде, как он позже объяснил: «Как только я услышал об этом, что-то щелкнуло, и я сказал: „Это мое“. Меня никогда не тянуло в церковь. Моя семья пыталась взять меня, когда мне было 12 лет, и я сказал им нет! Я был первым ребенком, который сделал это. Я отказался ехать в церковь по воскресеньям, и мне урезали пособие, потому что я бунтовал. Но тогда они оставили меня в покое. Так что я отверг христианство в раннем возрасте. Я считаю, что христианство отвратительно. Мне не нравится история. Я не чувствую, что мне нужен кто-то пригвожденный к кресту, чтобы искупить мои грехи. Это уродливо!»

Немногим более года спустя Энгер отправился в Лондон и представил «Торжественное открытие Храма Наслаждений» в ИСА (Институт современного Искусство) на Дувр-стрит. В сопроводительном примечании программы режиссёр описал свой фильм как: «дань Мастеру Териону и Телемскому аббатству, вечер на закате кроулианства. Пробуждается бог Шива, Мадам Сатана олицетворяет мандрагору и гламур. Кормление идола. Эликсир Гекаты подносится тенью лунатика. Напиток Пана является ядом Господа Шивы. Церемонию ведёт Великий Зверь Шива и Алая Женщина Кали».

В London News Chronicle Пол Ден написал отзыв о фильме с заголовком: «Алая женщина показывает свою магию». Крайне положительная статья, очевидно, была нацелена на Энгера. Ден написал, что фильм вращается вокруг Кэмерон, которая была объявлена как «Избранная преемница Кроули», которая «как Алая Женщина, уже покорила сицилийское Телемское Аббатство Кроули в заброшенном ранчо в Бухте Рая, Малибу».

На показе присутствовали кроулианцы, включая леди Фриду Харрис, которая провела последнее десятилетие жизни Кроули за кропотливой работой над его колодой Таро Тота

в соответствии с взыскательными требованиями Великого Зверя. Несмотря на заявления Энгера, что его фильм был телемитской работой, по которой он советовался с Джейн, леди Харрис не нашла в нём ничего подобного, и после показа она подошла к режиссеру в фойе, ругая его вместе с коллегой-телемитом Луи Уилкинсоном «со всем возмущением преданного ученика Иисуса по поводу отступничества последователя святого Павла».

«Это не дань Алистеру Кроули — это кощунство», — открыла огонь Леди Харрис. «Он бы высмеял его и всё это, от начала и до конца». Пытаясь успокоить ее, Энгер спросил, могут ли они обсудить этот вопрос позже, чтобы поговорить о том, о чем они не могли. «Но моя дорогая», — вздохнул Энгер. «Не говорите мне „моя дорогая“» — я должна говорить сейчас, — настаивала миледи.

Продолжая свой выговор, Энгер бросил сверток Леди Харрис, который ему дали для показа, и ушёл прочь. Не все из британского контингента Кроули были такого низкого мнения, однако один горячий поклонник фильма и в особенности

Кэмерон был учеником Кроули и писателем. Кеннет Грант не терял времени, описывая своё видение Алых Женщин. Полагая, что это реально, Грант пригласил Кэмерон в Англию, надеясь, что она присоединится к его освящённой Новой Ложе Исида. Кэмерон, кажется, не нравились его увертюры, исполненные Джейн Вольф и Карлом Гермером, который не так давно отлучил Гранта якобы за сотрудничество со своим старым противником. Однако, по мнению Кэмерон, реальная причина исключения Гранта была в том, что он послал ей свою официальную печать одобрения, подтверждающую ее силу как физическое проявление Бабалон. Будучи сначала заинтригованной, Кэмерон отказалась отвечать на письма Гранта, но уже через год она просила Энгера встретиться с ним, надеясь, что он все еще может помочь ей, если она последует в Лондон за Энгером. Энгер в конце концов встретился с Грантом, хотя сама Кэмерон никогда этого не делала. Несмотря на это, она стала для него фетишем, порталом, ведущим через звездные врата в другое измерение.

The Scarlet Woman shows her magic

By PAUL DENN

THE uneasy, black-magical spirit of the late Aleister Crowley—who, during his eccentric lifetime, styled himself Beast 666 of the Apocalypse and became High Priest to a dark little cult operating from Catania, Sicily, in 1923—is not yet wholly stilled.

An extraordinary film, to be shown privately tonight at the Institute of Contemporary Arts, Dover Street, by its 25-year-old American director, Kenneth Anger, introduces us to Crowley's self-confessed successor-elect, Mrs. Cameron Parsons, Californian widow of the Beast's own "godson."

Her husband, a genuinely brilliant scientist saluted by Americans as the perfecter of jet-fuel, dabbled before his death in alchemy.

Mrs. Parsons, a talented professional painter who prefers to be known among her acolytes as the Scarlet Woman, has re-founded Crowley's Sicilian Abbey of Thelema at a disused ramshouse 20 miles up-coast from Hollywood in the somewhat unsuitably named Paradise Cove, near Malibu Beach.

The inner circle

Here (wearing a series of revelatory costumes and a small gold locket confidently held to contain a "condensed star") she holds ritual court over the inner circle of devotees who support her in Mr. Anger's picture.

They are: The new Beast 666; The Great God Pan; Astarte; Cesare the Sonambulist; Keeper of the Flame.

All these (and their equally vivid subordinates) have been filmed by Mr. Anger, at their self-appointed ritual tasks, in vivid, luminous colours.

Since the idiom is impressionistic, a valuable programme-note elucidates the action:

"Lord Shiva wakes. Madam Salan present the Mandragora, and a glamour is cast. The idol is fed. The Elixir of Hecate is served by the shade of Cesare the Sonambulist. Pan's drink is vomited by Lord Shiva. The ceremonies are

presided over by the great Beast-Shiva and the Scarlet Woman-Keli."

The film's most memorable figure is the Great Beast himself—made-up (and assumed with some foreboding that he was made-up) to resemble a demi-haborn.

Eccentric few

The bright and wickedly subtle violence of Mr. Anger's imagery quite terrifyingly converts the ecstasy of the eccentric few to us, who are the unympathetic many.

The Institute of Contemporary Arts are to be congratulated on showing inauguration of the Picture Dome as a brilliant experimental work of art; but since a majority will hold it also to be a work of black art, the censor will certainly court equal congratulation if he bans it.

A scene from the black-magic film, *The Keeper of the Flame*—hands the Golden Apple of Diana to Shiva

ШЕРРИ

«И меньше всего я могу сказать вам, что у меня на уме, и видя ваше лицо в дымке, я отчасти забываю, отчасти еще надеюсь вспомнить ветер, треплющий ваши волосы со старым сожалением».
«Осень» — Шерри Эббот.

В начале 1955 года, Норман Роуз открыл на бульваре Ла Сьенега книжный магазин «Книги 55», специализирующийся на искусстве, мистике и поэзии. Небольшой, жилистый, нервный парень, Роуз заядлый курильщик, непрерывно постукивающий ногой в амфетаминовом возбуждении. Его щедрость была хорошо известна, он всегда помогал людям найти работу, жилье, в том числе и для Кэмерон, которая приютилась в задней комнате его магазина, и ее картина «Peuyote Vision» висела снаружи на стене.

«Норман увлекался множеством магических вещей и даже слишком» — вспоминает Ширли Берман. «Он был странный парень. Только что вышел из тюрьмы и был похож на уличного жулика, но он был очень умный».

Обитель Роуза стала основным местом тусовки для совершенно нового потока молодой богемы, включая одаренных молодых поэтов Дэвида Мельцера и Айю, которых затянуло на его литературную орбиту. После распада брака своих родителей, Мельцер с отцом переехал из своего родного Бруклина в Калифорнию, чтобы начать там новую жизнь. Будучи талантливым музыкантом, он продолжал играть свой уникальный бренд

ритм-энд-блюз на часовом радио-шоу Horn and Hardart.

«Я был семнадцатилетним парнем хиппи из Нью-Йорка, поэтому, конечно, я знал все» — острил он. «Чему могли эти калифорнийцы меня научить?»

Черноволосая красавица Айя отказалась от респектабельной жизни и брака без любви, ожидавших ее и сбежала со своим бойфрендом-художником к большому неодобрению своей семьи. Чтобы обуздать ее мятежный дух, отец и дядя замыслили поместить ее в учреждение, чтобы подвергнуть шоковой терапии. Ее мать посоветовала ей уехать из города, чтобы спастись.

Айя: «В те времена они пытались приручить твой ум и дух. У нас не было сестринских, дружеских отношений, потому что тогда нельзя было сблизиться. И как только они сказали, что Бог — это он, я покончила со всем этим».

Айя помогала Норману Роузу продавать книги в другой тусовке Ренессанс Клуб на Сансет Стрип, где она также читала лекции по Таро, в то время как ее новый муж Элиас Ромеро проектировал свои новаторские световые шоу. В конечном счете, она встретилась с Кэмерон.

Айя: «Меня восхищало ее творчество, ее магические способности и ее освобожденный дух. Мы шли одним путем, хотя она была на десять лет впереди меня». По своему обычаю, Кэмерон представила молодоженам художественные работы, изображения Исиды в кубизме.

Чтобы заработать немного денег на стороне, Кэмерон использовала свои навыки портнихи, чтобы шить одежду в бутике, принадлежащем Дональду Морану, брату Ширли Берман.

«Кэмерон была великолепно, но в ней не было мягкости. Она шила свою собственную одежду и одевалась прекрасно, с шиком» — вспоминает Моран. Он также высоко оценил сухое чувство юмора Кэмерон, и вспоминает о времени, когда она представила его как гея на вечеринке, заявив; «Вы бы так не подумали, взглянув на него, не так ли? Он выглядит как бейсболист».

Именно через Дональда Морана и Нормана Роуза Кэмерон встретила мужчину, который в конечном счете станет ее вторым мужем, Шеридан Эбботт Киммел, более известный как Шерри, тот, с кем она решила остаться до гробовой доски.

«Шерри был другом из Флориды» — объясняет Моран. «Он был комиссован из армии в связи с ранением и был безработным. Я встретился с ним в книжном магазине Нормана Роуза. Шерри и Норман служили вместе и вместе попали в госпиталь».

Хотя Шерри и был на 4 года моложе Кэмерон, как и она, он был ветераном Второй мировой войны. В возрасте 15 лет он незаконно пошел в морскую пехоту, документы подписала его мать Бесс. Его отправили в учебный лагерь Пэррис-Айленда, в известные своей безжалостностью казармы в нижней Луизиане, чей режим оказался слишком жестким для некоторых новобранцев. Пережив учебный лагерь, он служил, как и Джим Кэмерон, стрелком хвостовой стрелково-пушечной установки в морском авиационном корпусе в аду Тихоокеанского театра. Там он стал свидетелем того, как его лучшему другу снесло осколком голову, и он сам получил свое боевое крещение огнем, когда осколок попал в его череп и застрял там. Устрашает то, что это вызвало как бы смещение тектонических плит в его голове, что привело к резким перепадам настроения.

После тяжелого ранения Шерри, с тех пор страдающего посттравматическим синдромом, комиссовали. Борьба с апатией, вместе с его сильной зависимостью от наркотиков, превратили его в реальных персонажей Джекил и Хайд. Подверженный суицидальным наклонностям, он много раз попадал в психиатрические отделения госпиталей для ветеранов по всей стране.

Сестра Шерри, Эви Киммел, была привлекательной начинающей актрисой еще в конце 30-х годов, и когда-то даже была обручена с красавцем актером Тайроном Пауэром. Когда она не смогла добиться большого успеха, как кинозвезда, она сделала лучшее, что могла сделать — вышла замуж за одного, а точнее и за второго, первым был актер Кинан Уинн, а следующим — его партнер по фильму и приятель Ван Джонсон, который познакомился с Кэмерон в фотолаборатории во время войны.

Богемный образ жизни, который вел Шерри был ненавистен Кинану Уинну, который прозвал его, «Шерри «Беспутный» Эббот». Шерри также был неприятен Ван Джонсону, который как ожидалось, относился к нему с немного большим сочувствием, из-за травмы головы, от которой он сам страдал после серьезной автокатастрофы. Тем не менее, он тоже считал

брата своей жены «бестолочью»! С другой стороны, его дети обожали Шерри.

Шерри был парнем совсем не от мира сего, чрезвычайно чувствительным, «не сделавшим вообще ничего для этого мира» — вспоминает его племянник Нед Уинн. «Он познакомил меня с музыкой Луи Иордана и песней „Мрачное воскресенье“ . Он рассказывал мне, что в то время, когда он жил в пустыне Палм-Спрингс, он летал на марсианском и венерианском космическом корабле и занимался сексом с инопланетянами. Он писал стихи, рассказы и порнографическую фантастику, в которой непременно присутствовали маленькие, голые зеленые женщины. Он также ел пейот с местными индейцами, и у него было демоническое шизофреническое альтер-эго по имени Баал или Белиал, направляемое Гором, которое не давало ему спать по ночам со своим автоматическим письмом и призывало его принимать наркотики. Он всегда интересовался оккультными вещами. У него была иллюстрированная книга по Каббале, карты Таро, и вся прочая атрибутика еще в 50-е годы. Возможно, вот так они с Кэмерон и встретились. Или, может быть, более вероятно, что это Кэмерон повлияла на него».

Его племянница, Шайлер Ван Джонсон, также сохраняет теплые воспоминания о своем эксцентричном дяде: «У дяди Шерри было отличное чувство юмора, он был первым человеком, от которого я когда-либо услышала: „круто“ и „отстань от меня“, когда мне было около 7—8 лет. Однажды ночью в нашей кухне он довел себя, Неда и некоторых из друзей Неда до истерики, продолжая нести про Курицу моря и спрашивать, почему не было Тунца на Небе. Он был страстным фанатом фантастики и доходил до того, что исчезал на все выходные, уходя в пустыню наблюдать за НЛО. Я думаю, что инцидент в Розуэлле в 1947 году [предполагаемое крушение неопознанного летящего объекта около города Розуэлл в штате Нью-Мексико, США — прим. переводчика] действительно повлиял на него. У него дома был тарантул по имени Гар, и он купил мне мою первую ферму-муравейник, и мы часами наблюдали, за тем как они проектировали свои дома. Он ездил на старом джипе времен Второй мировой войны, который он любил, и мы проводили много счастливых часов в поездках вверх в Trousedale Estate

[предместье города Беверли-Хиллз, Калифорния, — прим. переводчика] которое тогда еще только строилось».

«Шерри любил жить по поговорке, что лучшее в жизни находится ближе всего к смерти» — Дональд Моран помнит все очень хорошо: «Шерри был очень забавный, слишком сумасбродный для меня. Я помню, как однажды мы поехали в пустыню и были под действием наркотиков, Шерри ехал так быстро, что было страшно. Он мчался по грунтовой дороге и сбил животное. Я смылся».

Хотя его стремление к опасности вселяло в некоторых страх, сюрреалистическое чувство юмора Шерри многих очаровывало, и после нескольких лет несчастий он снова заставил Кэмерон смеяться.

«Шерри был как сумасшедший, как ненормальный, но все обожали его» — подтверждает Ширли Берман. «Вы не могли бы усидеть в комнате в течение и пяти минут, не плача от смеха, настолько он был забавным. Я не знаю, что это было, он был просто веселым. В нем было много демонов, но он даже шутил по поводу своих демонов. Я знаю, с Кэмерон ему было очень комфортно вначале, она действительно любила его». Также, как и в «педики в Уэст-Голливуд» с Недом Винном. Шерри был симпатичным парнем, и, как и Кэмерон, он участвовал в сексуальных практиках. В самом деле, на поверхности они казались, как родственные души. Две травмированные души, они использовали секс, наркотики и оккультизм для того, чтобы исследовать внешние пределы реальности.

***

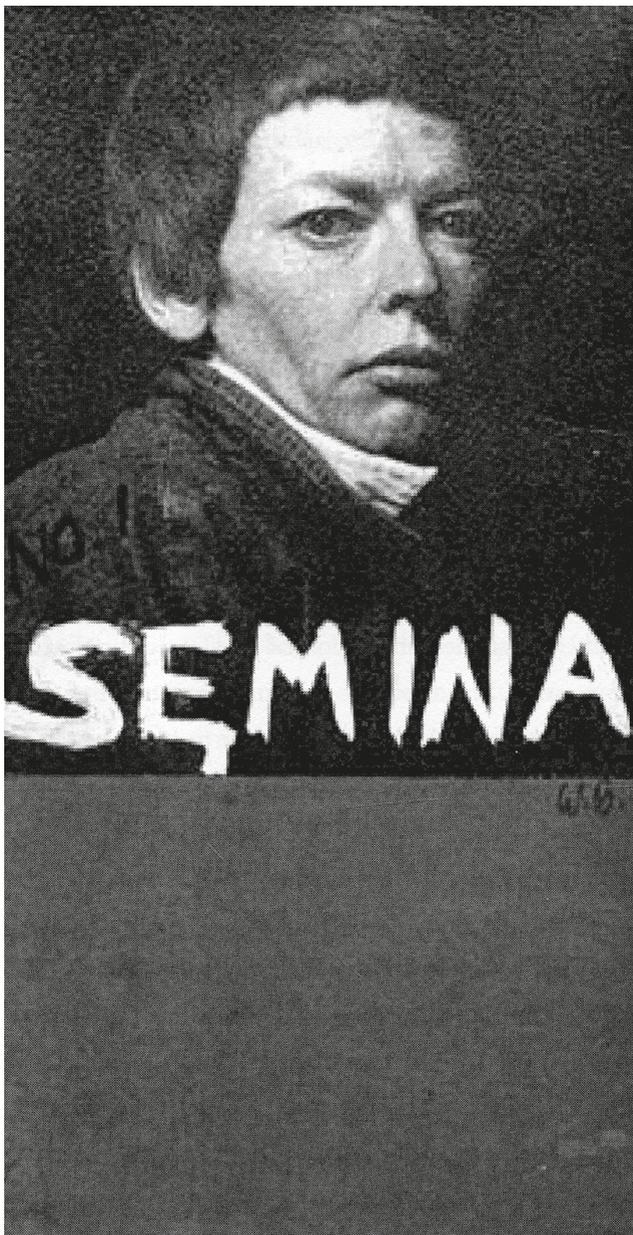
В том апреле Кэмерон утверждала, что она получила сообщение от своего Святого Ангела-Хранителя, что ей нужно отрезать волосы, считая их остатками ее гордости и тщеславия. На протяжении многих лет, она развила настоящий фетиш своих волос, и это стало повторяющимся пунктиком в ее жизни, и было тесно связано с перепадами ее настроения. Карлом Гермером и некоторыми другими было высказано мнение, что такая жертва ее гламура была принесена совсем не по-телемитски, и несколько умалила силу обаяния и очарования Кэмерон, что столь искусно было продемонстрировано в ее выступлении

в фильме «Торжественное открытие Храма Наслаждений», но также имела привкус богоугодных деяний, совершаемых монахинями Черного Братства. Как могла, Кэмерон стремилась быть наиболее правдивой, но она не могла полностью сопротивляться тому, что снова и снова ее тянуло к уединенной жизни, и в результате, стрижка сделала ее похожей на современную версию ее мистической героини Жанны д'Арк.

Новый жесткий образ Кэмерон был пойман объективом фотоаппарата Уоллеса Бермана, и то, что он разместил ее фотографию на обложке первого номера своего художественного журнала *Семина 1* указывает на то, с каким большим уважением он к ней относился. Для того времени, было откровением видеть образ такой андрогинной женщины, и фотограф Карл Бриттин, который работал над первым выпуском журнала вместе с Берманом, был крайне недоволен тем снимком, который Уоллес выбрал для обложки. «Фотография подразумевала, что у нее были трудные времена. Я думаю, что наркотики и образ жизни изнурили ее, и жизнь в пустыне лишила ее внешность привлекательности. Были и некоторые люди, которых очень привлекала такая жизнь, но не долго. Мы оба любили убежать от безумия городской жизни к более простой, чтобы отвлечься, и, конечно, жизнь эта была простая, но трудная».

Наряду с романами Бермана, Жана Кокто и Германа Гессе, и новыми поэмами, любезно предоставленными его приятелями Дэвидом Мельцером и Бобом Александром, *Семина 1* также опубликовал картину Кэмерон «*Peyote Vision*», которая прошла свой путь от стены книжного магазина Нормана Роуза к дому Бермана. Бриттин, как и многие другие, был потрясен этой картиной, но подтвердил: для него осталось загадкой, что вдохновило Кэмерон.

«Она была непостижима в этом. В ней было что-то, что изменило ее, и я думаю, она полагала, что это связано с пришельцами, но я интерпретировал это как мескалин или пейот. Меня чрезвычайно заинтриговала ее экзотическая сексуальность и эти действительно жесткие, очень горячие эротические образы, которые она могла создавать. Я был поражен контрастом между этой и другой ее работой, которая была гораздо более тонкой, женственной и противоречивой. Некоторые из ее картин

Кэмерон в образе Жанны Дарк, пойманная объективом Уоллеса Бермана образ.

*Фотография на обложке его первого журнала искусств Семина 1
(предоставлено Ширли и Тош Берман из архивов Уоллеса Бермана)*

зарождались, когда она была под воздействием различных препаратов. Некоторые из них были определенно эротического и даже порнографического содержания, но другие, напротив, были несколько мечтательными, как „Алиса в стране чудес“. Вы можете увидеть, как это соответствует различным ее состояниям. У нее был очень богатый диапазон различных настроений и впечатлений. Я думаю о Кэмерон, как о создателе пугающих творческих работ, вдохновленной мистическими и религиозными переживаниями и идеями, так же как и Алистер Кроули, что для меня было жутко».

Берман был крайне заинтересован в Кэмерон и ее творчестве, и была заметна особая связь, возникшая между ними. «Когда Кэмерон работала с Уолли, между ними что-то происходило, что-то личное и гораздо более глубокое, чем все остальное» — вспоминает Бриттин. «Она получала доход от репродукций своих работ, и те, кто были в ее самом ближайшем окружении, действительно гордились ею».

Вначале Кэмерон наслаждалась свободными отношениями с Шерри, вместе они не жили, и она по-прежнему в значительной степени жила своей независимой жизнью. После периода проживания в доме Самсона де Бриера, она провела май вместе с Норманом Роузом в его домике на Сьерре. Несмотря на поддержку друзей, жизнь ее оказалась достаточно трудной, и она думала, что была обречена на жалкое существование. Оцепеневшая, уставшая и потерявшая веру в себя от жизни впроголодь, беременность — это было последнее, в чем она нуждалась. На этот раз не было фанфар, Кэмерон ожидала, что будет выкидыш, как и раньше.

Заложница своих эмоциональных перепадов, Кэмерон металась от разрушающих депрессий до восторженных высот. Она оказалась склонной к излишнему упоению властью, и это поведение не осталось незамеченным среди тех, кто был к ней ближе всего. «У Ренаты Друкс были очень неоднозначные чувства по отношению к Кэмерон» — объясняет Кертис Харрингтон. «Она как-то сказала мне, что в определенный момент, на оккультном уровне, Кэмерон совершила огромную метафизическую ошибку, потому что ей дали выбор между любовью и властью и она выбрала власть, и это ее испортило».

Один тревожный пример того как Кэмерон проявляла свое превосходство, передала ее приятельница, в то же время, пожелавшая остаться неизвестной. Она в подробностях рассказывала о беспокойной поездке в пустыню к Лори Фокс в Джошуа-Три, которую они совершили вдвоем. Фокс была симпатичной бывшей подругой Уоллеса Бермана, которая отказалась от актерской карьеры в Голливуде, чтобы вести богемный образ жизни. Ее зверинец в Джошуа-Три стал постоянным местом тусовки, где она устраивала пейот-вечеринки, развлекавая старых голливудских приятелей, таких как распутная кинозвезда Джон Дрю Бэрримор, с которым Кэмерон водила близкую дружбу.

«Кэмерон знала о годовых точках солнцестояния, и мы поехали в пустыню в определенную ночь, когда было полнолуние. Когда мы туда добрались, она приговаривала: „ну давай же, пойдем, прогуляемся по пустыне“. Теперь у меня есть определенные фобии, и я, конечно, больше не собираюсь ходить по пустыне в темноте со скорпионами и прочими, поэтому я не пошла. Так, мы навестили Лори, а затем поехали обратно в Лос-Анджелес, и когда я помогала ей разгружать машину, то увидела, завернутые в одеяла, действительно тяжелые, но прекрасно и искусно сделанные кинжалы. Там их, пожалуй, была целая дюжина, и я спросила ее об этом, и она ответила, что собиралась принести меня в жертву Алистеру Кроули, и именно поэтому она хотела, чтобы я пошла с ней в пустыню. Я не могла поверить в это, еще и потому что я никогда не видела этих кинжалов, когда она загружала свой автомобиль».

Будучи женщиной из твердой породы Кэмерон говорила то, что думала и не ходила вокруг да около, в итоге это проявлялось чуть более чем пустой угрозой, одна из маленьких психологических особенностей Кэмерон, которая вела в никуда. Отвечая на вопрос, опасалась ли она за свою личную безопасность, она признается к своей чести: «Я не знаю, в те дни я была своего рода дикаркой, и этого не произошло, поэтому — нет».

Возможно, напористость была ее качеством Тельца, но Кэмерон, казалось, взяла привычку вступать в борьбу за власть с определенным типом женщин. Сама Лори Фокс была таким случаем. Хотя внешне они казались друзьями, другие не могли не заметить странное соперничество двух *пчелиных маток*.

Дональд Моран: «В них обеих было много шарма. Может быть, я пристрастен, но я это увидел как Кэмерон, соперничающую с Лори. Я помню, как она говорила Лори „не важно, сколько времени я провожу, чтобы привести себя в порядок, ты всегда выглядишь лучше“. Они обе восхищались друг другом вычурно. Лори сделала шаржи на всех людей в книжном магазине Нормана Роуза, которые были действительно великолепными, но не особенно льстивыми. Но Кэмерон была профессиональным художником. Лори была умна, но не считала себя художницей или не думала устраивать выставки».

Ширли Берман, одна из немногих женщин, к которым Кэмерон не выказывала соперничества, вспоминает, как другие женщины в обществе не пренебрегали колким отношением к своей подруге: «Я бы сказала „Кэмерон“, а они говорят, „что ты имеешь ввиду. Марджори?“ Как издевка. Я никогда не понимала этого, и я не знаю, о чем все это было, но, несмотря ни на что, очень многих мужчин влекло к ней. Кэмерон было очень комфортно среди мужчин. Я имею в виду даже просто как с друзьями».

Так же, как Рената Друкс, Джейн Вулф была обеспокоена заносчивостью Кэмерон и наставляла ее не воспринимать себя так серьезно. Проживание роли Бабалон вселило в Кэмерон манию величия, и это, как убедительно призывала Вулф, должно было быть взято под контроль, так чтобы Ее великолепие и красота могли просвечивать насквозь.

Когда беременность Кэмерон вышла за рамки первого триместра, она приготовилась к вероятности того, что на этот раз она будет донашивать полный срок. Шерри считал, что будущий ребенок его, но насыщенная интимная жизнь Кэмерон ставила его отцовство под вопрос. Ее близкие в то время считали, что наиболее вероятным кандидатом на отцовство был Тед Якоби, один парень-половина необычной на вид пары идентичных братьев-близнецов, Кэмерон встречалась с ним в то время, когда жила в доме Самсона Де Бриера.

«Близнецы Якоби славились своей привлекательностью», объясняет Ширли Берман. «Они были светлыми итальянцами, которые выглядели как рисунки Кокто. Мой брат жил с Эдом, который был геем, но Тед, напротив, не был. Он был гангстером.

*Эд и Тед, необычайно выглядевшие близнецы
Якоби. Тед, по слухам, настоящий отец дочери
Кэмерон Кристалл (предоставлено Варбургским
институтом).*

Если бы вы увидели их идущими по улице, то вы бы просто замерли! Они выглядели как скульптуры, как ходячие скульптуры. У них были светлые волосы и большие красивые голубые глаза, не смазливые, но точеные. Таким образом, они славились своей внешностью, и, я имею в виду, их таких было двое!»

Более того, Кеннет Энгер позже предположил, что зачатие было результатом любви втроем, так как Кэмерон проводила время с обоими братьями Якоби. Согласно тому, что рассказывала Айя, возможно, был некоторый умысел со стороны Кэмерон тоже: «Вот как мы это делали в те дни, ты снимаешь красавца и говоришь: „Ок, тебе водить!“»

Какое-то время братья Якоби были спутниками Кэмерон в дороге, присоединившись к ее странствиям по пустыням Калифорнии и Аризоны. Она была как цыганка, на тот раз Кэмерон отправилась летом в Мексику с парнем по имени Мюр, разведенным, который оплатил ее поездку в обмен на то, чтобы она помогала ему присматривать за тремя его детьми.

Тягостно беременная Кэмерон вернулась в Лос-Анджелес, чтобы подготовиться к предстоящим родам, переехав в квартиру на Севере Нормандия-авеню, к востоку от бульвара Голливуд, недалеко от дома Джейн Вулф на Фонтан-авеню. Кэмерон нужен был близкий друг под рукой. Ее отношения с Шерри становились все более бурными. Однажды, во время спора он даже перерезал себе запястье в ее присутствии. Это был случай *L'atour Fou* — безумной любви, они с обеих сторон умело кололи друг друга в уязвимые места. Рассчитав астрологические карты Кэмерон и Шерри, Айя получила профессиональный взгляд на развитие их отношений. В карте Шерри она обнаружила, что большинство его планет были расположены в VIII-м доме.

Айя: «Каково иметь все свои планеты в VIII-м доме, доме перехода в другой мир, оккультном доме. Так что не удивительно, что он был такой. Это говорит о том, что он действительно не должен был быть здесь. И он бы взял огромные пузырьки таблеток, он бы не стал принимать одну или две, то, сколько он принял, вас бы убило. Шерри по-своему был сумасшедшим визионером.» Собственный знак зодиака Кэмерон также сыграл свою решающую роль.

Айя: «Кэмерон не выбирала стабильных людей. Она выбирала тех, кто мог бы рассказать вам Мистерию, но так много разрушающего, приходит вместе с этим. Шерри, например, сжег ее карты Таро. Кэмерон была Тельцом, который является очень консервативным, и все же это не все, кем она была. У нее также был восходящий Скорпион, так что этим объясняется ее любовь к Мистериям и ее загадочность. Я думаю, что она скрывала разные сферы своей жизни, за исключением магических моментов, которыми она хотела поделиться. Вот почему так трудно собрать все детали ее жизни вместе. И еще ее Луна была в Овне, поэтому у нее был изменчивый, эмоциональный характер. У обоих Дома любовных связей были пустыми, так что в этой сфере было жестокое разочарование. Она действительно была очень романтичной, и у нее были эти великие полеты фантазии о различных людях, которые были ей дороги, но это были просто фантазии. Она не слишком стремилась превратить их в нечто реальное. Это не то кем она была. Ее судьба лежала за пределами всех этих вещей».

Магический путь Кэмерон был одним из важнейших элементов этой судьбы, и Кеннет Энгер был тем, кто надеялся его осуществить. Той осенью кинематографист путешествовал с доктором Кинси в Чефалу на Сицилии, чтобы посетить Аббатство Телемы, основанное Алистером Кроули, где он когда-то проводил ритуалы сексуальной магии вместе со своей *Багряной Женой* Лией Хирсиг.

«Кинси интересовался тем, как Кроули использовал сексуальную энергию», рассказывал потом Энгер. Прежде, чем они смогли получить допуск в Аббатство, им сначала пришлось договариваться с двумя братьями, которые владели заброшенным зданием. Это оказалось сложнее, чем ожидалось, так как они оказались втянутыми в нелепую междоусобную войну двух родных братьев, один из которых был чернорубашечник фашист Муссолини, а другой убежденный коммунист. После того, как соглашение было достигнуто, Энгер распорядился удалить побелку со стен, обнажив эротические и демонические фрески Кроули, которые покрасили местные жители, считая их богохульством.

В сентябре этого года, Энгер написал Кэмерон и настойчиво призывал ее приехать в Чефалу, чтобы занять свое

Кеннет Энгер с сексологом д-ром Альфреомд Кинси во время их визита в аббатство Кроули Телемы в Чефалу, Сицилия. 1955. Энгер надеялся восстановить аббатство и возвести на престол Кэмерон в качестве своей новой Багряной Жены (предоставлено Варбургским институтом).

законное место в Аббатстве. Он составил и призвал ее подписать манифест, обязывающий ее посвятить всю свою жизнь Магии и Великой Работе в Телеме. В своем ответе Кэмерон объясняла, что она не могла совершить эту поездку, потому что была беременна, у нее не было средств, и были постоянные боли из-за плачевного состояния ее зубов. Мечтая о возведении Кэмерон на престол в Аббатстве, Энгер написал Карлу Гермеру с целью привлечения финансирования, для сохранения объекта и восстановления его былой славы. Но его надежды были

разбиты, когда Гермер отказался предоставить сумму, которую назначил Энгер, обвиняя их в попытке мошенничества, принимая его за богатого американца. Джейн Вулф также поставила под сомнение эту авантюру, полагая, что Аббатство уже выполнило свою задачу и не стоило восстанавливать его заново.

Коронации Кэмерон придется подождать еще некоторое время, во всяком случае, в канун Рождества 1955 года, в мемориальном госпитале округа Лос-Анджелес родилась маленькая девочка, Кэмерон вынуждены были положить в переполненном коридоре рядом с тремя черными женщинами-роженицами. Девочку окрестили как Кристалл Ив Киммел, в ознаменование дня ее рождения и как дань сестре Шерри Эви. Несмотря на сомнительное отцовство, имя Шерри было указано на ее свидетельстве о рождении. Для Кэмерон, после стольких выкидышей, рождение дочери пришло как сладкое облегчение, но с самого начала она поняла, что все потребности новорожденного ребенка невозможно удовлетворить. Однажды ночью она так перенервничала, что появилась в доме Берманов в Беверли-Глен в ужасном состоянии, прося их, чтобы они взяли Кристалл с ее рук.

Ширли Берман: «Кэмерон пришла, чтобы остаться у нас сразу после рождения Кристалл, и они не спали на протяжении двух недель, Кэмерон или Кристалл. Она спросила, не могли бы мы ей помочь, и мы сказали «конечно» и тогда она привезла Кристалл снова и была с ней в течение одной ночи, а затем она оставила Кристалл с нами и исчезла приблизительно на пять дней. Кристалл никогда не спала, это было так странно».

Сомнительно, что был какой либо дородовой уход со стороны Кэмерон, и привычка употреблять галлюциногенные препараты, возможно, объясняет некоторые проблемы в поведении Кристалл. Даже материнство не убавило мрачную сторону Кэмерон. Берманы также праздновали рождение их собственного ребенка, Тоша, и когда его дядя Дональд сказал Кэмерон, что он волновался, что они собирались заморозить его до смерти той зимой, она подарила ему омерзительный акварельный рисунок его племянника, мертвого на кладбище. «Это было по-настоящему страшно» вспоминает Моран. «Но я чувствовал себя ответственным за мой дурацкий рот. Это было так, как будто она истолковала то, что я говорил визуально, и дала мне

тот пугающий рисунок. То, что было изображено, было ужасно, и я его разорвал».

Осенью 1956-го, Кэмерон организовала свою первую художественную выставку, совместно с художником Эдом Кинхольцом, состоявшуюся при поддержке Уолтера Хопса в Синделл Студии в Брентвуде. То, что должно было стать поводом для празднования закончилось, увы, катастрофой, когда здание загорелось и некоторые работы, включая картины Кэмерон, были уничтожены.

Вскоре после выставки Кэмерон и Шерри поехали во Флориду, и остановились в доме сестры Шерри Тесс и ее мужа в городе Хайалиа. Счастливая семейная встреча превратилась в кошмар, к тому же была испорчена эмоциональным кризисом. Все началось, когда Кэмерон предложила, чтобы Энгер был приобщен к их новой задумке, так как она рассматривала его и Шерри, как жрецов, одного Луны, другого Солнца. Сначала эта идея развлекла Шерри, но когда она упомянула, что ее план воссоединения с Энгером будет осуществляться в Испании, он пришел в ярость и разорвал ее паспорт, не только чтобы она не могла поехать, но и для того, чтобы вынудить ее оформить новый, в котором он хотел поставить свое имя. Несмотря на то, что тот был мертв, Шерри все еще безумно ревновал ее к бывшему мужу Джеку и тому влиянию, которое он оказывал на Кэмерон. Он отчаянно хотел занять место ее магического партнера, и, пытаясь разрушить те чары, он изорвал магический дневник Джека, а заодно и журнал Кэмерон, хранившийся вместе с ним, швыряя каждую страницу в море.

Это был не первый раз, когда вещи Джека были утеряны. Его наследие имело дурную привычку вытекать у нее сквозь пальцы. В период, непосредственно после смерти мужа, к примеру, перед тем как покинуть город Кэмерон оставила несколько сотен его книг, плюс портфель с рукописями в публичной библиотеке в Пасадене, а когда вернулась, чтобы требовать их назад через несколько месяцев, она обнаружила, что библиотекарь продал большинство книг, и портфель тоже исчез. Потом во время плавания в Каталину, озабоченная тем, чтобы у нее не нашли наркотики, она оставила без присмотра на пристани черный ящик Джека, который возила с собой. Она следила за коробкой

из окна своей гостиницы, наблюдая, как рыбаки и представители общественности проходили мимо, казалось, не замечая его.

Идиотское поведение Кэмерон и неправильное обращение с магическими принадлежностями бывшего мужа, становилось серьезной причиной для беспокойства ее коллег телемитов, которые чувствовали, что драгоценные документы Джека в руках его вдовы больше не находятся в безопасности. Принимая меры предосторожности, насколько они могли, они просили, чтобы Кэмерон поделилась оставшимися материалами, или, по крайней мере, сделала копии трудов Джека, прежде чем они были потеряны навсегда. Кэмерон была готова поделиться содержимым черного ящика с Джейн Вулф, которую она любила и доверяла, а также записями Джека и Ли Рона Хаббарда, сделанные при выполнении Работы Бабалон. Эти хрупкие аудиозаписи были годны только для того чтобы их единожды проиграть и записать под диктовку, они не выдержали бы многократного проигрывания, и именно это случилось с ними в тех местах, где звук сейчас уже был практически стерт.

Кэмерон также направила Джейн Вулф картину, изображающую ее визуализацию сферы с установленной в ней триадой, которая для Джека означала, что она, бесспорно, была Бабалон. Джек поклялся, что в один прекрасный день эта картина будет бесценной, но Кэмерон всегда ее ненавидела и теперь она думала, стоит ли ее похоронить вместе с черным ящиком.

Хотя ей хотелось вернуться в Калифорнию, Кэмерон была без гроша в кармане и все еще ждала выплаты страхового возмещения от утраты ее картин, сгоревших в галерее. Отягощенная ответственностью за ребенка и разбитыми отношениями с Шерри, она сделала невозможное и вернулась домой, чтобы пожить некоторое время со своими родителями. Она оставалась до тех пор, пока могла выдержать, и снова отправилась в путь после очередной ссоры с матерью, которая считала свою дочь паршивой овцой в семье, не имея возможности влиять на нее. В отличие от нее Кэрри, баловавшая младшую сестру Кэмерон Мэри Лу и ухаживавшая за ее проблемным сыном, как если бы он был ее собственным, все время убеждала, что даже она была не в состоянии справиться с Кристалл.

«Когда Кэмерон упоминала о своей семье, это всегда было в негативе» — подтверждает Ширли Берман. «Это было чрезвычайно неадекватно. Она не хотела разговаривать о них. Даже если она и упоминала их, то затем говорила: „Я не хочу говорить о тех мудаках, вот так это было“.» Кэмерон никогда бы не вдавалась в подробности, но Ширли Берман могла сказать, что это было основано на некоторых давних болезненных темах. «Она рассказывала о том, как росла в штате Айова, и для меня это звучало так, как если бы у нее никогда не было счастливого детства».

На какое-то время Кэмерон исчезла из виду, но Сэл Ганси в конечном итоге отследил ее в провинции, в маленьком, захудалом домике на склоне холма в Эль Серено. «Я навестил ее там, и Кэмерон приготовила обед для меня, и голая Кристалл была в центре стола. В то время как она сидела, поджав колени, она помочилась. Не было никакой суеты или комментариев». Когда Ганси вернулся через неделю, Кэмерон и Кристалл уже уехали, забрав все вещи, за исключением искусно вырезанного изголовья постели Джека эпохи итальянского Ренессанса, и дом снова опустел.

Кэмерон переехала на новое место в Хайленд-Парке штате Пасадена, где преобладало мексиканское население. Напуганные ведьмой в своем районе нервные, суеверные соседи начали бросать отрезанные головы кошек ей под дверь.

«Я гостила у нее в течение недели, и это было так грустно» — вспоминает Ширли Берман. «Она сказала, что такие вещи происходят с ними с тех пор, как они туда переехали. Это было ужасно. Я также помню, что там была комната, что-то вроде секретной, на самом деле была панель, которую нужно было нажать, чтобы войти в заднее помещение, и там были странные куклы и много магических предметов, и я, быстро взглянув, подумала: „Вот в этой комнате я не хочу находиться совсем.“ Там была такая энергетика».

Примерно в то время они навестили Уоллеса Бермана, который уже опубликовал второй выпуск журнала Семина, содержащий фрагмент из незавершенной поэтической работы Кэмерон под названием «Анатомия безумия». Его тематика была посвящена Джеку, которому она приписывала свое магическое рождение.

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

*«Нужно носить в себе ещё хаос, чтобы быть
в состоянии родить танцующую звезду»
Фридрих Ницше.*

Еще до злополучной выставки в Syndell Studio Кэмерон сотрудничала с Кертисом Харрингтоном на съемках короткометражного поэтического фильма, посвященного ее творчеству. «Я очень сильно восхищался ею, и «Звезда Полынь» — моя личная дань уважения ее работе и ее личности» — объясняет режиссер. «Она была чрезвычайно характерным художником и жила в собственных грезах, об этом можно сделать вывод из ее поэзии и дневников». Название фильма, конечно, возвращает к сексуальным магическим ритуалам, проводимым Кэмерон во времена Бомонта: «Прежде, чем я сделал этот фильм, я слышал от Ренаты, что Кэмерон провела какое-то время в пустыне, пытаясь с помощью магических практик зачать ребенка от духа Джека Парсонса, но безуспешно. Кэмерон никогда не говорила о Джеке прямо, но я отчетливо помню ощущения, когда я разговаривал с ней о ее выходах в Запредельное, которые я не могу объяснить. Это было что-то, своего рода нуминозное, и это присутствует в ее поэзии».

Фильм был снят в голливудской резиденции миллионера-мечената Эдварда Джеймса, который великодушно позволил напористому молодому режиссеру остаться в своем доме, пока сам был в отъезде. Там была благоприятная атмосфера для такой работы. «Эдвард был замечательным человеком и очень

эксцентричным» — с нежностью вспоминает Харрингтон. «Он никогда не жил в этом доме и посещал его в редких случаях. Дом был наполнен произведениями из его частной коллекции сюрреалистического искусства, так, у него были наиболее известные картины Сальвадора Дали, Челищева, и много работ Евгения Бермана. Это было большое счастье для меня пожить в такой среде».

Красочный, невероятный облик, бывшей жены Джеймса был ничем иным как, героиней из детства Кэмерон, Тилли Лош. Он был хорошо известен на мексиканской арт-сцене и дружил с художницей-сюрреалисткой Леонорой Каррингтон. Харрингтон видел большое сходство между работой Кэмерон и Каррингтон, и у него было предположение, что две замечательные женщины, возможно, на самом деле встречались во время пребывания Кэмерон в Сан-Мигель-де-Альенде.¹

Оценивая прошлые события, было досадно, что Эдвард Джеймс не смог предоставить Кэмерон столь необходимую ей поддержку. В идеальном мире он бы доказал, что может быть идеальным покровителем. Увы, как утверждал Харрингтон, коллекционер никогда даже не видел ее работ: «Там не было спроса на искусство Кэмерон, как не было спроса и на тот фильм».

Ширли Берман: «Было странное чувство, когда вы входите в дом Кэмерон, она превратилась в свои произведения искусства. Это было просто тотально откровенно, и это было красиво».

Эта неделимая грань между искусством Кэмерон и ее духовной жизнью была с почтением обозначена Харрингтоном в начальных титрах, которые гласили: «Относительно Знания и Собеседования со Святым Ангелом-Хранителем, Как это было явлено Кэмерон».

Хотя режиссер признает, что некоторые из наиболее сложных эзотерических концепций Кэмерон были недоступны его пониманию, в их толковании он мог рассчитывать на их общего друга Пола Мэтисона.

---

¹ С ее знаниями в области НЛО, в рисунках африканских племен могут быть ранние упоминания о племени догонов, которые поклоняются Номмо, трехглазым пришельцам с клешнями со звезды Сириус.

Кертис Харрингтон: «Пол понимал все это, а я нет. Мы перешли от 666 к 777, все это было оккультизмом. Я не знал, что это значит, Пол так предложил, и Кэмерон не захотела ничего менять. Ей это все очень нравилось».

Многогранно талантливый Мэтисон не только оформил съемочную площадку и подготовил начальные титры, но и разработал необычный костюм и головной убор, в которых Кэмерон предстала в конце фильма.

Кертис Харрингтон: «Пол не был художником, он был просто дизайнером. У него был особый талант украшать женщин. Он мог взять рулон ткани, обмотать его вокруг тела, вот это и носила Кэмерон. Таким было наше очень тесное сотрудничество, и я был очень признателен за это».

К радости Харрингтона, Мэтисон также предложил идею нанести стигмат на босую ногу Кэмерон, которая видна в первых кадрах фильма. Волоча длинный, струящийся, багряный плащ, Кэмерон величаво вступает в комнату и принимает театральную позу, воспроизводя обнаженную греческую статую перед ней. Она сидит за столом, украшенном натюрмортом и предметами искусства. Свеча, красная роза, лежащая поперек раскрытой книги, графины, наполненные зельями, яблоко, ключ, зеркало, и раскрытая оккультная книга у ее ноги. Огромная Печать Соломона, нарисованная Мэтисоном, висит за ней на стене.

До сих пор лицо Кэмерон было скрыто, и когда, наконец, показали ее красновато-коричневые коротко стриженные волосы, а брови были выделены так сильно, что весь вулканический облик имел странное сходство с австралийской художницей Розалин Нортон. Несмотря на то, что их разделяли пять лет разницы в возрасте и целый континент, сходство между двумя художницами было не только физическое. Как и Кэмерон, в своем творчестве Нортон также исследовала фантазмагорические темы, и ее эротически заряженные полотна были расписаны демонами, суккубами и змееподобными женщинами. Обе женщины ради вдохновения призывали Богов дикой разнузданной сексуальности, Бабалон и Пана соответственно, и так же, как Кэмерон изображала рисунки на песке на обочине дороги в Бель Плейн, будучи юной девушкой, Нортон в детстве, зарабатывала гроши рисунками на асфальте. Хотя, в отличие от Кэмерон, Нортон

стала излюбленной, эксцентричной знаменитостью, которую таблоиды окрестили «Ведьмой из Кингз-Кросс».

В той же манере, Харрингтон проводит сравнение более утонченных работ Кэмерон с другой королевой Богемы, аргентинской художницей Леонорой Фини, которую он знал, живя в Париже в начале 50-х годов. «Я думаю, что ее карандашные рисунки похожи на работы Кэмерон, они очень женственные».

Сидя за столом, Кэмерон начинает пристальное созерцание образов в зеркале, медитативную технику, которая позволяет человеку общаться с духами и уловить видения из потустороннего мира. Камера Харрингтона следует за взором Кэмерон, как он исчезает в Зазеркалье, и снова открывается по другую сторону, где обитают образы с ее полотен. Галерея образов преступников, пугающих лиц, которая включает в себя облик некоего насекомообразного существа, головы хищного демона, и, пожалуй, лучшая картина из всех — ребенок с потрескавшимися глазами и торчащими курчавыми волосами, похожий на куклу Кэмерон, похороненную, а затем выкопанную. Этот рисунок она подарила Харрингтону после съемки. Другие картины состояли из закутанной в шелковые одежды и хиджаб царицы, тела демона, сплетенного из веревок и писающего в темную, чернильную пучину, и почерневшего возрождающегося Феникса. Вдумчиво редактируя, Харрингтон ловко разрезает и составляет кадры так, что образы начинают дополнять космическую поэзию Кэмерон, озвученную ее собственным чувственным тихим голосом.

«Семь раз я стучала в массивные двери подземелья. Открой, открой, я стою снаружи, в продуваемом насквозь промозглом коридоре, который ведет к твоему логову. Семь раз звучат мои призывы на этой каменной двери, в мертвых неумолимых пещерах и проклинают полночь. Выходи же, я принесла Свет этой страшной темноте; узрей же это лицо, известное из снов. Очи мои внушают страх и необыкновенны, но Ты знаешь Меня. Вот мои одеяния из богатой ткани и я принесла с собой воздух из края изобилия за морем. Выйди, Ты, живущий в тени света, что я несу, и твои одеяния, чадящие мертвыми в этом мрачном склепе. Мы будем подниматься по лестнице, переполненной омерзительными вещами. Передо мной каменная дорога, и в пылающем подземелье ночи ночей мы идем вперед, как свет».

Звон кимвалов, и экран темнеет перед взрывом, трубач возвещает следующий ряд полотен, караван средневековых армий, религиозных деятелей и геральдических знамен. Появляются люди из африканских племен, возможно, это визуализация приближающейся расовой войны, которую Кэмерон предвидела. Монахини, укутанные в покрывала, с вытаращенными глазами едут на конях по небу. Воины викинги размахивают мечами среди детенышей динозавров, журавли и Химеры, которые, кажется, охватывают пространство и время, как вневременной и древний, от каменного века до космической эры. Три мудреца указывают на Вифлеемскую звезду, символизирующую рождение магического ребенка, и в этот момент поэзия Кэмерон вновь собирается в идеальной синхронизации.

«Темная Звезда, я ищу тебя во всех бесконечных уголках Вселенной. Я вошла в лабиринты хаоса и искала надежду, бесконечную и невыполнимую, но я видела шлемы сияющие золотом на ваших головах от всех кровавых побед и закатов мира. Я слышала ваш голос, поющий одинокие песни, влекущие в мир-утробу. Я помню, мастерство пальцев, которые держали розу в изумлении. Ваша музыкальная флейта играющая гимн любви, ищущая от рождения во взрыве звездной туманности. Пойте, конечности, налитые мышцами и звездной пеной, преследуемые и преследующие сияющего воина, как долго? Из любви к Богу, как долго? Как долго? Как долго?»

Когда ее слова заканчиваются, на изображение переходят монгольские фигуры с сумками для ношения ребенка, собравшиеся вокруг сцены смерти Кубла Хана, и это ссыла на любимую поэму Кольриджа. В потрясающем финале, Кэмерон стоит в позе распятия, на ней головной убор с пластинами из сусального золота, выглядит так, как будто она сошла прямо со страниц журнала Vogue. Ее сила и красота кристаллизуются, фильм заканчивается крупным планом ее характерного околдовывающего взгляда.

Несомненно, «Звезда Польша» Харрингтона, является изысканной частью его работ, но его художественная ценность станет еще более значительной много лет спустя, когда многие из картин, представленных в фильме, будут сожжены Кэмерон, что директор фильма называет «ритуальной оргией уничтожения».

Кертис Харрингтон: «Я не знаю, почему или было у нее что-нибудь на уме или ничего, но это было большой потерей, так, единственное доказательство существования этих работ находится в моем фильме». Оглядываясь назад, на их сотрудничество пятьдесят лет спустя, режиссер размышляет: «Я думаю, что Кэмерон уважала меня за то, кто я есть. Я просто очень счастлив, что я сделал фильм, потому что я думаю, что это важный момент, запечатленный в качестве доказательства ее работы и ее жизни. Это было сделано из любви».

***

В июне 1957 года Уоллес Берман организовал свою первую выставку в недавно открывшейся галерее Ферус на Ла Сиенга бульваре. Основанная его другом Вальтером Хоппсом и художником Эдом Кейнхольцем, выставка представляла скульптуры и инсталляции Бермана. Вследствие жалобы, что работы непристойного содержания были выставлены напоказ, два полицейских в штатском явились для проверки выставленных работ, не обратив никакого внимания на порнографическое фото, свисающее с руки скульптуры распятия Бермана. По словам Чарльза Бриттина, полицейские ушли бы без происшествий, если бы Эд Кейнхольц не достал репродукцию рисунка Кэмерон «Peuote Vision» из груды страниц Семины на полу и не помахал им полицейским с насмешкой: «А не это ли вы ищете?»

Предполагаемые мотивы, по которым Кейнхольц сделал такую провокационную вещь, различаются. Некоторые видели в этом неудачную попытку привлечь внимание общественности к выставке, в то время как другие, например, Ширли Берман, утверждают, что это было коварной уловкой для того, чтобы выкинуть экспозицию ее мужа из галереи. Независимо от причины, Берман был немедленно арестован на основании нарушения цензуры, и шоу было закрыто. Не в состоянии оплатить штраф в сто долларов, художник провел в участке всю ночь, и был освобожден, только на следующее утро, когда его приятель-кинозвезда Дин Стокуэлл внес за него залог. Весь этот горький опыт отбил желание у Бермана когда-либо проводить выставку в коммерческой галерее, в то время как более поздняя претензия Кэмерон, что Уоллес убеждал ее бороться

с этими обвинениями в суде оспаривается Ширли Берман, ибо, как указывает Чарльз Бриттин, никто даже не думал, чтобы связаться с ACLU [Американский союз борьбы за гражданские свободы — прим. переводчика] в то время, чтобы защитить дело по свободе выражения мнений.

Тем не менее, Кэмерон была хорошо осведомлена, что ее творения имели свойство причинять беспокойства, и страсть ее опаляла, и магический журнал под названием Абраксас проявлял меры предосторожности, похожие на те, которым был удостоен черный ящик Джека, предупреждая, что только человек с сильной волей и чистым сердцем может распорядиться его содержимым, остальные рискуют быть уничтожены. В сентябре этого года, одна из групп поэтов, включавшая Дэвида Мельцера, провела поэтический вечер, состоявшийся в типографии Боба Александра Каменные Братья, где Кэмерон читала выдержки из своих дневников. Той ночью в заседании принял участие поручитель Бермана Дин Стокуэлл, который был представлен Кэмерон еще во время ее работы над первым выпуском журнала Семина.

Дин Стокуэлл: «Видеть изображение Кэмерон в Семина 1 было так же, как встретиться с ней. Она была дико талантливой и единственной в своем роде. Очень, очень впечатляющая личность, очень завораживающая. В то время я был очень заинтересован той частью людей, которая была связана с любовью, поэтому у нас была хорошая дружба на этой основе. В моей жизни было много алхимии и магии, но я относился с неодобрением к Мистеру Кроули, он нахмурился. Я думаю, что он был полон дерьма, и, к сожалению, она не избежала бедствий, которые неизбежно сопутствовали Кроули. Однажды она рассказала мне, и я с этим согласен, что один психолог как-то сказал ей, что это хорошо, что она была художником, потому что если бы она не была им, то была бы опасным человеком».

Стокуэлл, в свою очередь представил Кэмерон своим коллегам актерам и лучшему другу Деннису Хопперу. Ему также внушали благоговение две неординарные личности: «Кэмерон и Уоллес Берман, были очень заразительными. Это было не обязательно от того что они говорили, это было просто от их присутствия. Они были просто теми, кто, как вы понимали,

были другими, и в них было столько притягательности, что к ним хотелось быть как можно ближе. Вы знали, что они были особенными, вокруг них была необъяснимая аура».

Неизменно, когда кто-то имеет пугающую репутацию, часто возникает тенденция давать другим повод домысливать и приукрашивать, и как это часто бывает, на протяжении многих лет, темные слухи, окружающие прошлое Кэмерон стали еще более преувеличенными и экстремальными.

Деннис Хоппер: «Рассказы, которые я слышал прежде, чем я даже встретил Кэмерон, были про то, что она ведьма, что ее муж взорвал себя, при попытке сделать очередного Франкенштейна в гараже, пытаясь оживить труп или что-то в этом роде. Что они были последователями Алистера Кроули, что они пили кровь и приносили в жертву кошек. Я слышал, что они служили черную мессу или что-то в этом роде и какой-то парень упал с лестницы и сломал себе шею, при этом у него была эрекция и четыре женщины трахали его, пока не прибыла бригада спасателей, ха-ха. И были ли эти истории реальными или нет, они были такого рода, что когда вы слышите их, вы думаете „кто эта женщина“? Эти истории слышатся одновременно от разных людей, вы думаете „Вау“ ха-ха-ха. Таким образом, у вас есть своего рода повод посплетничать».

Также разделяя выступление с Кэмерон и Мельцером, той ночью присутствовал шотландский писатель Александр Трокки. Наряду с такими писателями, как Уильям Берроуз и поэт Филипп Ламантиа, Трокки был в авангарде «героинового шика», препарата, использование которого было очень распространено среди радикальных новых литераторов. Как и целое поколение Джазовых Богов, наркота стала рассматриваться в качестве нового творческого канала к гениальности, и Трокки изобразил себя как «космонавта подсознательных глубин», фразу, которая легко может быть применена и к самой Кэмерон.

«Трокки был трансгрессивным героем, особенно когда впоследствии вышла в свет Книга Каина, которая всецело посвящена романтике героина», объясняет Дэвид Мельцер. «Берман сделал обложку для «Narcotica» Филиппа Ламантиа, которая изображает его в момент введения дозы. Будь то опиум или абсент, всегда есть какое-то вещество или препарат, который становится триггером для большой работы, хотя Уильям Блейк обошелся и без этого».

Человеком, наследующим мантию Блейка, стал нью-йоркский поэт Аллен Гинзберг. Два года назад в Галерее Шесть (Six Gallery) в Сан-Франциско, Гинзберг произнес свою эпическую элегию Стон (Howl), как обращение к нации, публикация которой бросила вызов и ознаменовала приход новых битников. Литературный термин «Удар» («Beat») был придуман его другом и товарищем — выпускником Колумбийского университета Джеком Керуаком, который услышал его на 42-й улице от Херберта Ханка, сомнительной личности часто использовавшего этот термин, чтобы описать, каким он был уставшим, разочарованным и потерянным. [Beat Generation — группа американских писателей, приобрели известность в 1950-х годах. Центральные элементы «Beat» культуры: отказ от стандартов, инновации в стиле, использование незаконных наркотиков, альтернативной сексуальности, интерес к религии, отказ от материализма — прим. переводчика]. Хэнк познакомил мальчиков с окраин с темными удовольствиями общества Таймсквер, которые Гинзберг незабываемо описал как «гигантскую гостиную в мегалополисе, где каждый мог бы встретиться, чтобы обсудить грядущий апокалипсис».²

Керуак превратил это слово в видение «райского блаженства» Америки, которое проливалось через край на страницах его литературного памятника «On the Road» («В дороге»). Ключом романа, который описывал духовный поиск автора, путешествующего по всей Америке, обнаруживая божественное в ландшафте, в джазовой музыке и освобожденный дух книг восхваляющих героя Дина Мориарти. Написанная под Benezdrine [стимулирующее вещество — прим. переводчика] подпитанное Be-Вор beat, проникновенный поток сознания Керуака, изображает молодую, романтическую изнанку американского общества. Собирая мятежников со страстью к жизни, мистическим озарением любви и смысла за пределами атомных бомб, материализма и деструктивного подчинения доминирующей установке.

---

² Цитата Гинзберга из документального фильма «Что случилось с Джеком Керуаком». 1985.

Книга принесла Керуаку временную славу, но его вновь обретенная известность как «рупор поколения» стала тяжелым бременем и негативно отозвалась впоследствии. В последующие десять лет он писал, напивался из-за затруднительных условий существования, и тогда его факел был принят следующим поколением, по словам Уильяма Берроуза, «начав беспрецедентную всемирную культурную революцию».³

Будучи старше остроумный Берроуз выступил в качестве наставника Керуака и Гинзберга в своем эпохальном, готовом к публикации романе «The Naked Lunch» («Обед нагишом»), где он дал волю своему желчному, наркоманскому мировоззрению с негативизмом, который разорвал пелену общества 50-х годов, чтобы разоблачить продажный, коррумпированный кошмар, скрывающийся за американской мечтой.

От этих трех вдохновенных мужчин и родилась вся субкультура Beat vision, воспламеняющая умы, и ее пламя ярко горело в Ист и Вест Виллидж в Нью-Йорке, Венеции в Лос-Анджелесе [Венеция — район на западе Лос-Анджелеса, получивший свое название по имени жилого квартала с системой каналов, построенных в начале 20-го века — прим. переводчика] и Норт Бич в Сан-Франциско.

Уоллес Берман почувствовал сильное родство с Beats и стал их надежным союзником, публикуя фрагменты из их работ в последующих выпусках Семина. Однако неясно, что, во всяком случае, Beats означали для Кэмерон. В последующие годы она часто ошибочно была отмечена как Beat artist, только потому, что она плавала с ними в одних и тех же водах. Родившись в том же году что и Керуак, она, конечно, была их ровесником, но художественно Кэмерон действительно была pre-Beat богемой, чье сердце лежало в романтизме. Кроме того, как утверждает Айя, мальчишеская природа «boys own» изложения Beats не всегда обращена к женскому электорату: «Керуак не был моим наставником. У нас, женщин, нет идолов».

---

³ Цитата Берроуза из документального фильма «Что случилось с Джеком Керуаком». 1985.

Тем не менее, можно простить тех, кто думает, что «Стон» («Howl»), медитация на безумие Гинзберга, возможно, сильно взволновала Кэмерон. Копия Олимпии Пресс «The Naked Lunch» («Обед нагишом») Берроуза была доступна для чтения в доме Берманов, но, по словам Дэвида Мельцера наиболее вероятным кандидатом на ее внимание, если таковой имел место быть, была поэзия Грегори Корсо, жесткого, молодого панка уличной группы, из-за его сильного влияния на Шелли.

Одной из широко почитаемых книг, которая действительно оказала значительное воздействие на Кэмерон и читателей Семины была «Outsider», написанная не по годам талантливым английским писателем Колином Уилсоном.⁴

Использование жизни великих художников и мыслителей (в том числе Ван Гога, Блейка, Ницше, Кафки, Хемингуэя, Гессе, Камю, Сартра и Т. С. Элиота) в качестве примеров, Уилсон представил свой основополагающий принцип, о том, что состояние аутсайдера в обществе было естественным для любого гениального, чувствительного художника. Кроме того, он придерживался взгляда, что художники были особенно подвержены маниакально-депрессивным расстройствам, которые вдохновляли их эйфорические творческие взлеты и опустошительные личные падения. Это были чувства, которые, безусловно, имели отношение и к Кэмерон, и многие из ее друзей получали большую помощь и утешение из этой книги.

Айя: «Что-то отдаленно мистическое, было впитано из таких произведений как „The Outsider“, „Magister Ludi“ („Игра в бисер“) Германа Гессе, или произведений Дэвида Лоуренса».

***

В конце 1957 года, Кэмерон, Норман Роуз и Дэвид Мельцер переехали из Лос Анджелеса в Сан-Франциско, который быстро становился новой Меккой для движения Beat. Роуз предоставил

---

⁴ Первоначально расценена как важная рукопись, молодой ученый из рабочего класса был быстро вовлечен в новое литературное движение протестующих молодых людей, которое проходило параллельно в Великобритании в такт революции, развернувшейся в Америке.

Мельцеру работу на своем книжном складе, а свой магазин на Ларкина-стрит он передал двум своим друзьям.

Дэвид Мельцер: «Первое время Кэмерон и Кристалл жили со мной, а затем она переехала к себе в недорогую арендованную квартиру на Скотт Стрит в районе Норт-Бич. Там у нас была короткая интрижка при забавных и необычных обстоятельствах. Это была спонтанная, естественная сексуальная магия. Она въехала в эту викторианскую квартиру с высоким потолком и на распродаже военного имущества купила галлоны краски цвета хаки для покраски стен — она любила этот цвет. Дело было зимой, поэтому окна были закрыты, и, проведя два часа в удушающих эфирных испарениях от краски, заполнивших комнату, мы достигли одного из этих эфирных планов. Когда ты молод и под кайфом, нет ничего невозможного. Я никогда этого не забуду. Я уверен, что мне следовало бы поговорить об этом с кем-нибудь из учеников ОТО, о том, что это был, безусловно, сексуальный магический опыт. Это не было похоже ни на что, о чем я знал раньше. Не то, чтобы я был опытен в этих делах — вот Кэмерон — она была хорошо подкована — то, что она делала, казалось сверхъестественным, и это меня поражало. Она была неподдельной, когда это происходило, и я уважал это».

Когда она не оказывала околдовывающего влияния на мужчин, повседневная жизнь Кэмерон состояла в том, что она была одинокой мамой, пытающейся свести концы с концами, или, как пишет Мельцер: «мирская суета в перерывах между сатанинскими ритуалами!»

Дэвид Мельцер: «По сути, я был доверенным лицом Кэмерон. Мы сидели на кухне и попивали кофе или покуривали травку, которая тогда была действительно отпадной, и нужно было выкурить очень много, чтобы получить необходимый эффект. Мы разговаривали о литературных произведениях. Кэмерон любила серию книг Боллингена по Кольриджу и она акцентировала внимание на тех произведениях, которые ей нравились [Bollingen Фонд — отдельное юридическое лицо, с 1943 года публиковавшее книги, выдававшее стипендии, дотации и институциональные взносы в различных гуманистических и научных областях. Основные гранты были сделаны, в частности, в области поэзии, археологии и психологии — прим. переводчика].

Она отождествляла себя с кем-нибудь из романтической или анти-модернистской традиции. Сначала Кольридж, потом Китс и Шелли.

Кроули был больше увлечен Суинберном, и я думаю, Кэмерон, возможно, нашла его слишком тепличным. [Суинберн, А. Ч. — английский поэт 19 века, прославившийся смелыми экспериментами в стихосложении, реализовывал в поэтической практике право обращаться к таким запретным областям, как психология полового влечения — прим. переводчика]. Блейк, должно быть, заинтересовал ее тем, как он беседовал с ангелами и раскрашивал метафизическое царство в отместку механизированному миру. «Герой с тысячью лиц» Джозефа Кэмпбелла, действительно говорил с ней, но как это ни странно, «Белая Богиня», книга Роберта Грейвса, изданная в то же самое время, осталась без ее внимания. [Джозеф Кэмпбелл — американский исследователь мифологии, наиболее известный благодаря своим трудам по сравнительной мифологии и религиоведению — прим. переводчика]. Кэмпбелл уже синтезировал много разных традиций, мифов и преданий, но в каком-то смысле он дал им различные виды полномочий. Это не было застреванием в мужской структуре власти, во что она была вовлечена. Это было своего рода комплексное повествование, которое могло бы применяться как к мужскому, так и к женскому опыту».

Что до Кристалл, то Кэмерон сдержала данное ранее обещание воспитывать в своих детях право обращаться со своей свободой так, как им нравится. Мельцер сам почувствовал, что значит невмешательство Кэмерон, когда они пошли на обед в местный китайский ресторан, где Кристалл бесилась и Кэмерон отказалась вмешиваться, когда она упала на столик посетителей и опрокинула приборы: «Ее отношение было такое — вот так она сама учится».

В послевоенный период, свежие идеи по воспитанию детей пропагандировали, в том числе понятие, что ребенок должен расти раскованно, вне любых ограничений или дисциплины. Этот подход родился в ответ на строгую, репрессивную, викторианскую модель воспитания, в которой выросло поколение Кэмерон. Для тех, кто чувствовал себя некомпетентным, чтобы иметь дело с ребенком, иногда, такой подход мог бы обеспечить

Дэвид Мельцер в 1958 году, примерно в то время он и Кэмерон жили в Сан-Франциско вместе (Фото любезно предоставлено Дэвидом Мельцером).

удобное оправдание, чтобы дать Кристалл волю. За исключением Джоан Уитни, отношение Кэмерон было в соответствии с непреложным законом Кроули: «Я думаю, что Кэмерон придерживалась убеждения „никогда не говорить нет“. И с Кроули, одна из вещей, которые я узнала в жизни и по ныне является то, что, это очень трудно сказать „Я“, потому что если вы говорите „Я“, вы как бы себя режете. Так что я думаю, что Кристалл просто никто и никогда не говорил: „Нет“».

Айя увидела в этом пример матери и дочери: «Кэмерон отказалась быть прирученной, и поэтому она воспитывала Кристалл таким же образом — нецивилизованным».

В то время, которое Кэмерон провела вместе с Мельцером, она иногда вспоминала свое прошлое, исключая один ключевой инцидент: «Я вспоминаю прогулки вдвоем через туннель North Beach и она призналась, что это было впервые за многие годы, после смерти Джека, что она была в состоянии ходить с поднятой головой и снова смотреть людям в глаза».

Одним из таких людей, которому Кэмерон снова смогла смотреть в глаза, был Эдвард Сильверстоун Тейлор, пианист, родившийся в Пасадене, который часто посещал тусовки, где бывали они с Джеком во времена Coach House. С тех пор, Тейлор стал известным стилистом на сцене North Beach Beat, организуя такие мероприятия, как Коллективный Экспрессионизм проводимые в Six Gallery, где Аллен Гинзберг и Джек Керуак читали стихи, а участники уничтожили фортепиано, и многие картины на дисплеях.⁵ Он также пробовал себя в кино и уже разработал Lucitron, оптический проектор, с помощью которого можно создавать бесконечное разнообразие узоров и цветов в соответствии с квалификацией оператора. После того как два из них обрели популярность, Тейлор решил тренировать свой визуальный вкус на Кэмерон, и он сделал ее центром своего короткометражного пятиминутного фильма «Уличная ярмарка Сан-Франциско». На этой беззвучной цветной съемке запечатлена Кэмерон, демонстрирующая свои картины и рисунки

---

⁵ Искусство в Сан-Франциско, 1945-80 Томас Олбрайт. Университет Калифорния Пресс.

вместе с продавцами на уличной ярмарке на Грант-авеню. Наиболее эффектной из всех новых работ был холст альтернативно известный как «The Beast»/«The Vampire Woman» («Зверь»/«Женщина-вампир»), изображающая шакала как существо с висящими сосками и гривой рыжих волос. Также важную роль в отснятом материале сыграл друг и коллега Тейлора режиссер Дион Вайн и его жена Лореон, которая была популярным художником по керамике и помогала проводить уличную ярмарку. Как и Эд Тейлор, Лореон также посещала вечеринки в Coach House, но с тех пор как умер Джек, она видела Кэмерон только один раз.

Лореон Вайн: «Это было через несколько лет после того как Джек взорвал себя. Кэмерон навестила меня на моем предприятии в Западной Ковине — где я делала керамику. У нас была вечеринка с веселящим газом, и после того как она немного вдохнула, она сбежала с каким-то молодым парнем в апельсиновую рошу. Мне всегда было интересно, неужели именно таким способом Кристалл и появилась на свет».

Вайн не могла не заметить изменения в Кэмерон, произошедшие с ней с тех пор, как она в последний раз видела ее: «Она, очевидно, сильно любила Джека и была действительно подавлена после его смерти. У нее была эта темная аура, и я видела определенную долю таинственности вокруг нее. Мы тусовались вместе, сидели кружком, покуривая травку и слушая музыку. Я была впечатлена ею. Мне очень нравились ее работы. Они были немного сатанинскими, но у нее был хороший стиль. Она была удивительным человеком. Она была в этом очень таинственным, очень интригующим человеческим существом, которое всегда выглядело немного диким. Она была дикаркой».

ERONBU

*Мы, евреи, убили Христа,
и если он вернется, мы снова его убьем.
Ленни Брюс.*

К Новому 1959 году, Кэмерон вернулась в Лос-Анджелес, после двенадцати месяцев пребывания в Сан-Франциско. В связи с недолеченной язвенной болезнью желудка, аллергией на определенные продукты питания и гнилыми зубами, из-за чего ей было трудно есть, она становилась все более изможденной и находилась на диете состоящей только из молока, меда и творога. Выглядела худощавой и мертвенно бледной, ее призрачный вид стал запоминающимся элементом в перспективной Голливудской теме для сплетен.

В 1957 году Херб Коэн вместе с актером и исполнителем народных песен Теодором Байкелом, открыли Unicorn Cafe (кафе «Единорог») на Сансет Стрип, первое реальное место Beat тусовки в городе, где люди могли читать, играть в шахматы, курить травку или слушать новый материал таких посетивших это место поэтов, как Аллен Гинзберг.¹

Это было, по словам Виктора Меймудса, который построил притон, «место, где бунт был местом для роста».²

---

¹ Позже Херб Коэн стал продюсировать Френка Заппа и Капитана Бифхарта. Среди множества заслуг на экране, Теодор Байкел со-финансировал джазовый фестиваль в Ньюпорте вместе Питом Сигером и Джорджем Уэйном в 1961 г.

² Преамбула Виктора Меймудса 2001 г.

«В послевоенный период люди не знали, что делать» — вспоминает Коэн. «Здоровенные ребята, мобилизованные из армии, пытались адаптироваться. Никто не воспринимал „Beat“ (Удар) как движение. Но очень скоро оно стало мифологизированным и изысканным. В течение года или двух произошел стремительный рост шестидесяти кофеев в Лос-Анджелесе».

Все большее число последователей разбавляло первоначальный стиль направления, так называемого Beat Generation (поколения Битников), которое было стремительно кодифицировано и стереотипировано ведущими СМИ, которые низводили его к кучке козлобородых разгильдяев, носящих береты, бьющих в барабаны «Битников», даже с такой мишенью искусительницы Кэмерон, как Боб Хоуп, который высмеивал ажиотаж на телевидении.

Херб Коэн: «К тому времени это были путешественники и битники по выходным. Beat изменился уже к 1959-му. Это было уже затертым. Магазины продавали черные трико и береты. Керуак для меня был как позже Боб Дилан, они оба писали о людях, которые делали это. Они сформулировали это движение. Они были его предвестниками. Времена, они изменчивы, но не они изменили эпоху. Кэмерон и люди вокруг нее были теми, кто сделали это».

Это вполне было данью уважения от Коэна одному из своих бывших покровителей, тому, кто все еще оказывал на него большое влияние и по сей день.

«Кэмерон была настолько экстраординарной, что люди относились к ней настороженно. К ней невозможно было приблизиться. Она не присаживалась и не вела разговоры, она не была словоохотливой личностью. Она слонялась без дела в собственном пространстве и месте. Ей было комфортнее в своем собственном мире. Она была на несколько лет впереди, более хиппи, чем битником. Кэмерон была у истоков всего этого. Она была настоящей».

В «Единороге» («the Unicorn») Кэмерон тесно сотрудничала с Джоном Флесом, владельцем книжного магазина наверху, и она стала постоянным участником поэтических чтений, которые он регулярно проводил. Единорог стал настолько популярным, что двое собственников открыли еще одно заведение «Аллея

Космо» («Cosmo Alley»), место тусовки с более музыкальным акцентом, что было продемонстрировано такими талантами, как народной королевой блюза Одеттой, неизвестной тогда еще лирической певицей по имени Майя Анжелу, и горячим, новым мятежным комиком с района, Ленни Брюсом.³

Все развлечения подавались для смешанных в расовом отношении клиентов, которые часто включают представителей нового поколения голливудских актеров под влиянием таких мэтров «Метода», как Марлон Брандо и Монтгомери Клифт. Их самым известным почитателем был некий Джеймс Байрон Дин, который по существу резюмировал свою собственную популярность, говоря: «с одной стороны я Монтгомери Клифт, говорящий: „Пожалуйста, простите меня“, а с другой, я Брандо, говорящий: „fuck you!“»

Один близкий друг Дэна, привлекательный молодой актер Джон Гилмор, который весной 1955 года сопровождал своего приятеля в дом Самсона Де Бриера, оба были заинтересованы в том, чтобы встретиться с любовником Андре Жида, а Дин играл роль Башира, кокетливого арабского слуги в постановке Имморалиста (The immoralist) Андре Жида на Бродвее.⁴

Через Самсона, Гилмор встретился и подружился с Кертисом Харрингтоном, который, в свою очередь познакомил его с Кэмерон.

Джон Гилмор: «Кэмерон, она чрезвычайно впечатляющая и очень проникательная, и обладала своего рода животным магнетизмом, что было очень притягательным и привлекательным.

---

³ Кэмерон также подружилась с некоторыми из музыкантов, которые играли в Cosmo Alley и на сцене кофейни, в том числе с басистом современного джазового квартета Перси Хитом, и игроком на бонго Престоном Эппсом, чей заразительный сингл Wongo Rock продемонстрировал его мастерство владения инструментом, который навсегда вошел в историю неразрывно связанным с культурой Битников.

⁴ Когда его собственная страсть к актерству выдохлась, Гилмор обратил свои творческие таланты в писательство, написание биографий некоторых бесславных нуар звезд Лос-Анджелеса, включая Severed, биографии Блэка Дахлаи, и его взгляд на миф Мэнсона Мусорные люди. Он также написал мемуары двух своих самых знаковых друзей, Джеймса Дина и Мэрилин Монро.

В ней была мощная сексуальная сила. Вид ее был очень странный, личность колдовской. Она была очень тонкая с поразительно бледной кожей и длинными рыжими волосами, в струящихся одеждах с неким шлейфом. Она была как существо без возраста, полностью за пределами всего ординарного и она презирала все заурядное и посредственное. Она, казалось, была в состоянии увидеть то, что было за пределами вашего видения. Она была странной и могла погружаться в транс, отстраняясь от мира.

Сам, будучи проницательным художником, Гилмор особенно восхищался акварелью Кэмерон «Леди Озера», которая передавала ее утонченную трактовку легенд о Короле Артуре. Я сказал ей, что это напомнило мне о бормотании Офелии из пьесы «Гамлет», прежде чем она утонула, после того, как отравила себя, а Кэмерон улыбнулась и ответила: «Ну, что, это близко». Актер также разыскал акварель на подобную тему под названием «Лодка Смерти», на которой женская фигура лежит умирающей, в то время как одинокая собака смотрит на нее, сидя на корме. «Ее изысканные рисунки были того гипнотического, волшебного свойства, которое я любил. Мы обсудили живопись и Кэмерон также, казалось, интересно было послушать о моем детстве. В детстве я занимался сценической магией, даже поставил свое шоу и находился под сильным влиянием Гудини и Блэкстоуна. Она интересовалась ими, но гораздо более была озабочена Кроули, к которому, честно говоря, я никогда не тяготел, и особого впечатления он на меня не производил, хотя Кертис тяготел, и мы говорили много, много часов об этом периоде истории. У Кертиса была интеллектуальная заинтересованность в Кроули, но так ведь не сделать никаких открытий».

Гилмор рассказал одну особенную историю из своего детства, которая казалась, особенно резонировала с Кэмерон. «Однажды я рассказывал ей о том, как будучи ребенком, мне нравилось копать ямы в саду. Это было секретным важным местом для меня. Я рассказал ей, как пытался прокопать дорогу до Китая, а она сказала, что это совершенно невозможно, поскольку в центре Земли находится расплавленная магма». В течении многих лет Гилмор задавался вопросом, почему эта история произвела такое сильное впечатление на Кэмерон,

не обращая внимания на то, что в ее собственном детстве было подобное отверстие, но ведущее в ад.

Джеймсу Дину, конечно, было суждено умереть в ужасной автомобильной аварии, его душа путешествует по земле бессмертия, оставляя позади искорёженный Porsche и афишу, не изменяющуюся со временем с изображением задумчивого крутого парня. Как и со своим приятелем Дином, Гилмор часто мог ощущать нечто ужасное, фатальное и в присутствии Кэмерон тоже. «Она была очень мягким человеком, с изысканными манерами, но я чувствовал, что ее можно легко использовать в своих интересах. Мне было не дотянуться до нее, потому что я чувствовал, что она каким-то образом была инкапсулирована своей собственной внутренней химией. Я помню, как она говорила мне, что она могла видеть меня насквозь, и она так двигала рукой, как будто наводила фокусировку объектива. Она сказала что-то вроде: „Ты такой же, как и я, если удача не улыбнется тебе, ты будешь totally одиноким“, и я взял это в качестве защитного средства. Но позже, почти через девять лет я понял, что на самом деле она мне говорила».

Гилмор также проводит параллели между Кэмерон и Дином, они оба шли похожим путем и делали то, что говорили.

«Кэмерон, была похожа на Джимми и в том, что они оба пошли на риск и сделали свои собственные открытия, продвигая их во время своих переездов по стране. Кэмерон была исследователем, но есть опасность, когда ты это делаешь. Это как в фильме „Полет“ („The Fly“), когда маленький мальчик спрашивает Винсента Прайса, почему его отец умер, Прайс говорит: „Потому что он был исследователем, и если человек идет туда, куда еще никто не ходил, и становится на опасный путь, иногда он погибает“, Кэмерон была исследователем, идущим на неизведанную территорию. Ее творческая энергия направляла ее жизненный путь, но там не было компромисса вообще. Работы Кэмерон не выглядели дружелюбными, они выглядели тревожными. Ее искусство было как „Идти на свой страх и риск“, ха-ха».

***

Известный своими отличительными, сногсшибательными фресками, украшающими многие достопримечательности

Лос Анжелеса, художник Берт Шонберг был кем-то вроде местной легенды у местных сплетников. После окончания средней школы, он пошел на службу, где как отголосок оформления залов для выпускного вечера Кэмерон, он разрисовал фрески в столовой и так же был признан среди своих коллег как талантливый художник. После посещения Бостонского музея изящных искусств, он отправился в Лос-Анджелес, где в 1957 году в партнерстве со своим приятелем, писателем-фантастом Джорджем Клейтоном Джонсоном открыл кофейню в Лагуна Бич под названием «Кафе Франкенштейна».⁵

Популярное у малолеток, злачное место, куда регулярно навдывалась полиция, особенно после того как сообщество местных матрон пожаловалось, что витражные росписи монстра Франкенштейна, нарисованные Шонбергом, были по их мнению антирелигиозными. Когда добропорядочные дамы пытались сплотить консервативные общины, чтобы закрыть вертеп, Шонберг пригрозил установить распятого монстра Франкенштейна снаружи здания в качестве ответной меры, тогда инициативная группа пошла на попятную.

Первый год в Лос-Анджелесе, у Шонберга был переломным в жизни, мистический опыт, о котором он позже написал: «У меня были первые радикальные переживания за пределами так называемого обычного, обыденного сознания. Это не было вызвано какими-либо химическими средствами или усилиями типа йогических практик с моей стороны, это пришло само собой и застало меня врасплох. Каждый день, в течение семи лет подряд, я был поражен количеством разрозненных, кратковременных прорывов неожиданного света. Эти инициативные переживания бытия неожиданно и мистическим образом вытолкнули меня из течения времени в предвечное состояние такого характера, что я видел все обычные, общепринятые понятия о том, что представляет из себя наш мир как иллюзию.

---

⁵ Джордж Клейтон Джонсон продолжил, став одним из Лучших сценаристов телевидения, он известен такими шоу, как Star Trek и Сумеречная зона. Он также является автором оригинальной книги Одиннадцать друзей Оушена, а также научно-фантастической классики Бегство Логана.

Также качество этих переживаний было таким реалистичным, что я точно знал, что увиденное мной, странное и шокирующее, было, несомненно, реальным. В то время я совершенно не был готов к такому резкому выталкиванию из моего обычного иллюзорного сознания, поэтому моей первой реакцией на этот опыт было неприятие и агрессия. Во время этих первых благоговейных разоблачающих открытий о том, где мы находимся и как это все устроено, я осознал неопровержимую истину о том, что есть наша обычная мирская жизнь, и это было настолько ужасающе ошеломительно, что у меня больше не осталось никакого сомнения относительно того к чему в этой жизни стоит относиться серьезно, а к чему нет. С того момента я знал, что должен снова когда-нибудь испытать этот *Высший Свет*, но я также знал, что я должен быть и в состоянии выдержать сильнейший шок от полного осознания. Именно в это время, я начал активно искать *свой Путь*.⁶

Всем его сторонникам, которые разделяли его интересы, казалось неизбежным, что в Шонберге и Кэмерон встретятся родственные души. Вдохновленный увлечениями своего нового друга монументалист направил свое внимание на изучение НЛО и внеземных сил, и взял в привычку ритуальное сжигание собственных произведений искусства, доказывая, что он не был к ним привязан. Это было искусство, созданное для того, чтобы нести послание, а не стать декорацией. Первым делом, Кэмерон поспособствовала приобщению своего нового любовника к трудам Кроули, и наставляла его, помогая найти свой «Путь».

«Кэмерон дала жизнь мистицизму Берта», подтверждает приятельница Шонберга Ира О'Дески. «Он был похож на мещанина из Бостона, и Кэмерон просто развернула его, зажгла, и в результате произошло все остальное, но она была ответственной. Это чертовская история. Это как эпос, как «Унесенные ветром», что-то глобальное. Кэмерон не превратила Берта в сумасшедшего, он уже был ненормальным, в этом была большая часть его самого, она просто помогла этому проявиться».

---

⁶ Здесь. Краткое изложение того, как это все началось для меня. Берт Шонберг и Ледрю Шупман Бейкер III Copyright © 2001 Ледрю Shoorman Бейкер III

Другой приятель, Дэрил Копеланд, соглашается: «Кэмерон показала Берту *Путь*, ха-ха. Он родился не в то время. Он должен был родиться несколько сотен лет назад. Берт был чем-то еще, значительным. Он был обаятельный, красивый парень. Великий художник и яркая личность».

«Он был выдающимся, возвышенным человеком» — добавляет О'Дэски. «Люди, которые не понимают, говорят: „О, это слишком мультяшное“ или какое-нибудь дерьмо. Его мазки просто блестящие. Каждый из них сокровище. Вы просто сидите и смотрите на него и вдруг выдаете: „Вот-те на!“ Каждый из его мазков был окрашен в разные цвета радуги, в зависимости от того, какой цвет он хотел выразить, и так быстро, вы ни разу не видели, чтобы кто-нибудь двигался так быстро. Это было так, как будто он точно знал, что нужно делать, где должен быть красный, а где золотой. Это было изумительно. Берт мог написать невероятный фрагмент за ночь. А утром взять три или четыре таблетки амфетамина, и они были как шампанское. У Берта была энергия, чтобы начать творить, но он любил эти таблетки, и он мог работать всю ночь и создать шедевр. Он мог посмотреть на него некоторое время, и потом он точно знал, когда нужно было остановиться. Называя это *психоделиком* и кладя, в коробку, чтобы можно было назначить цену на него. Я не знаю, есть ли слова, которые могли бы описать эту удивительную душу. Фильм „День, когда Земля остановилась“ оказал большое влияние на него. Он набросал несколько рисунков на нотной бумаге, которая напоминает образ из фильма. В фильме Клаату, высокоразвитый инопланетянин, которого играет Майкл Ренни, смотрит на доску профессора Барнхардта и говорит мальчику, что математика вся неправильная, поэтому он решает уравнение, которое олицетворяет его как профессора. И Берт также оставлял эти картины как свои визитные карточки».

Одой из самых почитаемых картин Шонберга был мозаичный холст, который стал известен как «*Superchief*». Иллюзорный образ краснокожего индейского вождя, блистательный в своем головной уборе из перьев, парящий среди облаков голубого неба над летающим локомотивом поезда, который бросает луч света на лицо сидящего Шонберга, который, кажется купающимся в мистическом ореоле, изображенном на картине.

«Если бы вы посмотрели на луч, вы бы увидели энергию, находящуюся в воздухе. Берт мог видеть силовые поля», свидетельствует Копеланд: «Он был ходячим мистическим переживанием. Куда бы он ни пошел, везде вспыхивало пламя. Помню, как он приносил пейот на лестничную площадку дома, где он жил, и это было совсем неадекватно. Внезапно этот пожар разгорелся, и в нем определенно был вихрь какой-то психической энергии. Он, безусловно, обладал магнетизмом».

У О'Дески тоже было подобное переживание. «Однажды, после принятия некоторого количества галлюциногенов я очутилась в очень странном месте, я накачана и вижу эти синие огни исходящие от Берта и его аура и дух поднимались в воздухе, и я боялась, что он собирается покинуть свое тело навсегда, и я сказала: „Берт не надо, Берт не уходи“, Берт был одним из самых прекрасных людей на свете. Если у вас бывают неудачные трипы с плохой наркотой, он всегда вас обнимет и поддержит своими руками, чтобы провести через это».

Лэдриу Шупман Бейкер III был еще юнцом, недавно закончившим среднюю школу, когда он впервые познакомился с художником. «Мне рассказал о нем мой кузен, который восторгался его талантом и умом, и когда я встретился с ним, то был впечатлен тем, что он относился ко мне с таким почтением, как будто я был кем-то значимым, а мне было всего 20 лет. Я был на четвертом уровне по системе Гурджиева, и он также был полностью вовлечен в систему Гурджиева.⁷ На четвертом уровне не обязательно было уходить в монашество, можно практиковать там, где вы находитесь. Берт пишет о том, как на него обрушились несколько вспышек света, эти загадочные проявления сознания — это происходило без использования LSD — и он знал, что есть только одно, что стоит воспринимать

---

⁷ Будучи культовыми современниками, Кроули и Гурджиева как стало известно, пересеклись в 1926 году, когда Великий Зверь посетил Институт гармоничного развития человека Гурджиева в Фонтэнбло-Эвон к югу от Парижа. То, что произошло между двумя мистиками до сих пор горячо оспаривается с обеих сторон, но по претенциозному заявлению Гурджиева, Кроули был препровожден из владений хозяином со следующим напутствием: «Вы грязный внутри.»

серьезно — это более высокие состояния сознания, все остальное было иллюзией. Берт изучил и применил разработки Гурджиева, и ему в голову пришла идея окончательной формулы, уравнения G (пирамида всякого объективного сознания) + 777 (Закон Кроули) = суть всего. В этом было отображение и дополнение двух систем, каждая при этом не была смешана с другой.

Когда я впервые встретил Кэмерон, на ней был одет плащ. Вид у нее был внушительный. У нее была внешность ведьмы, но излучала она нечто другое. У нее были глаза оборотня, то есть, если вы дрогните или отвернетесь, в вас чего-то не хватает. Она была дивной красоты. Берт сказал, что Кэмерон была частью высшего общества в Пасадене, где она была приобщена к учению Алистера Кроули, которое стало смыслом ее жизни. У Берта и Кэмерон были беспристрастные отношения, они пытались быть объективными во всем, насколько это возможно. Объективное осознание, это когда вы видите истину везде, на что бы вы ни смотрели, что бы вы ни слушали, что бы ни думали. Чтобы быть уверенным в результате, нужно вернуться назад и перепроверить. Это как если вы строите легкий мост к вершине пирамиды всевидящего ока. И только когда вы находитесь на самой вершине пирамиды, вы можете увидеть все четыре стороны света одновременно.»

Как и в случае с Кэмерон, препарат, которым Шорнберг подпитывал свой духовный поиск, обошелся очень дорого, с очень серьезными побочными эффектами в общественной сфере. Друзья часто видели, как он шел по Бульвару Сансет в психотическом исступлении. «Он вроде стоял и выл» рассказывает О'Дески. Или «Берт мог прошептать вам в ухо какое-то послание и говорить как ветер», добавляет Копеланд. Деннис Хоппер был также приятелем художника и восхищался его работой, но вспоминает: «Вы могли видеть Берта все время разговаривающего с космическими пришельцами или идущего и беседующего с самим собой. Он вроде как свихнулся. Похоже, многие мужчины, с которыми жила Кэмерон заходили слишком далеко, теряя связь с реальностью, ха-ха-ха. Может быть, они уже были повернутыми, когда сходились с ней, но выходили они из этих отношений полностью выжившими из ума!»

Берт и Кэмерон, два художника, прибыли вместе на ранчо Дерево Джошуа в пустыне (Joshua Tree — национальный парк США с 1994 года, до этого национальный памятник. Парк назван по общепотребительному названию местного растения *Yucca brevifolia* — древовидному суккуленту из рода Юкка, коренные американцы считают эти места сакральными — прим. переводчика), которое они назвали ERONBU как от CamERON и BUrt. Исторически пустыня всегда была традиционным местом паломничества для тех, кто искал духовный опыт, и нетронутый, доисторический пейзаж поместья Дерево Джошуа был особенно богат мистикой. Было известно, что само дерево Джошуа растет только в двух местах на Земле, в юго-западных штатах Америки и на Святой Земле, а некоторым нравилось версия о том, что Ноев ковчег приземлился именно там.

Айя была одной из многих, кто тусовался на ранчо и влюбился в его особую атмосферу. «Воздействие природы там застывающее. Вы не почувствуете бурю в городе так, как вы чувствуете ее в пустыне, раскаты грома и энергию диких животных, мечущихся в округе. Это то, что местные племена понимают под тем, что все вокруг живое. Для коренных американцев, конечно, Земля это Она, и Кэмерон действительно относилась к этому с уважением».

Пустыня благоприятно влияла на психическое здоровье Кэмерон, и после тех взлетов и падений, которыми были для нее отношения с Шерри, теперь она чувствовала себя относительно стабильно. Шонберг также взял на себя и выполнение отцовской роли по отношению к Кристалл.

«Берт любил детей. Он чувствовал, что они были самым дорогим, что у нас может быть» свидетельствует О’Дески. Открытие Третьего глаза и изучение НЛО было обычным на повестке дня в Joshua Tree, в то же время Кэмерон и Шонберг подружились там с пилотом Джорджем Ван Тасселом, который заведовал аэродромом в местечке около священного Giant Rock валуна.⁸ В 1953 году Ван Тассел утверждал, что у него были

---

⁸ Говорят, что крупнейший в мире отдельно стоящий валун, Giant Rock являлся священным местом для встреч, где вожди индейских племен проводили церемонии.

(Giant Rock валун возле Лэндэрс, Калифорния. Его размер достигает высоты 7 этажного здания и считается самым крупным отдельно стоящим камнем в мире)

контакты с пришельцами с планеты Венеры, что его взяли на борт НЛО, изучали его в восстановительном боксе. По просьбе этих «космических братьев» Ван Тассел начал строить *Integratron*, куполообразную структуру, электромагнитные свойства которой обещали исцелить и омолодить клетки человека.

Для них скала символизировала «Великий Дух», и вожди общались с духами «людей скалы», которые предсказали, что в один прекрасный день Мать-Земля расколется и начнется новая эра. 23 февраля 2000 года, газета High Desert Star сообщила, что валун спонтанно раскололся. Впоследствии выяснилось, что группа шаманов под руководством Шри Наат Деви собрались, чтобы медитировать рядом с гигантской скалой незадолго до этого и возносили молитвы к священной скале, надеясь, что, если Мать-Земля примет эти молитвы она расколется скалу, снимая тем самым давление на тектонические плиты Земли. Когда это действительно произошло, многие увидели, это как исполнение древнего пророчества, и пробуждение Божественного Женского, чтобы вступить в новую эру милосердия и мира.

Здание было основано на переданной ему космической мудрости, а также новаторских теориях диссидента изобретателя Николы Теслы. Из-за популярности легенды о нем, Ван Тассел учредил свой собственный культ, основанный на потоке откровений, полученных от этих *космических братьев*, и он начал проводить ежегодный съезд НЛО в районе гигантской скалы.

Ледрю Шупман Бейкер: «Ван Тассел был чрезмерно захвачен контактами, и Берг предупредил его, сказав, что его увлекли астральные силы, которые представляли собой темные сущности из низших планов».

Кэмерон также разрабатывала план построения своей модели космической эры, храм Телемы, состоящий из пяти взаимосвязанных блоков, построенных на сваях, выступающих из склона горы. С Шонбергом, она также питала надежды на создание творческого поселения, на основе модели Сан-Мигельде-Альенде. Такие творческие идеи, казалось, текли как поток, пока Кэмерон жила в пустыне.

«В пустыне у Кэмерон были видения» объясняет Айя. «И она переживала все эти духовные послания, и даже видя летающие тарелки, и просто чувствуя энергию кораблей и огней, следующих там за ней повсюду, это было всего лишь частью того, что она искала. То, что она искала, было связано с путешествиями во времени и перемещением в другие измерения, которые мы уверены, есть, но не знаем, как туда попасть».

Не общаясь с Кеннетом Энгером в течение года, Кэмерон написала ему из пустыни и поведала о том, как изменилась ее внешность с тех пор, как они в последний раз видели друг друга. После 13 лет ношения короткой стрижки она решила, пусть волосы растут длинными, восставая против монашеской склонности к самопожертвованию своей внешностью и запретами. Жизнь, казалась, остановилась в какой-то момент, и она подумала, что возможно ее будущее лежит, переплетаясь с ее изгнанным другом.

Кэмерон часто можно было видеть несущейся по пустыне в черном катафалке, приобретенном Шонбергом, они использовали его для поездок в город, чтобы выполнить заказ по настенной росписи. Джон Гилмор столкнулся с интригующей парой у ресторана «Ящик Пандоры», на бульваре, где Шонберг применял свой уникальный талант декоратора. Херб Коэн также

отметил картины Кэмерон и Шонберга висящие на стенах кафе «Единорог».

Херб Коэн: «Берт был хорошим художником и сотворил много замечательных работ, которые впоследствии были уничтожены. Он создал фреску для ресторана Семь Сезонов, которая сгорела через месяц после его открытия. Я заведовал рестораном „Фиолетовый Лук“, в котором была эта знаменитая фреска „Фиолетовый Лук“». По мнению Коэна эти два художника хорошо подходили друг другу: «Это были необычные отношения. Берт все время был очень странным, но таким он к ним и попал, и это то, какой была Кэмерон тоже». Одной из официанток Коэна была Диана Рико, дочь известного художника комиксов Дона Рико. Известная как Смертельная Диана, она была бывшей женой Джона Гилмора, а также приятельницей Кэмерон. После того как она бросила работу она встретилась с этой парочкой, с которой и отправилась обратно в пустыню, где они все достигали вершин и рисовали на скалах.

Кэмерон тоже часто оставляла свои скалы и возвращалась в город. Джон Гилмор вспоминает, как регулярно сталкивался с ней на откровенно непристойных вечеринках, проводимых в доме Джона Франко, голливудского художника по декорациям, который жил на Мелроуз-Плейс. С пьянками, травкой, пейотом и мескалином устраиваемые вечерние гуляния часто превращались в полномасштабные оргии и в составе участников были и известные лица, и сексуальные отпрыски Голливудской киноиндустрии.

«Луан Андерс бывал там, так же была и подруга Эррола Флинна Беверли Адле» вспоминает Гилмор. В особенности, он упоминает, что видел как Кэмерон приятно проводила время в обществе диковатой юной актрисы в стиле «Лолита», чьи сексуальные подвиги шокировали Голливуд, навлекая моральное осуждение этих старых матрон ветеранов киноиндустрии, Гедды Хоппер и Лоуэллы Парсонс. Несмотря на бушующее либидо, Гилмор никогда лично не удовлетворял его с Кэмерон.

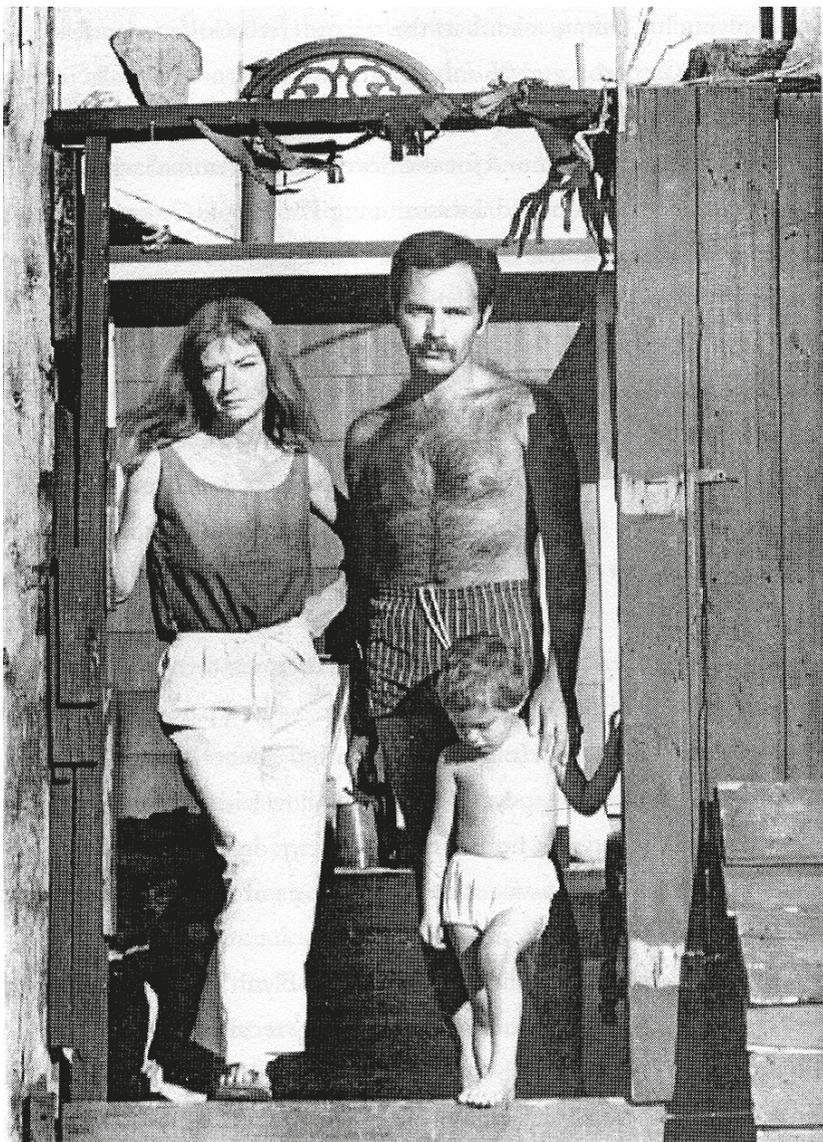
Я знал, что Кэмерон имела виды на меня, но она никогда не привлекала меня физически. Она была слишком худой и голодной; прекрасная душа, но было еще что-то сотворенное ею самой и я не сомневаюсь, что другие это испытали. Каким-то странным образом, она была недостижимой и неприкосновенной,

с таким внутренним магнетизмом, что отталкивает и притягивает одновременно, и если вы попались на него, то могли воспользоваться ею. Она была очень сексуальной женщиной, и все ее творчество было связано с использованием своей темной сексуальной энергии. Вот такой обмен был между нами — ее глаза светились, как у кошки — я чувствовал, как меня пожирают. Я не знаю, что было у нее на уме, когда она пристально смотрела на меня и наши глаза встретились и как от кошки, глядящей на вас, что-то передавалось. Между нами была эта энергия, но это было запретное удовольствие. Я сожалею, что мы не соединились более интимным образом, то как-то времени, то возможности, то желания не было зазвезд, был какой-то барьер.

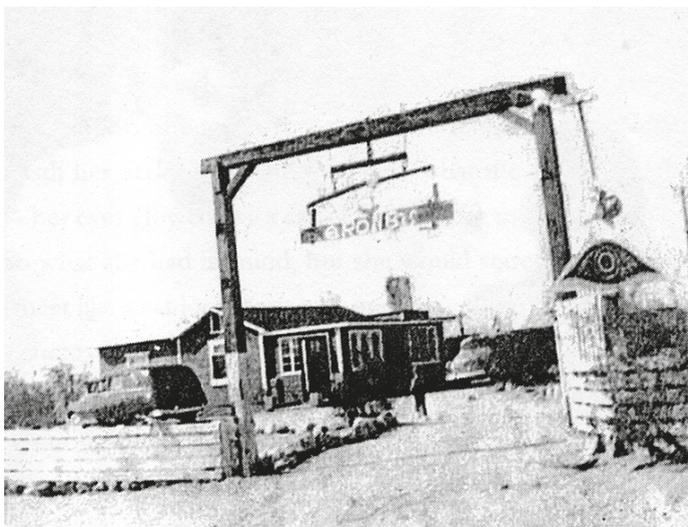
Гилмор, тем не менее, получил еще намек на наличие лесбийских наклонностей у Кэмерон, той волшебной ночью, когда Кертис Харрингтон устроил вечеринку в честь Майи Дерен, в своей квартире на Голливудском бульваре. Дерен прибыла в город, чтобы провести лекцию по киноискусству в клубе Ренессанс, в которой участвовала и Кэмерон. Лекция изобиловала колкостями, нацеленными на поверхностность и меркантильность Голливуда. «Я трачу на свои картины столько, сколько Голливуд тратит на губную помаду» были ее знаменитые слова, и Кэмерон внесла комментарий в аудиторию, добавив «Вы все красивые, в Голливуде красив каждый», как язвительная насмешка о том, что «Голливуд, это единственное место в мире, где красота становится обезличенной»⁹. Бойкая Дерен была в той же мере стихийной силой природы и привыкла быть в центре внимания. Она была в привычно приподнятом настроении в тот вечер, дико танцуя на столе, в то время как Гилмор и его приятель актер Расс Тэмблин грохотали на бонго. Выражаясь образно, Гилмор вспоминает, что поймал взгляд Кэмерон на вечеринке, сидящую в углу для курящих, внимательно изучающую Дерен. Должно быть той ночью Королева Вуду затмила Бабалон, но она не покинула вечеринку не оставив поцелуя на губах Дерен.

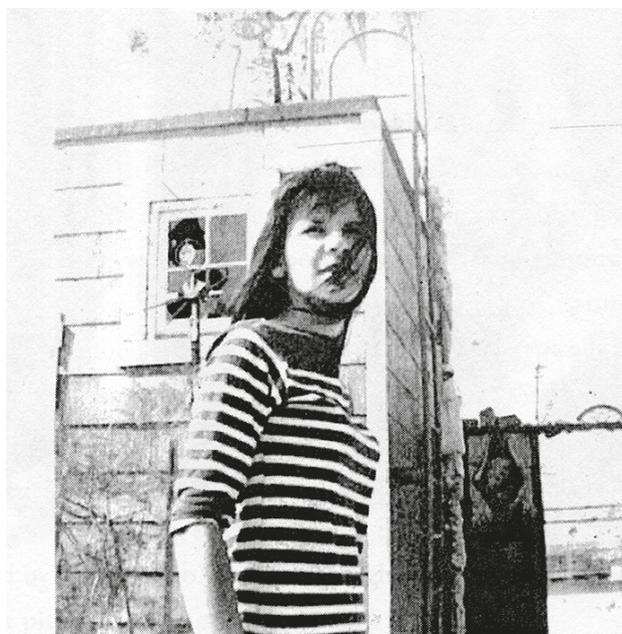
⁹ Из интервью Сандры Старр у Кэмерон. *Lost and Found in California: Four Decades of Assemblage Art*. James Corcoran Gallery. 1988

*Кэмерон со своим другом художником Бертом Шонбергом и
Кристал на ранчо Егопви (Любезно предоставлено Варбургским
институтом)*

Вход на ранчо Егонби (Любезно предоставлено Айей из личной коллекции).

Айя на ранчо Егонби: «У Кэмерон были там видения.» (Любезно предоставлено Айей из личной коллекции).

(Джон Гилмор и его жена Диана Рико, примерно в то время, когда они часто посещали бары и вечеринки вместе с Кэмерон (Фото любезно предоставлено Джоном Гилмором)

НОЧНОЙ ПРИЛИВ

*И в мерцании ночей я все с ней, я все с ней,
С незабвенной — с невестой — с любовью моей —
Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли.
«Аннабель Ли». Эдгар По.*

В конце лета 1960 года, Кертис Харрингтон предложил темной, запретной стороне личности Кэмерон проявить себя в своем первом, полнометражном фильме, его режиссерском дебюте. В фильме Секреты моря, позже переименованном, в роли, созданной специально для нее, Кэмерон сыграла морскую ведьму, сценарий написал он сам, рассказ, позже был переименован в «Ночной прилив» («Night Tide»), вдохновленный литературным псевдонимом По. «Присутствие Кэмерон, и образ, созданный ею, был настолько мощным и сильным, что ее приняли за этот таинственный персонаж» — объясняет он.

Сделанный за пределами студийной системы, «Ночной Прилив» был одним из первых американских фильмов, включающих элементы нового французского направления кино, когда сцены снимаются камерами, вывозимыми на улицы в реальных местах, среди реальных людей, с применением ручных методов съемки. Возглавляя свой первый полнометражный фильм, снимаемый по его собственному сценарию, на заре нового, жизнеутверждающего десятилетия, материал не мог выглядеть ярче для режиссерского дебюта.

Чтобы сделать фильм с бюджетом всего в \$ 50 000, Харрингтон полагается не на состоящих в профсоюзе талантливых актеров и производственную осмотрительность: «За все основные роли киноактерам было выплачено жалование по минимальной расценке, что в 1960-м году означало \$ 350 в неделю». Еще до начала съемок директор отклонил предложение бригады Микки Коэна профинансировать эту картину: «Они были очень, очень очаровательными людьми, но у меня было предчувствие, что если фильм пойдет не так хорошо, как они рассчитывали, я мог бы в конечном итоге оказаться на дне реки Лос-Анджелеса или замурованным в блоке цемента!»! результате он отказался связываться с темными личностями нижнего Тинселтауна, а привлек начальные денежные средства из более чистых источников, в том числе от всегда надежного Роджера Кормана, который присоединился к его проекту и помогал в сфере финансирования и дистрибуции.

Создание картины без участия членов профсоюзов означает, что Союз киномехаников откажется запустить в прокат любой фильм, у которого нет символа IATSE — эмблемы профсоюзов. Чтобы компенсировать это, Харрингтон нанял Флойда Кросби (отца Дэвида Кросби), сертифицированного оператора, чтобы он работал в течение нескольких дней на некоторых сценах. Этого было как раз достаточно, чтобы получить печать IATSE, и остальная картина снималась блестящим оператором Вилисом Лапениексом.

Были также и другие, более туманные силы, помогающие преодолеть неблагоприятные обстоятельства. Когда домовладелица Харрингтона — астролог, услышала о его новом проекте, она спросила своего жильца, в какой день он собирался начать съемки. Когда он ответил ей, она предостерегла его начинать работу именно в этот день, так как тогда был период ретроградного Меркурия, очень плохое время, чтобы начинать проекты: «Я спросил ее, что означает *ретроградный Меркурий* и она подчеркнула тот факт, что если вы делаете что-то под ретроградным Меркурием, вы должны будете это переделывать». К сожалению, Харрингтон уже арендовал клуб, где должен был начаться первый съемочный день, поэтому он не мог не запустить процесс.

Кертис Харрингтон: «Мы снимали первые сцены клуба и выбросили их в мусорку, на следующий день мы снимали сцены на пляже и менеджер по производству подбежал, и я никогда не забуду, он как он бегал по песку с вытаращенными глазами, и сказал, что все пленки, начиная с клубной сцены, были засвечены, и мы должны их переснять. Так что мне пришлось снова организовать и клуб, и группу, и флейтиста, и Денниса с Кэмерон. Это заставило меня поверить в астрологию».

В своей первой главной роли, Деннис Хоппер играет Джонни Дрейка, молодежового моряка, проводящего отпуск в Санта-Монике, который влюбляется в Мору, красивую девушку, которую играет Линда Лоусон, работающую русалкой в развлекательном шоу. Современная версия греческого мифа о сиренах, манящих моряков к их гибели, в центре истории Харрингтона находится исследование Хоппера, с целью узнать правду о реальной личности Моря. Запутавшись в тайнах, он не может полностью понять, Хоппер вспоминает, как воспитывали мальчиков в маленьком городке, где он вырос и пытается изобразить милый и искренний характер, сильно отличающийся от мрачных, беспокойных, психопатических ролей, с которыми он станет отождествляться в будущем.

Кертис Харрингтон: «Я знал, что он замечательный молодой актер из актерской школы Джеймса Дина. Он видел мои короткие авангардные фильмы и они ему очень нравились, и именно поэтому я обратился к нему с предложением сняться „Ночном Приливе“ („Night Tide“), и он сказал, что хотел бы работать со мной». Впервые сотрудничая с профессиональными актерами, режиссер в значительной степени полагался на кинематографический опыт Хоппера, а также на старую гвардию, таких как Гэвина Мьюира и Марджори Итон. Линда Лоусон согласилась принять участие в съемках по рекомендации друга. После окончания средней школы, она приехала к своей сестре в Лас-Вегас, и с ее притягательной внешностью и приятными вокальными данными, она устроилась на работу в The Sands Hotel где пела, а в последствии это место стало вотчиной Фрэнка Синатры. Несмотря на свою относительную неопытность, Лоусон играет свою отстраненную, деликатную роль хорошо, и первоначальная неловкость медленно разгорающегося романа Моря и Джонни

исполнена великолепно. Лоусон была, более чем следовало, обеспокоена своей коллегой по съемкам: «Кертис сказал мне, что Кэмерон практикующая ведьма, поэтому я была очень любезна с ней, ха-ха. Я не хочу никаких заклинаний или чего-то в этом роде. Но она была замечательной». Несмотря на то, что в жизни Кэмерон была художником, Лоусон признает: «Ее аура была очень артистической».

Несмотря на связанность друг с другом сюжетной линией, между женщинами не было болтовни за пределами съемок, однако, в контексте ролей, которые они сыграли, все было идеально, поскольку, будучи морской ведьмой у Кэмерон была негласная телепатическая власть над персонажем Русалки Лоусон. Их первая совместная сцена происходит в самом начале фильма, в упомянутом ранее джаз-клубе, где публика вальяжно наслаждается звуками джаза флейтиста Пола Хорна и его группы. В аудитории сидит и флиртует коротко стриженный блондин, Пол Мэтисон, который был снова под рукой, работая в качестве художника по декорациям Харрингтона, несет ответственность за оформление декораций Русалки, которые, если внимательно присмотреться, скрывают ключ к финалу картины.

В отличие от большинства голливудских фильмов, которые были популярными в то время, когда они пытались захватить джазовую Бит сцену, точка зрения Харрингтона, основанная на его собственных наблюдениях того времени, имеет натуралистический истинный взгляд на все это. Джонни безуспешно пытается приударить за Морой, атмосфера нарушается, когда Кэмерон совершает свое своевременное драматическое появление. Изысканная, в черном, одетая в готическом стиле, она неторопливо, царственно и властно подходит, давая волю полному блеску в своей завораживающей манере. Равнодушно играя со своим ожерельем, Кэмерон бесцеремонно подходит к паре и, прерывая их разговор, обращается к Море на греческом, на котором она научилась говорить без акцента. Взволнованная тем, что ей устроили взбучку, Мора уходит расстроенная и Джонни вскоре следует за ней. Прежде чем покинуть клуб, он оглядывается, чтобы еще раз увидеть таинственную женщину, которая нарушила его планы, и в этот момент камера нацелена крупным планом на потрясающее лицо Кэмерон, которая

поворачивает голову, чтобы показать герою Хоппера ядовитый взгляд. Недоступная и сдержанная Мора сначала сопротивляется романтическим поползновениям Джонни, преследуемая иррациональным страхом, как мы узнаем позже, чтобы отдалиться сексуальному желанию и своим подавленным смертоносным импульсам. Но пока он провожает ее домой, от очарования соседского мальчишки Хоппера медленно тает ее ледяное сопротивление, и после того как он крадет у нее поцелуй, она соглашается встретиться с ним на следующий день.

На следующее утро Джонни навещает Мору в ее квартире над каруселью на пирсе Санта-Моники, и они завтракают на открытой террасе. Снимая на фоне пляжа Санта-Моники, легко забыть, как непривычно было бы увидеть, чтобы подобное происходило в реальной жизни как в драматической структуре фильма. Мора привлекает Джонни к своей работе и знакомит его со своим общительным и загадочным опекуном, капитаном Мердоком, которого умело играет опытный характерный актер Гэвин Мьюир. Джонни и Морской Капитан сошлись на теме их общего мореплавательского опыта. Затем Джонни посещает представление, чтобы посмотреть Русалку, восхищаясь тем, как Мора покоится как прекрасная нимфа в своей водяной могиле.

В то время как романтические отношения главных героев расцветают, их свидания включают ночную пляжную вечеринку в Райской бухте (Paradise Cove) в Малибу. Там, перед группой подростков, Мора исполняет балийский танец Бонго бит, в то время как Кэмерон, стоя на соседней скале, смотрит на нее, довлея гипнотической властью над ней. Веселье рассеивается, только когда Мора замечает призрачный силуэт Кэмерон и падает в обморок.

После очередного визита в квартиру Мору Джонни отказывается прислушаться к предупреждениям хозяина вечеринки и его дочери, которую играет Луана Андерс, который сообщает ему, что два предыдущих бой-френда Мору найдены мертвыми на берегу. Как ни странно, у Джонни звонит телефон, хотя никто не знает, что он там, но когда он поднимает трубку, в ответ тишина. В этот момент он замечает стремительный призрак Кэмерон проносящийся по прибрежной улице, и поэтому он следует за ней в поисках ответов. Несомненно, наиболее

Кэмерон, Денис Хоппер и Кертис Харрингтон на съемках «Ночного прилива» летом 1960 г. Обратите внимание на нарисованный Кэмерон на спасательном круге знак 777, Каббалистический символ Кроули. Любезно предоставлено Варбургским институтом

привлекательным является последовательность кадров фильма, где Кэмерон приманивает героя Хоппера в дом капитана дальнего плавания, блуждая, как ведьминский дух по заброшенному великолепию Венеции.

Кертис Харрингтон: «Сейчас это перестроено ужасно, но тогда Венеция была замечательной, в прошлом великолепный, а ныне запущенный район и история о человеке, который создал его, потому что он хотел воссоздать иную версию итальянского города».

Гламур Венеции исчез, по-видимому, чтобы отобразить внешний вид Кэмерон, так как она выглядит значительно старше, своих 38 лет. Хоппер утверждает, что такой износ не относится ко всем частям ее тела. «У нее было очень старое, морщинистое

лицо, но это не имело никакого отношения к ее телу вообще. У нее было тело молодой женщины. У нас были замечательные, очень близкие отношения. Мы были очень близки, но без излишней болтовни. У нас были интимные отношения, может быть, три или четыре раза, но это не было похоже на долгосрочную связь».

В полной мере ухудшение состояния лица Кэмерон четко проявляется в крупном плане, где она в какой то момент останавливается, чтобы проверить свои карманные часы, личное почтение Харрингтона белому кролику из Алисы в стране чудес. Часы, которые она носит, возможно, были теми, которые были на ее муже Джеке, в тот момент, когда он был убит, и которые все еще оставались в ее собственности. Ручные часы, видимо, оставались в момент взрыва. Так же, как белый кролик, Кэмерон поворачивает за угол и исчезает, оставляя зачарованного, докучливого и растерянного моряка стоять у дома капитана Мердока. Адрес капитана с числом 777 был нарисован Кэмерон на спасательном круге как тайный поклон каббалистическому сборнику Кроули. «Я вношу небольшие оккультные отсылки во всех моих фильмах, как небольшую причуду, так чтобы некоторые люди могли это уловить» объясняет директор картины.

Когда язык развязался крепким напитком, словоохотливый морской капитан кидает сногшибательную новость, что его подопечная Мора не участвует в новой постановке, и что на самом деле, и это факт, в реальной жизни она является потомком мифического морского существа. Он предупреждает Джонни, что тот находится в смертельной опасности, если продолжит видеться с ней, но влюбленный моряк отказывается в это верить, несмотря на то, что Мора подтвердила эту истину, и подкрепила ее тем, что женщина в черном тоже морское существо и она здесь, чтобы забрать ее назад, домой к своему народу. Находясь в некотором замешательстве, Джонни посещает гадалку, которую театрально играет Марджори Итон, которая предостерегает его о том, что он находится в большой опасности, пока Мора затянута в «водоворот зла».

Во сне Мора показывает Джонни свой чешуйчатый хвост, затем он просыпается и обнаруживает, что она отсутствует. Прочесывая пляж, он находит Морю припавшую к деревянной стойке под пирсом, и спасает ее от подъема уровня воды. Вместе

со своим бойфрендом, по-прежнему не желающим поверить в истину о ней, Мора берет его с собой в подводное погружение. Они вступают в схватку под водой, и нож уже мелькнул, но Мора имеет в виду вовсе не убийство. Вместо этого, она разрезает шланг подачи воздуха Джонни и отправляет его на поверхность, в то время как она сама тонет «принимая восторг глубин».

В ту ночь Джонни снится Мора, он обнаруживает ее в образе Русалки на скалах, глядящую в зеркало и расчесывающую волосы. Настроение меняется, когда она пытается затопить его в море и Кэмерон появляется на мгновение, смеясь и издеваясь над отчаянным положением Джонни. Обнаженная, непревзойденная и без макияжа, она появляется более молодой, более соответствующей своему реальному возрасту. Джонни просыпается и возвращается к аттракциону, где он находит безжизненное тело Мору, лежащее в Русалочьем баке. Капитан Мердок неожиданно врывается и обвиняет Джонни в ее смерти. Он размахивает пистолетом, стреляет, но промахивается мимо цели. Джонни прыгает на крышку и случайно попадает в цистерну, она опрокидывается и выливает тело Мору на пол. Морской капитан арестован и признается во всем в полицейском участке. История про морских людей, была просто ширмой, которую он использовал, чтобы принудить Мору выйти за него замуж. На самом деле, именно он несет ответственность за двойное убийство. Тем не менее, с таким поворотом сюжета, он клянется, что не знает о загадочной женщине в черном, таким образом, роль Кэмерон во всем этом, соответственно осталась неоднозначной.

Элегантно написанный и полный очарования старого мира, «Ночной прилив» глубоко задевающая чувства картина, просачивалась в окружающую среду. Хотя первоначально задуманный как фильм ужасов, это гораздо больше в традиции фильмов нуар, хотя и с некоторыми оккультными обертонками, и, оглядываясь назад, Линда Лоусон отдает дань уважения мастерству Харрингтона в создании такой атмосферы: «Я думаю, что Кертис самый необычный оператор. Настроение в этом фильме невероятное, вы не смогли бы сделать так с цветом и с фильмами, которые есть сегодня. Он имеет дело с темнотой, освещением,

и тенями. Это дало всему фильму такое постоянное ощущение, что нечто зловещее и ужасное должно произойти».

Действительно, одним из самых впечатляющих качеств фильма является экспертный способ Харрингтона гармонично сочетать причал Санта-Моники с галереями развлечений и карнавалов в Лонг-Бич Парк и причал Оушен Парка в цельное магическое пространство.

«Это были удивительные съемки, несмотря на то, что фильм небольшой. Потрясающий опыт» — вспоминает с нежностью Деннис Хоппер. В самом деле, актер был так расстроен приближающимся финалом, что напился в последний день съемок и когда вышел на улицу попал в аварию с мотоциклом. Будучи высококвалифицированным профессионалом, во время съемок, Харрингтон чувствовал, что поведение Хоппера происходило из его бессознательного негодования, из-за того, что их совместное время подходило к концу.

Ночной прилив был показан на кинофестивале в Венеции в 1961 году и получил положительные отзывы от итальянской и американской прессы. Харрингтону даже удалось получить, предварительно просмотрев журнал *Time*, который заявлял: «насаждение страшного соленого очарования», и включил фильм в первую десятку списка фильмов, которые следует посмотреть в этом году. К сожалению, из-за спора с одним из спонсоров фильма, прошло еще почти два года, прежде чем он вышел в прокат, и произошло это одновременно с качественной версией Винсент Прайса Ворон по роману Эдгара По. Задержка ударила по коммерческой стороне фильма.

«Это было тем, что французы называют *Film Maudit* — проклятый фильм в этом смысле» вздыхает Харрингтон сегодня, тем временем Хоппер отмечает: «У нас был фильм, признанный *Time Magazine*, но его нигде невозможно было посмотреть, ха-ха».

Несмотря на все те препятствия «Ночной Прилив» стал подлинной культовой классикой, любимым избранной группой киноманов, в том числе Анри Ланглуа, руководителя престижного *Cinematheque Francaise*. Как «Храм наслаждений» перед ним, присутствие Кэмерон преобладает, но что более всего примечательно, это когда вы понимаете, что она единственная на экране менее чем за пять минут. Подражая Орсону Уэллсу,

в фильме захватывает внимание яркая эпизодическая роль, как и Гарри Лайм в классическом фильме «The Third Man» («Третий человек») Кэрола Рида, это неуловимость и мистичность Кэмерон в том, что преобладает изображение, и помогает определить другие образы в нем. Сегодня, оглядываясь назад, звезда фильма верит что присутствие Кэмерон придало дополнительное особое качество проекту.

Деннис Хоппер: «Кэмерон просто завораживает, и я любил с ней работать. Но она была странной. У нее всегда были идеальные манеры. Я никогда не видел, чтобы она потеряла свойственную ей отстраненность, но вы можете почувствовать, что есть что-то очень чувствительное в ней. Это не значит, что она была беспомощна и уязвима, она всегда была уверена в себе, но в ней всегда была эта, присущая ей деликатность. Она не была разговорчивой, но когда она действительно говорила, это всегда было в сдержанной манере, которая сделала ее присутствие в фильме еще более сильным».

ЧЕРНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

*Если есть еще что-то адское, действительно
проклятое в наше время, так это наше умение
мастерски флиртовать с формами, вместо того, чтобы
быть как жертва, сожженными на костре у столба,
свидетельствовать сквозь пламя.
Антонин Арто.*

За год до съемок в фильме Ночной прилив Кэмерон и Шерри наконец поженились гражданской церемонией в городской мэрии в центральной части Санта-Моники. В преддверии вступления в брак она перенесла гистерэктомию [удаление матки-прим. переводчика] и призналась социальному работнику в больнице, что откладывала процедуру в течение некоторого времени, опасаясь, что это повлияет на ее предстоящую свадьбу, делая ее сексуально невосприимчивой к своему мужу. Шерри, недавно вышедший из психиатрической больницы ветеранов в Корал-Флориде, проехал через всю страну, чтобы присоединиться к своей нареченной. Кэмерон описала своего жениха социальному работнику как талантливую, чувственного с тонкой душевной организацией писателя, который, как она чувствовала, мог бы процветать в благоприятной среде. Но она также призналась, что чувствует глубокое и небезосновательное беспокойство от того, что больше не сможет родить ему детей, а также что будет разрывать на части свое материнское внимание между Кристалл и Шерри, который рассматривал ее дочь в качестве конкурента и угрозы для удовлетворения собственных

нужд. Мрачный прогноз Кэмерон оказался очень точным, медовый месяц продлился недолго, и эти двое вскоре после него разъехались.

Весной 1960 года Берт Шонберг стал одним из художников, выбранных для участия в исследовании воздействия применения препарата ЛСД-25 на творческий процесс испытуемых, проводимого психиатром доктором Оскаром Джанигером. К концу эксперимента, Джанигер был настолько впечатлен теми полотнами, которые произвел художник, что купил себе несколько его полотен, в то время как Шонберг осознал, что «выразительность искусства, являющаяся результатом психоделического опыта, могла бы достичь настоящей магии и запредельного».¹

Пока Кэмерон дарила свое потустороннее очарование Ночному Приливу, Шонберг тем летом распространял кое-что из своего художественного волшебства в другом производственном процессе Роджера Кормана в экранизации рассказа Эдгара По Дом Ашероу. Работая в качестве постоянного художника, он вносил свой вклад в виде жутких семейных портретов семейства Ашероу, которые можно видеть на протяжении всего фильма, многие из которых были раскуплены звездами-актерами, снимавшимися в данной картине, и хорошо известными знатоками искусства, как Винсент Прайс. Вскоре после их соответствующего киноопыта, Шонберг и Кэмерон также разошлись, хотя и остались по-прежнему в хороших отношениях.

«В их расставании не было слез», подтверждает Ледрю Шупман Бейкер. «Это было бы ниже их. Берт мог бы сказать: «Наша дружба бессмертна, мы не создаем временную дружбу», таким был один из его девизов».

В то время как Берт переехал за границу, на Ибицу в Испанию, Кэмерон осталась в Венеции, переехав в квартиру № 2 на 49-й Уэйвквест Авеню. За эти годы Венеция превратилась в улей из прогрессивной мысли и творчества, художники, поэты и музыканты никому не нужные были там как обломки на дне жизни, создавая массивную богемную сцену и систему поддержки.

---

¹ Цитируется Out Here Берта Шонберга и Ледрю Шупмана Бейкера III.
Copyright © 2001 Ледрю Шупман Бейкер III.

Квартира Кэмерон на 49-й Уэйвкрест Авеню, Венеция. Так она выглядит сегодня (Фотография сделана автором).

Отчаянно пытаясь снова вернуться в жизнь Кэмерон и Кристалл, Шерри совершал все более безрассудные и жестокие попытки. Чаще всего его жестокость была обращена на самого себя, так, он пытался эмоционально шантажировать жену угрозами самоубийства. Период Рождества оказался особенно трудным для него. Это было не только традиционное время года, чтобы собраться всей семьей, но в это время также отмечали день рождения Кристалл. После того как Кэмерон отказала ему в намерении видиться с дочерью в том году, Шерри принял слишком большую дозу и был доставлен в больницу, где ему сделали промывание желудка и извлекли 60 или около того таблеток антидепрессантов, которые он проглотил. Его отпустили часов восемь спустя, только чтобы найти висящим на карнизе крыши своего дома, на бульваре Сансет.

От прыжка его остановил храбрый полицейский и этот грустный, печальный рассказ, состряпанный газетами, транслировался в местных телевизионных новостях. Газета «Эксперт Лос Анжелеса» выпустила эту историю под заголовком

«Уловка полицейского предотвратила самоубийство. Писателя спасают второй раз за последние 8 часов». В статье, искаженной ошибкой факта, Шерри был объявлен как «писатель-фантаст Шеридан Киннел, 24» (так в оригинале) и дальше отрывок статьи пояснял, как сотрудник полиции Дональд Е. Дэвис, 28, отправился в его квартиру 4012 на Бульваре Сансет, в ответ на звонок Шерри, который он сделал по междугородней телефонной связи, объявив о своем намерении покончить жизнь самоубийством.

По словам офицера Дэвиса: «Киннел (так в оригинале) встретил меня в дверях и сказал мне, что его сосед по комнате был болен, но, когда я вошел внутрь, он пронесся мимо меня и побежал на крышу». Офицер нашел Шерри балансирующим на выступе, держащегося за резной орнамент фасада. Пытаясь задобрить его, офицер предложил ему сигарету. «Я подвинулся к нему так близко, насколько отважился» — объяснил Дэвис. «И когда он взял сигарету, я начал зажигать для него спички, медленно тянулся к нему, пока, как мне показалось огонь не начал жечь мне пальцы». После нескольких неудачных попыток, храброму офицеру, в конце концов, удалось оттащить Шерри от края уступа на безопасное расстояние. Прежде, чем он был возвращен в Центральную приемную больницу, уже во второй раз за тот день, Шерри признался журналистам, что был «сильно подавленным, из-за того, что его бывшая жена Марджори отказала в праве видеться с дочерью Кристи (так в оригинале), которой на Рождество исполнилось пять лет (так в оригинале)». Статья сделала вывод: «Киннел, ветеран корейской войны с серебряной пластиной в голове (так в оригинале), будет направлен в Сотельский Госпиталь для ветеранов 17 января для психиатрического обследования и лечения».

В сопроводительной фотографии были изображены двое мужчин. Шерри, выглядевший опасно красивым, совсем по-керуакски, напряженно глядя в объектив камеры, когда его вели из отеля, а свежее лицо офицера Дэвиса глядит в сторону, позируя с записной книжкой в руке, он делает вид, что намеревается записать этот инцидент.

«Шерри был одной из тех штуковин, в которые мы не могли поверить» — рассказывает Чарльз Бриттин. «Мы переводили

дыхание каждый раз, когда он выходил из психиатрической больницы для ветеранов в Лос-Анджелесе, опасаясь, что что-то страшное может произойти. Мы чувствовали, что эта пара не должна быть вместе, но их что-то притягивало друг к другу. Они каким-то образом нуждались друг в друге. Люди просто думали, что это было что-то очень плохое».

Позже Шерри рассказал совсем другую историю своему племяннику Неду Уинну, утверждая, что он инсценировал эту историю с самоубийством, и что на самом деле он пошел на крышу, чтобы спрятать свой тайник с таблетками за кирпичами в дымовой трубе, опасаясь, что полицейские будут обыскивать его дом. «Дядя Шерри рассказал мне, что он грозился прыгнуть с крыши, чтобы они не нашли таблетки амфетамина, и вместо того, чтобы идти в тюрьму отправился в больницу для обследования. Я помню, как он говорил: „Я не знаю, что хуже, клетки, полные пьяных и озлобленных, или комната, полная парней, которые думают, что они Студебеккеры“.» В подтверждение этой версии событий Нед Уинн признается: «Через несколько дней после того как он вышел из больницы, мы с ним заторчали с теми самыми таблетками».

Анита Паули была подругой Кэмерон, красивой экс-моделью, которая держала небольшой магазин предметов искусства на Ларчмонт-бульваре, где продавала ювелирные украшения, свечи и предметы искусства на условиях консигнации.

«Анита предпочитала выставлять индивидуальные произведения искусства, маленькие скульптуры, рисунки, акварели и живопись» — объясняет Чарльз Бриттин. «Когда она посещала кого-то и видела то, что ей нравилось, она могла сказать: „Я могла бы выставить это“ или „Вы бы хотели, чтобы я попыталась это продать?“ с намерением, позволяющим художникам дать людям шанс увидеть их работы».

В августе 1961, она решила поместить на выставку картины и рисунки Кэмерон. Для рекламы этого шоу, Кэмерон разработала плакат, состоящий из нарисованной чернилами бесплотной руки, жуткого напоминания об отрубленной конечности Джека, похожей на то, что может быть истолковано как фрагмент падающей звезды.

«Это была великолепная выставка» — вспоминает Бриттин. «Работы Кэмерон были продемонстрированы очень эффектно.

Policeman's Ruse Foils Death Try

Writer Saved 2nd Time in 8 Hours

A phone call and a final tip saved the writer Sherwin Kinnel's second suicide attempt in eight hours Monday.

Kinnel, 35, called long distance to his operator at the apartment.

The operator from Police Officer David M. Davis, who tried to stay Kinnel from hanging three hours before he was arrested.

Davis, 34, said he and Kinnel's apartment at 4013 Sunset Blvd. after the long distance operator relayed the dangerous writer's suicide attempt, told the story this way.

"I was sent to the building because Kinnel had called the long distance telephone operator and told her he was going to commit suicide. At the apartment Kinnel was in a bad mood.

"He told me his throat was sore, but when I went in he swept passed me and went up to the roof."

On the roof, Davis said Kinnel had a knife and a small box, but no obvious means.

"I got a chance for him as I went and offered him a cigarette. When he took it I started a light match for him, leading toward him as I talked to him over the match and burning up fingers," Davis said.

After two minutes, Kinnel said he would go down to the judge and pulled him away from the ledge.

HIS DEATH TRY THWARTED, SHERWIN KINNEL TRIES SOME THINKING. Officer David Davis, who prevented Kinnel from leaping, prepares report.

was rushed to Hollywood. He presented because his estranged wife, Marjorie, had returned hours before. He had taken his permission to see their daughter, who was 10 years old Christmas day.

Kinnel's Kinnel was arrested with a silver knife in his hand, is scheduled to report to State's Attorney Alexander January 17 for psychiatric evaluation.

Газетная статья LA Examiner и хроника попытки самоубийства Шерри

Было много мелких работ, в основном тушь, и несколько работ, с легкими акварельными тонами к ним».

Невезение, казалось, преследовало Кэмерон, когда пришло время выставлять свои работы, и на этот раз показ был омрачен после того, как четыре из ее рисунков были украдены.

Пока одни продолжали считать ее богиней и ведьмовской художницей, другие, чета Бриттинов, были посвящены в более

приземленную сторону жизни Кэмерон, то, как мать-одиночка пытается свести концы с концами.

Чарльз Бриттин: «Кэмерон отчаянно нуждалась в общении, и я думаю, что она, казалось, хотела просто нормального общения, она не хотела больше пускания пыли в глаза. Когда она приходила к нам, то просто хотела выпить чашку кофе с печеньем и поговорить о том, как растет ее ребенок. Она знала, что я возвращался в мире искусства, поэтому нам не было нужды говорить об искусстве, мы могли просто душевно друг друга поддерживать. Она была милым человеком и великой личностью, а не такой, как некоторые из ее друзей хотели бы ее представить. Они хотели видеть ее такой, какой она, возможно, была на определенных этапах своей жизни, будучи Богиней и практикуя черную магию, более рискованной, более вредоносной, нам повезло, что мы не видели эту ее сторону. Тогда она не была сколько-нибудь гламурной, одевалась небрежно и не использовала макияж. Часто она была немного истощенной, с суровым взглядом, и это было чудесно. Она не была кокетливой и не пыталась позерствовать. Я уверен, что она могла утверждать свою личность. Конечно, в Ночном Приливе вы видите ее играющей свою роль, и вы можете убедиться, что она умеет это делать. Но мы были ближе к ней в ее повседневной жизни».

Кем-то новым, кто также стал вовлеченным в семейную жизнь Кэмерон в то время, была Джоан Мартин. В один день, возвращаясь, чтобы забрать свою дочь Джесси из надзорной игровой площадки на Венис-Бич, Мартин нашла своих отпрысков в компании Кэмерон и Кристалл, которые были задержаны полицией за побег.

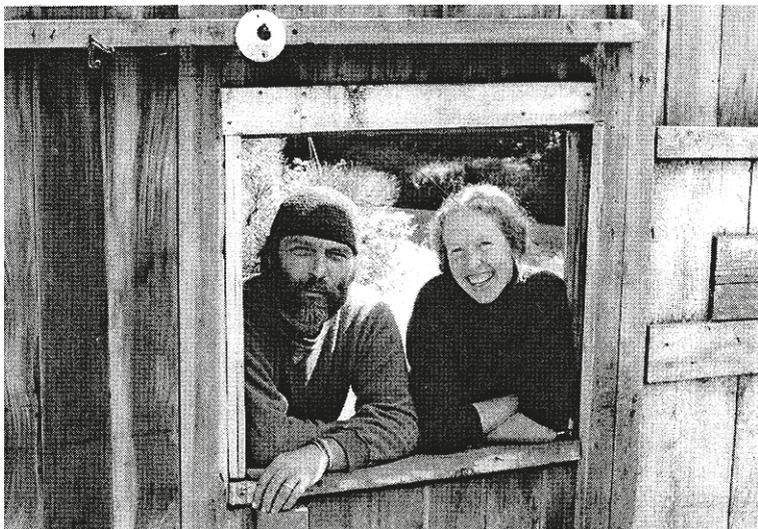
«Я пошла на прогулку с художником Фредом Мейсоном и когда мы подошли там были эти полицейские с Кэмерон и нашими дочерьми. Кэмерон думала, что это было все смешно и очень значимо. У нас были дочери примерно одного возраста, и прямо там и тогда мы стали друзьями. Кристалл была своенравной и делала так, как ей заблагорассудится. Она не хотела ходить в школу и Кэмерон призналась, что не знала, что с ней делать. Она полущутя называла ее „пост-ученый“, и свято верила в то, что детям нужно давать волю».

В то время как Джоан Мартин наслаждалась дружбой с Кэмерон, основанной на их общих интересах в семейной жизни, ее муж художник Дон Мартин был связан с Кэмерон как коллега-художник.

«Кэмерон считала Дона одним из своих учителей. Они разговаривали об искусстве. Со мной она обсуждала бытовые вопросы, как женщина и мать. Это было как „Гертруда Стайн и Алиса Б. Токлас“, когда Алиса не имела возможности поговорить с интересной знаменитостью. Наши отношения были разновидностью социальных. Кэмерон владела Таро и астрологией и была посвящена в учение Кроули. Она заговаривала с Доном о Кроули, но тот ему не нравился. Он думал, что это только для седовласых старушек. Я думаю, что Кэмерон хотела бы добиться расположения Дона и в этом. Если Кэмерон была заинтересована в ком-то, она действовала. Это было все очень про „любовь в соответствии с волей“, ха-ха. У нее была очень активная социальная жизнь и репутация „О, ведьма, ведьма“ — поговаривали люди, но наши отношения основывались на том аспекте ее жизни, которая была за пределами той публичной персоны, которую она демонстрировала. Дон и я были для нее отдыхом от всего этого. Дон поговаривал, что „В душе Кэмерон была девушкой с фермы“. Я находила ее интересной и щедрой и любила быть с ней и разговаривать. Мы приятно проводили время вместе, и это была такая дружба, где мы могли всегда начать с того места, где остановились. Кэмерон и моя дочь Рэйчел тоже были очень привязаны друг к другу».

Хотя можно сказать, что любовь Кэмерон не распространилась на большинство других художников и поэтов Венеции. «Единственными венецианцами, которые еще нравились Кэмерон, были Фред Мейсон и Дон» — подтверждает Джоан Мартин. «Она не могла выносить Стюарта Перкофа и других, так как считала их идиотами. Мы с Перкофым были очень близки, и я не понимаю, почему Кэмерон не интересовалась им — может быть, потому, что их компания принимала тяжелые наркотики».

В то время среди поэтов Венеции действительно существовали два противоположных лагеря. Мистики против лесорубов, но Джоан Мартин сомневалась в том, что у них было хоть что-то

*Дон и Джоан Мартин: «Кэмерон считала Дона одним из своих учителей».
(Любезно предоставлено из личной коллекции Джоан Гилберт Мартин).*

общее с ними, так как ее муж Дон был сыном шахтера, так что если уж на то пошло, то он принадлежал к лесорубам.

По мнению другой подруги, Марши Гетцлер, антипатия Кэмерон к поэтам Венеции могла иметь место еще и потому, что она находила их «слишком безвкусными и кричащими, или, мы бы посмели даже сказать, неотесанными». И даже в этом она была не единственной, кто так считал в то время. Айя также мигрировала в направлении к обществу Венеции и у нее тоже было мало времени на «хор мальчиков из поэтов». «Стюарт был нахальным Львом и не так, чтобы приятным, и то, что они должны были сказать, не говорилось для меня, и я думаю, не для нее тоже. Он был замечательным поэтом, и сейчас я это понимаю, но тогда он не принадлежал к нашему кругу целеустремленных метафизиков».

Одной из причин враждебности Кэмерон по отношению к Перкофу, возможно, была заметка, которую он написал на Алистера Кроули, и опубликовал в «Mendicant» («Просящий милостыню»). Основываясь на его дневниках, поэт, казалось, заикнулся на предположении, что Кроули был воплощением

ЗЛА. Прочитав биографию Великого Зверя Джона Саймондса, Перкоф признался, что иногда чувствовал то же самое ЗЛО внутри себя и т.д. Так что, вполне возможно, Кэмерон могла принять подобные высказывания за оскорбление и чувствовала, что поэт не был достаточно компетентен, чтобы рассуждать на эту тему.

После очередного пребывания в психиатрическом госпитале для ветеранов, Шерри ненадолго вернулся в жизнь Кэмерон. Однажды она привела его на встречу с Джоан Мартин, которую восхитило, какой эффект произвел Шерри на ее детей: «Моя старшая дочь обожала его. Она просто сидела на полу, не отрывая от него глаз».

Мартин заметил, насколько напряженными чувствовали себя Кэмерон и Шерри в компании друг друга, и уловил сильное сексуальное влечение между ними, хотя они и не держались за руки и не обнимались. Примерно в то же время Нед Уинн также встретил эту пару и был первоначально поражен Кэмерон: «Я нашел ее красивой и чарующей». Но он не мог не увидеть проблемы в поведении маленькой Кристалл: «Хотя я был еще довольно молод в то время, интуитивно я знал, что у Кристалл будет беспокойная жизнь. Всего минуту Шерри рассказывал мне о ней, но я уже представлял: бедная маленькая девочка. Кэмерон была неспособной нормально воспитывать ребенка, и Шерри тоже. Хотя он мог любить ее до безумия, он никогда не мог быть достаточно сильным и прямолинейным — завязавшим достаточно давно, чтобы внести существенный вклад в воспитание дочери».

Для Кристалл Шерри был непредсказуемым, в один момент с ним все в порядке, а в следующий он уже выбрасывает ее пожитки в канал Венеции. По прошествии лет ей дали понять, что он не был ее настоящим отцом, так как ее Мать пыталась вселить в ней уверенность, что в духовном смысле ее настоящим отцом был Джек Парсонс. Одна причудливая история даже имела место, когда Кэмерон ехала за рулем со своей дочерью на юг Оранж Гроув и, указывая на дерево на территории 1003, сказала символически: «Это твой отец».

Когда Шерри понял, что у него не было никакого шанса на возобновление нормальных отношений, и они останутся

каждый сам по себе, он вернулся во Флориду, угрожая покончить жизнь самоубийством.

«Ответом Кэмерон было „Давай, действуй“, — вспоминает Мартин. «Он уже много раз пытался это сделать».

В то время как Кэмерон снималась в кино под влиянием новой французской волны, Кеннет Энгер изнывал в Париже, стараясь изо всех сил получить ряд кинопроектов и начать действовать, в том числе воплотить в жизнь свою собственную версию «Истории О» («Story of O»). Когда они не смогли получить зеленый свет, он решил подорвать шоу-бизнес, распуская слухи о некоторых самых больших звездах Голливуда, и объединил их вместе в щекочущий нервы справочник Голливудский Вавилон. На такое название его отчасти вдохновила Кэмерон, и книга была посвящена ей как «Багряной Жене». Энгер надеялся, что книга поможет ему вытащить себя из ямы безденежья, и в ближайшие годы это случилось, став следствием производства бестселлера, также став его визитной карточкой, как и его собственные фильмы. В то время в голове у него все стояло с ног на голову, и после перенесенного эмоционального срыва, он оказался на восстановлении в парижской психушке.

Оттуда он написал Кэмерон, поведав о своем затруднительном положении, и хотя она отчаянно хотела поехать к нему, у нее не было средств оплатить дорогу. В своем ответном письме Кэмерон размышляла о том, что она могла бы избежать так много неразберихи и страданий на протяжении многих лет, если бы только присоединилась к нему в Европе в период до рождения Кристалл и обнаружила, что ее дочь была зачата в той же самой спальне, где Энгер спал, когда он проживал в доме Де Бриера. Кэмерон предвидела, что свои жизни они проживут бок о бок, но сомневалась, что ей стоит покидать Лос-Анджелес, потому что ее большая работа была сосредоточена именно там. Метафизически она недавно достигла Бины на каббалистическом Древе жизни, эта Сефирот отождествляется с Бабалон, и свидетельствует о достижении рационального понимания и силы любви. Кэмерон чувствовала, что было большой редкостью, чтобы женщина достигла такого высокого духовного статуса, и призналась, что она, возможно, достигла своего предела, и вероятно будет не в состоянии прогрессировать

дальше. В то время она проводила ритуалы в пустыне с применением пейота вместе с двумя последними учениками, парнем, который был известен под именем Анкх, и Лизой Вебстер, молодым дизайнером одежды, увлеченной египтологией. Она все так же предвещала апокалипсис Бабалон и предполагала, что Лос Анжелес является эпицентром Армагеддона. В ответ на мольбы режиссера и попытки ее растрогать, Кэмерон отправила ему карандашный рисунок черной крылатой маски парящей перед разверзшейся бездной, а затем в следующем месяце, два стихотворения в прозе, над которыми она работала, которые оба казалось, были посвящены минувшей любви. Первое посвящено ее духовной крестной матери Джейн Вулф, второе под названием: Знание о Нем мучает меня — посвящено Джеку. Название сказало все за себя.

Одиннадцать месяцев спустя, после восьми лет работы в изгнании в Европе, Кеннет Энгер вернулся в Америку в январе 1962 года. Кэмерон была в восторге, узнав о его возвращении на родину и встретила его в аэропорту, она была почти неузнаваемой для него, так как снова остригла волосы. Ему снова предоставили ее квартиру Гребень волны, которую он называл бухтой ведьм. После акклиматизации Энгер пришел в уныние, в полной мере осознав, сколько драгоценного наследия Джека было утеряно и уничтожено за эти годы. Как хороший архивариус, он начал делать инвентаризацию сохранившихся остатков, радуясь, что некоторые из магических атрибутов Джека, как и его магический жезл и кинжал все еще были сохранены. Библиотека Джека, однако, теперь сводилась к менее чем десятку книг, и со временем Энгер раскошелился на кругленькую сумму, спасая некоторые из пропавших драгоценных изданий из местных книжных магазинов. Амулет Кэмерон исчез бесследно, а однажды во время визита к Самсону Де Бриеру, Энгер узнал, что она разорвала письма и рукописи Джека, но некоторые из них Де Бриер смог выгадать из мусорной корзины у нее за спиной. К сожалению, другие части были сожжены и утеряны навсегда.

Положительным моментом было то, что стихи Джека Песни Ведьме уцелели, и Кэмерон поделилась ими и сопровождающими эти песни своими рисунками с Энгером. Она показывала их также поэту Робинсону Джефферсу, который, в частности,

*Кэмерон с ученицей Лизой Вебстер слева и неизвестным человеком справа.
Голливуд, около 1961 (предоставлено из личной коллекции Джоан Уитни).*

выделил стихотворение Merlin как утонченную работу. Приближаясь к десятилетнему юбилею смерти Джека, Кэмерон все еще ощущала в своей жизни его постоянное присутствие, и Энгер был потрясен одной из ее последних работ «Темный Ангел» («Dark Angel»), великолепным портретом окрыленного, с развевающимися волосами, задумчивого Белариона.

Отрицательный момент заключается в том, что Кэмерон теперь предавалась какому-то поразительному ревизионизму относительно ее отношений с первым мужем, что потрясло Энгера. Во время длительных внутренних диалогов, что в основном происходило в предрассветные часы утра, у Кэмерон вновь усилилась ее убежденность в том, что Джек

является ее создателем, но теперь добавился новый поворот, и как она ощущала, он, в конечном счете, хотел уничтожить свое творение. Энгер был хорошо осведомлен о комплексе Жанны д'Арк у Кэмерон, и веры в то, что в прошлой жизни она была сожжена на костре в Испании как ведьма. Даже до сих пор, если следовать ее утверждениям, что Джек хотел сжечь ее заживо, затрагивало его до глубины души. Хотя Кэмерон казалась абсолютно серьезной в том, что говорила, Энгер подозревал, что это было одной из ее фантазий влечения к смерти. Тем не менее, он вспомнил, что намеки на нечто подобное он прочитал в стихотворении Джека «Желание» («Desire»). Кэмерон рассказала ему о том, что подобную угрозу быть уничтоженной во время пожара она почувствовала, когда она и Джек проводили время в горной деревне в Сан-Мигель, за четыре месяца до его смерти. Там она описала крест на вершине холма, где местные жители некогда сжигали ведьм, и рассказала, как жители начали делать знак креста, когда она появилась на улице, даже бросали в нее камни, пока местные власти окончательно не попросили ее уехать. Она похвасталась, что все это помогло ей создать там легенду. Это чувство самопожертвования и предчувствие быть заживо сожженной, казалось, вибрирует от самого существования Кэмерон, и Джон Гилмор говорил о том, как она напомнила ему одну из жертв в цитате Арто, «сгорая на костре, свидетельствуя сквозь пламя».

Позже, когда речь зашла о собственных бессмысленных актах уничтожения Кэмерон, в частности, в отношении магических работ Джека и собственного искусства, Энгер отметил двойственность в отношении ее чувств к своему покойному мужу, любви и уважения к нему в один момент и абсолютно реальное ощущение страха и ненависти по отношению к нему в другой. Относительно фотографического портрета Джека, например, Кэмерон призналась, что после его смерти, она обнаружила, что проводит многие часы, глядя на гипнотическое изображение, пока голос Джека не начинал многократно повторять приказ сжечь его.

Несмотря на все это, Энгер призвал ее к ответу за уничтожение собственных полотен, называя подобные действия преступными, но Кэмерон беззаботно хлопала в ответ глазами,

признавая, что, да, она была виновной во всех этих преступлениях. Оправдывая свои деяния, она утверждала, что все ее произведения были священными талисманами, существующими на астральном плане, и доступными для тех, кто может постичь их. Энгер парировал, настаивая, что это был, тем не менее, эгоистичный поступок, и обвинил ее в том, что она лишает его и других красоты и посланий, которые исходят от ее работ. При этом, Кэмерон, казалось, расстраивалась и уходила в себя, объясняя, что это был совсем другой человек, который сжег ее работы, ссылаясь на Иллариона, свое магическое альтер-эго.

***

Учитывая то, что Кэмерон и Энгер оба были легко-возбудимыми, эмоционально неустойчивыми художниками, их совместная жизнь была беспечной на протяжении нескольких месяцев. Отвергнутые своими семьями, они обнаружили, что нашли утешение друг в друге, пока невыраженное сексуальное напряжение не начало проявлять свою уродливую сторону. Стало ясно, что Кэмерон влюбилась в Энгера, и имела виды на романтические отношения. Можно было подумать, что она не знала на примере Ренаты Друкс и Пола Мэтисона, что было бесперспективно втрескаться в гей-парня, и такая идея была обречена на провал. В любом случае, все дошло до критической стадии однажды ночью, когда Энгер подцепил хорошенького мальчика-блондина на улицах Венеции и притащил его домой. 19-летний был охотником на скорпионов, известным под именем Маленький Принц, и с его веснушками и чертами эльфа, в нем просвечивалось поразительное сходство с Кэмерон. Энгер утверждал, что он призвал этого юного элемента магическим образом, и удивительной была синхрония между именем мальчика, и тем фактом, что ранее в тот же день они купили книгу для Кристалл с мистической сказкой Антуана де Сент-Экзюпери Маленький принц. При виде их двоих вместе, Кэмерон, обуянная порывом ревности, налетела на Энгера, разрывая его одежду. Собрав свои вещи, Энгер ушел вместе с мальчиком, сев в автобус в направлении пустыни, где они приняли участие в сексуальном магическом ритуале Делания Марса,

чью кульминацию Энгер увязал с ослепительным метеоритным дождем, который обрушился на Нью-Мексико.

В то время как Энгер переехал от Де Бриера вниз по улице на Бартон Авеню, Кэмерон уехала из Венеции в пустыню, взяв шестимесячный творческий отпуск. Она вернулась в Сьерра-Мадре в Пасадену весной 1963 года и некоторое время пожила у своей матери, ее отец умер в ноябре предыдущего года, ветеран и сотрудник JPL, ныне поглощенной НАСА.

Той же осенью ушел из жизни Карл Гермер, а в следующем мае Кэмерон в письме обратилась к его вдове Саше с просьбой похоронить прах Джека в земле поместья Гермера в Вест-Пойнте, Северной Калифорнии. Там, как она надеялась, он смог бы обрести вечный покой рядом с Карлом Гермером, Джейн Вульф, и даже самим Кроули, тогда она и не подозревала, что прах Великого Зверя на самом деле был похоронен в саду бывшего поместья Гермера в Нью-Джерси. Ее просьба была должным образом рассмотрена, но не исполнена, и Кэмерон, в конечном итоге рассеет пепел Джека над своей любимой пустыней Мохава.

После долгих лет, проведенных в собирании материалов о ней от третьих лиц, таких как Карл Гермер и Кеннет Энгер, архивариус Кроули Джеральд Йорк, наконец, начал личную переписку с Кэмерон. Хотя Телема давно утратила статус его избранного пути, он был заинтересован в привлечении ее к участию в Работе Бабалон и спрашивал, верила ли она все еще в то, что Бабалон проявилась в ней. Ответ Кэмерон был отчасти афористичным, но, обрисовывая дугу, которую выписала ее магическая жизнь, она призналась, что изначально испытывала сопротивление тому пути, для которого была предназначена и утверждала, что это она сыграла решающую роль в отдалении Джека от Ложи Агапэ (Агаре Lodge) из-за того что у нее было недоверие ко всем религиям. Тем не менее, благодаря магическим инструкциям Джека на протяжении их брака, она начала проявлять признаки того, что именно ей предназначено проявить пророчество Бабалон, и достигла той точки, где у нее уже не осталось никаких сомнений в том, какую позицию в Телемитской иерархии она теперь занимала. К примеру, она сослалась на древнее, каббалистическое имя Бога Яхве, приписывая каждой из четырех букв Тетраграмматона (YHWH) следующие значения: Кроули представлен как

ЙОД-отец, Лия Хирзиг ХЕ — мать, Джек означал ВАУ-сын, а она символизирует ХЕ-дочь.

К лету Кэмерон искупила свою вину перед Энгером и обратилась с просьбой поспособствовать в реализации их давнего плана организовать выставку ее работ в Париже и Лондоне. Она снова была поглощена живописью и работала ночи напролет, у нее был период подъема.

«Черное яйцо» («The Black Egg») был жутко-прекрасный автопортрет, в котором тощая и колдовская Кэмерон, одетая в белые одежды, держит в руках черное яйцо как Евхаристию. Затемненные глаза усилили призрачный образ, но были прорисованы уже после того, как Кристалл покрасила глаза на портрете губной помадой. Изображение, казалось, окутано символизмом, яйцо, означающее душу, и черное яйцо, представляющее очень редкое, особое состояние.

Композиция «Демоническое Видение» («Demonic Vision»), изображающая голову тигра, явствовала из того, что проявилось в результате разлива чернил, его нос формировался в длинную шею с пустыми глазами жрицы вуду. В то время как другой автопортрет изображает Кэмерон, как Мать-Землю, кормящую ребенка грудью, это было иронично, так как она никогда не кормила Кристалл грудью в реальной жизни.

Кэмерон также, казалось, впитала некоторые влияния от своих друзей-художников, таких как Джордж Хермс. «Кристал», утонченное изображение дочери в виде элементарного духа, было написано на снятой дверной панели, придавая ей ощущение, если не внешний вид композиции искусства. Она также экспериментировала с коллажами и подарила Джоан Мартин одну композицию, состоящую из фрагмента скелета руки от другой большей работы, помещенного на абстрактном фоне и покрытого слоем золотой и серебряной фольги.

Журнал «Семина 8», изданный в том году, разместил стихотворение Кэмерон и карандашный рисунок Сфинкса с сиськами, который, возможно, был именно тем самым, который она отдала Неду Уину: «Это было существо, подобное Сфинксу и называлось „Ее“ или „Она“, или что-то подобное. Оно было невероятным», вспоминает он. Даже тогда, когда произведения искусства, созданные Кэмерон уже больше ей не принадлежали

или были передарены другими людьми, они все еще обладали странной привычкой исчезать или разрушаться, и это произошло снова с одной картиной, которую она подарила мужу своей племянницы.

Кэмерон все также вдохновляла тех, кто находился в ее окружении. Изданный выпуск Боба Александра Baza Press опубликовал сборник стихов Айи «Метки Аши» («Marks of Asha»), куда вошло стихотворение, «Заметки Между Мирами», посвященное ее другу.

Околдованная ведьма, эта жизнь преследует себя,
Следя уголками собственных безумных глаз.²

Александр, ныне известный как преподобный Боб, основал Храм Мужчины (Temple Of Man), несектантское святилище, где поэзия встретилась с музыкой, духовностью, искусством. Наряду со многими друзьями Кэмерон была посвященной в этом Храме, и как уже стало обычаем, выделила некоторые из своих картин, чтобы они заняли в нем свое место.³

---

² Цитата из «Записки между мирами», предоставлено Айей.

³ Дэвид Мельцер о происхождении Храма Мужчины: «По рассказам, Боб Александр гулял по Макалистер-стрит в центре Сан-Франциско, в котором, в начале 60-х, было много сувенирных магазинов, и он шел мимо одной из этих лавок, и Черный Человек вышел и сказал: «Вы один», и Боб немного заикаясь, ответил: «О, да» и тогда мужчина сказал «Следуй за мной», этот старый негр повел его к задней части магазина и, видимо, он был рукоположенным священником в штате Калифорния, который не имел никого, кому было передать свое служение, и он сказал: «Я вижу это в вас» и Боб никогда бы от этого не отказался, ха-ха-ха. И этот человек действительно предопределил его на это служение. Он дал ему лицензию и все такое, и как выяснилось, это были совершенно законные и обязательные документы для штата Калифорния. И Боб, особенно в свои маниакальные периоды, делал сразу все, что ему нужно было, вышел и приобрел себе белые штаны, белый пасторский воротник, и начал совершать богослужения всерьез для таких людей, как наркоманы из Норт-Бич, посещал больницы скорой помощи, и на самом деле принял эту роль вполне серьезно. Джазовый и культурный критик Ральф Глисон написал статью об этом преподобном Бобе, ходящем по улицам и заботящемся о людях, и как

Той зимой она участвовала в телевизионном пресс-интервью о черной магии, которое обернулось неудачей, когда журналист начал посмеиваться над этим. Она упрекала себя за тот негативный опыт, приписав его собственной наивности. На той же неделе Time Magazine в разделе «Религия» опубликовал статью на тему ЛСД, изображая двух инакомыслящих Гарвардских профессоров Тимоти Лири и Ричарда Альперта, чьи эксперименты с псилоцибиновыми грибами и ЛСД на своих студентах-добровольцах, вызвали осуждение со стороны факультета. Альперт был впоследствии уволен, а Лири ушел сам, чтобы продолжать заниматься этим новым захватывающим, эволюционным открытием, и, увлекая за собой всех основных визионеров-битников, летом 1963 года он перенес свою резиденцию в Сиуатанехо, Мексика. Как выяснилось, Кэмерон путешествовала по тому же району Мексики в тот же период и сожалела, что не присоединилась к Лири в то время. Ее бойфренд Берт лирически описал свои экстатические переживания с ЛСД, теперь Кэмерон с нетерпением ждала, когда же она сможет получить в свои руки новый чудо-препарат.

Реальность была таковой, что она не могла себе позволить даже шмаль. Жизнь за чертой бедности предоставляет неограниченную свободу, но социальное обеспечение простирается не слишком далеко, и она была вынуждена продать кельтскую арфу, на которой училась играть. Кэмерон уже давно приписали изречение Джозефа Кэмпбелла о том, что «человек, который

он чистил их сущности, и Боб был по-настоящему на высоте в этом всю свою жизнь. Затем постепенно он начал рукополагать других, поэтов, художников и музыкантов, делал ритуальные обряды, такие как брак, и с юридической точки зрения у него была возможность хоронить и консультировать и так далее. Затем он вернулся в Венецию и купил этот большой дом, который стал официальным Храмом Мужчины, и художники жертвовали ему картины. Он был действительно великолепным организатором, реальным заводилой. Он мог делать все это. Это всегда поражало меня. Я помню, как на него работал в качестве управляющего книжным складом в его доме, и он обладал такой харизмой, что каждый хотел работать на него. Боб подумал, что было бы здорово иметь художников и поэтов, рукоположенных, как и я, Кэмерон и Айя».

устраивается на работу, для того чтобы заработать себе на жизнь — то есть ради денег, — превращается в раба», и после ухода из военно-морского флота она уже никогда не держалась за работу. Но чтобы снова подключить электричество, ей пришлось подрабатывать на Рождество, выставляя товары в витрине универмага Баллок, делая ту же работу, какую ей приходилось делать в Дэвенпорте, будучи подростком. Эта радикальная перемена вызвала у нее такое потрясение в системе ценностей, что она свалилась с гриппом.

На Новый год, Кэмерон и Кристалл уехали из Венеции на другой конец города на Сильверлэйк-бульвар, где у Энгера была квартира на втором этаже. Во время совместного проживания их симбиотические отношения, по некоторым сведениям, достигли новых сюрреалистических высот, когда они начали экспериментировать с таблетками гормонов. Кэмерон глотала мужские гормоны, а Энгер — женские в странной попытке стать друг другом. У них было предположение, что эта новая система жизнеустройства, если они будут действовать вместе, поможет реализовать их отношения, и даже если это так, то скоро это закончилось, едва начавшись, так как Энгер переехал в Нью-Йорк, оставив Кэмерон утешать себя тем, что позволил ей носить свои черные кожаные штаны.

Смерть Карла Гермера оставила вакуум в сердцевине ОТО, и без непосредственного преемника орден Кроули останется без лидера в подвешенном состоянии на долгие годы. В то же время, Кэмерон и Энгер продолжали нести Символ Веры Телемы дальше, распространяя идеи Кроули на протяжении всей жизни и работы. Последнее подношение Энгера, «Восхождение Скорпиона» («Scorpio Rising»), безобразно сочетало ритуалы компании байкеров Кони-Айленда с дерзким, популярным саундтреком, что по иронии судьбы подорвало мужской шовинизм. Задуманный Энгером, как Телемитской гимн свободе, он почти стал прорывным фильмом.⁴

---

⁴ Сочетание поп-музыки и мятежности, созданное Энгером, имело плодотворное влияние на молодых студентов-кинематографистов, как Мартина Скорсезе и Дэвида Линча, и приведет культурного критика Сьюзен Зонтаг к

Безжизненные ответы на свои работы от некоторых стареющих последователей Кроули, чье одобрение он стремился получить больше всего, оставили Энгера разочарованным, однако, в конце концов, дойдя до предела, он провозгласил их всех предателями Телемы. Тогда еще в Лос-Анджелесе, он предсказал их развал, требуя освободить место для новых молодых львов, способных заменить их. В тот же день, когда Энгер изрек свое пророчество 3 октября 1964 года, в кинотеатре было продемонстрировано Трансцендентное искусство Кэмерон, как часть серии их фильмов «Кино около полуночи». В холле были представлены на продажу репродукции последних работ Кэмерон, сброшюрованное издание, содержащее ее мрачно-готическую поэму «Черное паломничество» («Black Pilgrimage»). Выпущенная издательством База Пресс, книга отличалась цветной обложкой из потрепанного в клочья крыла, а внутри страницы были заполнены мотивами Хэллоуина в виде разбрызганных чернил, таких как Темный Ангел смерти, размашисто нарисованный кот, распятая ведьма и летучая мышь-вампир. Еще раз Кэмерон воспользовалась трудами покойного мужа, присвоив себе заголовок стихотворения Джека из Книги Второй из трактата «Манифест Антихриста» («Manifesto of the Antichrist»).

В должное время, в колдовской час, ночь началась с того, что Кэмерон декламировала из своих магических дневников, сидя в будке киномеханика, а 35-миллиметровые слайды ее картин были спроектированы на экран. После перерыва, демонстрацию фильмов она начала с картины Эда Тейлора «Ярмарочное торжище на улицах города Сан-Франциско», потом «Звезда Полярный», далее были показаны клипы Кэмерон из фильма «Ночной прилив». Полный показ «Открытия храма наслаждений» был задуман, чтобы привести мероприятие к эффектному завершению, но то, что обещало быть волшебным вечером, превратилось в нечто неприглядное, когда Энгер

посвящению Энгера в статус «лучшего режиссера в Америке того времени».

Этому фильму будет позднее приписана роль в создании музыкального поп-видео пространства, а впоследствии приведет и к тому, что Энгера станут считать крестным отцом MTV.

появился в боевом настроении, в окружении двух головорезов и потребовал прекратить показ, угрожая разбирательствами, так как кинотеатр устроил показ фильма без его разрешения.

Кертис Харрингтон: «У Пола Мэтисона была копия фильма, я не знаю, как она к нему попала, они хотели сделать вечер и показать „Дом наслаждений“ в честь Кэмерон. Кеннет Энгер был в своем обычном состоянии истерии и утверждал, что „Пол украл его и не имел права показывать фильм, но это было для Кэмерон, ты же знаешь, это не было для Пола, это не было для меня“».

Документально подтверждено, что одна треть фильма «Торжественное открытие храма наслаждений» («Pleasure Dome») принадлежит другой исполнительнице, Кэти Кэддл, так что вполне возможно, что Мэтисон попросил разрешения скульптора заимствовать копию фильма. Харрингтон рассказывает, что произошло дальше: «Кэмерон находилась в проекторской будке кинотеатра, потому что собиралась продолжить читать выдержки из своих магических дневников под музыкальное сопровождение фонограммы, а Кеннет Энгер прибыл с парой головорезов и ворвался в кабинку. У них были ножи, и один из них держал нож у горла Кэмерон, сцена была ужасной, и кто-то позвонил в полицию. Так случилось, что я оказался там с парой моих друзей-футболистов из Айовы, и, наверное, последняя вещь в этом мире, чего я ожидал, это было попросить их: „Послушайте, ребята, лучше вам пойти туда и навести порядок“. Я имею в виду, они были действительно большие, крепкие парни, и следующее, что я увидел — это то, что они сбили одного из парней Кеннета и держали его, истекающего кровью с растрепанными волосами. О, это было самое страшное происшествие, но это устроил Кеннет».

По словам тех, кто был свидетелем данного происшествия, Энгер уходил, изливая свою ярость и угрожая взорвать кинотеатр. Позже он принял ответные меры, начав одиночный пикет у кинотеатра. Последующая фотография, сделанная Карлом Бриттином, уловила сцену, в которой одетый в костюм Энгер, размахивал плакатом, обвинявшим руководство кинотеатра в нарушении его авторских прав.

Чарльз Бриттин: «Думаю, моя жена Барбара и я были единственными людьми, которые удостоили вниманием этот пикет. Мы остались там, и он был даже тронут, когда увидел ту фотографию. В тех фильмах, которые он снимал, было много тяжелой кожи и цепей и всего такого, но сам он всегда был одет очень достойно. Он был непредсказуем, он немного более вспыльчивый сейчас, но он был довольно прямолинейным, держался ровно, изображая себя строгим. Некоторые люди фотографировали его, но ни у кого не было ни юристов, ни подписанных контрактов. Я помню, кто-то говорил мне, что в какой-то момент он вышел вперед перед объективами и обратился к аудитории, а кто-то сказал, что он пытался позвать адвоката. По своей природе он был бизнесменом. Искусство против бизнеса. Он не обращался за поддержкой к своим друзьям-художникам во время своего протеста. Он сделал это очень индивидуалистичным образом».

Как рассказывает Ширли Берман, Кэмерон и Энгер имели значительные разногласия по поводу прав собственности на некоторые из рукописей Кроули, которые когда-то принадлежали Джеку. Энгер держался за эти бумаги, боясь, что в руках Кэмерон они погибнут рано или поздно.

Ширли Берман: «Из разговора с Кэмерон я сделала вывод, что все это было из—за рукописей Кроули. Энгер сказал, что они должны принадлежать ему, а не Кэмерон. Я не могла понять, с чего Энгер так решил. Но если было что-то, что ей следовало сделать, так это опубликовать как Энгер пикетирует со своими плакатами и выставить это, ха-ха-ха. Там столько всего происходило. Я помню, что Кэмерон была сильно напугана, и что Кеннет сходил с ума, он был дорог ей, но он был сумасшедшим».

В своих письмах из Англии Джеральд Йорк поддержал позицию Энгера говоря: «Я думаю, что благоразумно с вашей стороны порвать с Кэмерон. Она слишком безумна и нестабильна, для того чтобы ей можно было доверить владеть чем либо ценным. Как вы, должно быть, наслаждаетесь вашими магическими войнами. Весело, но опасно. Те, кто слишком много живет магией, предрасположены умереть от магии».⁵

---

⁵ Цитата из письма Джеральда Йорка к Кеннету Энгеру. 20 октября 1964

Свою озлобленность и неудовлетворенность Энгер выразил в плакате, кричащем Кэмерон-пройдоха, в котором он осудил свою бывшую подругу, как «Чуму оккультного мира», и обещал сосчитать мертвые души, сгинувшие по ее вине. Предлагая документальное доказательство этих утверждений по пятнадцать долларов за каждый, плакат был подписан с использованием нового прозвища Энгера, Отец Аллахабад, с пресс-логотипом Дьявола его Злого Духа и адресом нынешнего местопребывания в Сан-Франциско.

TABULA RASA

*То, что гусеница называет концом света,
учитель называет бабочкой.
Ричард Бах.*

Считалось, что решающим фактором, который получил JFK [Джон Фитцджеральд Кеннеди — 35-й президент США] избранный с наименьшим перевесом в американской истории, было то, что он использовал беспринципные средства своего приятеля плейбоя Фрэнка Синатры, чтобы манипулировать толпой, и получить голоса в Иллинойсе и Западной Виржинии. Наследник сомнительной династии Восточного побережья, Кеннеди обладал внешностью кинозвезды, женой, выглядевшей как на обложке журнала и свежими идеями, в том числе, амбициозной мечтой высадить человека на Луне до окончания текущего десятилетия. Хотя он так и не дожил до ее осуществления, относительно молодой президент, казалось, шедший в ногу со временем, как человек нового молодого поколения, воспитанного на рок-н-ролле, Beat-культуре и голливудских антигероях 50-х, которое начало давать о себе знать.

Для идеалистов как Кэмерон и Кеннет Энгер, эпоха перемен была ознаменована движением и изменением астрологического цикла, который ознаменовал конец Эры Рыб, эпохи символизирующей Христа, страдания, жертву и вину, и наступление Эры Водолея, эпохи означающей новую свободу, самовыражение и революцию. Для них это созвездие сочеталось с эоном Гора по Кроули, эпохой, принесшей с собой насильственное изменение режима.

В Великобритании *Сила Бабалон* — сила женской сексуальности — свергала правительство консерваторов и вследствие скандала вокруг дела Профумо [Profumo affair — Британский политический скандал из-за связи военного министра и 19-летней модели — прим. переводчика] старый порядок был выброшен на свалку истории. Культурная революция среди трудовых слоев населения была в разгаре, представленная четырьмя искренними парнями из Ливерпуля, чье заразительное, жизне-радостное и популярное ливерпульское жизнелюбие собиралось перевернуть мир с ног на голову. Возглавляя британское музыкальное вторжение в Америку, Битлз помогли поднять ослабевший дух страны все еще скорбящей после шокирующей смерти их президента. Принимая лидерство от ультрасовременного оборванца — кантри исполнителя Боба Дилана, чьи вдохновенные песни, казалось, падают с неба ему прямо в голову и вырываются из его рта, Ливерпульская Четверка отправилась вглубь самой жизни за материалом, и вместе с Диланом, они колдовали перемешивая гимны для нового поколения людей, родившихся во время послевоенного демографического взрыва, в славном слиянии политики и поп-культуры.

Такой рост самосознания неизбежно музыкально сопровождал далеко идущие либеральные реформы и социальные изменения. Закон о гражданских правах готов был быть подписанным в ближайшее время, это означало, что афро-американцы больше не могли законно рассматриваться как граждане второго сорта. Гомосексуализм и аборт скоро станут легализованы, законы о разводе ослаблены, и противозачаточные таблетки теоретически обещали секс для удовольствия, без воспроизводства потомства. Отражая эти новые общественные нравы, в следующее десятилетие будет повсеместно отменена цензура хужественного совета.

Такие изгои культуры, как Кэмерон и Энгер на протяжении десятилетий, так или иначе, жили за пределами правовых границ, но теперь андеграунд, в котором они сыграли такую важную роль, с большим размахом собирался выйти из тени. Для многих своих современников, Кэмерон, в частности рассматривается в качестве одной из основополагающих фигур, которые помогли привести ко всему этому.

Чарльз Бриттин: «Кэмерон была очень продвинутой в плане межрасовых отношений, и она, конечно, была очень тесно связана с гей-культурой. Она была на грани сексуальных изменений и разрушений большинства традиционных моделей поведения путем применения лекарств, которые были главной частью того вызова, который был брошен столпам общества и вызова, брошенного традиционализму. Это было политическим, но это не перешло в организованную политическую акцию».

Для Бриттина это перешло именно в политическую акцию, и он, и его жена Барбара переориентировали свою жизнь, отступая от сферы журнала Семина, чтобы все свое время посвятить активной борьбе за гражданские права. Деннис Хоппер также прислушался к этому зову и присоединился к знаменитому маршу из Сельмы в Монтгомери штат Алабама, параллельно с Мартином Лютером Кингом. По видимости, Кэмерон осталась аполитичной, хотя Бриттин утверждает, что она была обеспокоена событиями того дня: «Она переживала за все это, и на самом деле несколько человек из мира искусства были там, но не до такой степени, чтобы предпринимать каких-либо действий. Был психологический дистресс и сильный страх от того, что тогда происходило. Когда Барбара и я стали активистами, с их стороны возникла симпатия и признательность, но не прямое участие. Они уже отделились, и я понимаю, это было именно потому, что я был слишком вовлечен во все это. Они бы не стали делать то, что переместило бы их в мир политики. Они были художниками, а художники, посвящали себя красоте, идее и более глубоким вещам, нежели мировые события. Для них было очень трудно постичь факты или перейти к такой линии, когда они могли отложить свои принципы в сторону на некоторое время. Кэмерон была сочувствующей, но практически никто из этой группы не сделал больше ничего».

***

К середине 1960-х годов Рената Друкс по праву стала весьма уважаемым художником и ряд ее полотен, включая «Babalonian», сюжет которой сочетал обнаженную женщину с дикими зверями. Ее репутация колдуньи соперничала с репутацией Кэмерон, и она была известна тем, что выполняла обряды

экзорцизма в квартирах своих знаменитых, гламурных друзей. После развода с Мэтисоном, Друкс нашла свою любовь в решительных гетеросексуальных объятиях экс — футболиста американской команды «Медведь Чикаго» Ронни Нокса. «Ронни весьма чувствительный молодой человек» — вспоминает Кертис Харрингтон. «Он интересовался поэзией и всем, что является необычным для футболиста».¹ Какое — то время спустя после круиза, романтическая идиллия Друкс была трагически разбита самоубийством ее 19-летнего сына Питера, который играл Ганимеда в фильме «Храм наслаждений». Шокирующее событие изменило ее жизнь, и объятая горем, она искала объяснений и ответов. Она начала винить себя за то, что подвергала своего сына, тому, что она в настоящее время рассматривает как пагубное воздействие в фильме Энгера, полагая, что это сгубило его. Она также обвинила Кэмерон, в том, что она якобы способствовала приобщению ее мальчика к мягким наркотикам.

На звездной вечеринке, устроенной ее друзьями актером Джеком Ларсоном и режиссером Джеймсом Бриджесом, Друкс встретила молодого актера Аллена Миджетте, жившего в домике для гостей у Brentwoods. Накопив на своем счету серию впечатляющих актерских работ, сотрудничая с такими тяжеловесными итальянскими режиссерами как Бернардо Бертолуччи и Пьер Паоло Пазолини, Миджетте теперь совершал интервенцию в Голливуд под руководством Ларсона и Бриджеса. Одна из ролей, на которую он был заявлен, была в фильме «Отражения в Золотом глазе», новое детище режиссера Джона Хьюстона, но актер разочаровался в Голливуде даже прежде, чем началась работа.

Аллен Миджетте: «Фильмы в Европе могут быть раздражающим, горьким опытом, но я принял его, «Ок, это был неверный путь». Вся эта игра была во мне и вокруг меня. Если было

---

¹ После его заявления о коррупции в профессиональном футболе в прямом эфире ТВ-шоу, Нокс стал персоной нон-грата в своей предыдущей профессии и медленно его жизнь стала давать сбой. Он стал разрушать себя и болтаться в наркотической тусовке Венеции. Позже он был помещен в психиатрическую лечебницу.

сделано хорошо, значит было хорошо, если сделано плохо — значит это плохо. Но Голливуд был слишком странным для меня, и мне пришлось достаточно быстро это уяснить. Я не смог с этим справиться. Я человек в большей степени самобытный и прямолинейный, нежели цивилизованный».

Хороший пример этого дает Джек Ларсон, который рассказывает, какое незабываемое впечатление произвел Маджетте на вечеринке: «Там было много наших друзей, включая Лесли Карон, Уоррен Битти, Сесил Битон, Кристофер Ишервуд, Гэвин Ламберт и Кэндис Берген. Затем Аллен переключает внимание на себя и начинает рассуждать и говорить Битти и другим, о том, какие они поверхностные и какими убогими актерами они были, и о том, что им нечего было предложить, в то время как сам он был истинным, и сделал фильмы в Италии. Я не знал, что делать. Я был просто ошарашен. Единственный, кто получал от этого удовольствие, был Гэвин Ламберт, он сиял от удовлетворения, слушая эту уничтожающую критику. Это не было полезным для благополучия или умонастроения Аллена, поэтому на следующий день мы пошли искать ему другое жилье».

Во время другого инцидента, Рената Друкс также стала причиной небольшого скандала. Демонстрируя свои экстрасенсорные способности, она попросила Уоррена Битти прочесть линии на его ладони, и обследовав их она сказала кинозвезде, что «только у убийц есть такая линия». Испытать воздействие двух выпадов от Миджетте, это было уже слишком и Битти и Карон ушли оскорбленными.

«Позже Лесли подумал, что Рената видела Битти, играющего Клайда Барроу из предстоящего фильма „Бонни и Клайд“» — объясняет Ларсон. «Уоррен не убийца! — Если не считать романтики».

Миджетте продолжал рассказывать: «Так я вылетел из общества и переехал в Западный Голливуд со своим другом Ларри Холлом, которого я встретил в Риме. Ларри тоже был актером, и пытался сниматься в кино, но безуспешно. Он создавал скульптуры, также был философом и по-настоящему вовлечен в оккультизм. Однажды, на улице он представил меня Кэмерон. Кэмерон посмотрела на меня и спросила: „Как дела?“ и я ответил: «Ну, на самом деле я прорыдал последние три

недели», и она бросила на меня понимающий взгляд и, казалось, проявила сочувствие. Я рассказал ей о проблемах, которые были у меня с руководством, и она поняла».

Актер также рассказал об инциденте с Друкс и Битти: «Кэмерон была поражена, когда мы встретились. Она и Рената вообще не были друзьями в то время. Кроме того, я сказал ей, что во мне текла кровь индейцев племени Чероки, и Ларри тоже был отчасти индейцем, и Кэмерон сказала, что у нее было видение, что два индейца появятся в ее жизни. Позже она нарисовала картину со мной и моим индейским другом. Она призналась, что распознала это во мне. Ее заинтриговало прошлое каждого из нас, ей было интересно узнать о нашей семье и о том, что было в нашей жизни. Ей было интересно послушать о моем опыте работы с японской культурой и о работе с Бертолуччи. Она не знала Пазолини, но ей очень нравились фильмы Бертолуччи, а также она заинтересовалась Эльзой Моранте, итальянским романистом, которая была моим другом. Они обе были очень независимыми женщинами, которые не стремились оказаться в центре внимания, но при этом были великими художниками.»

В то время Кэмерон жила в комнате на улице Лараби, вниз от Сансет-Стрит. Нуждавшийся в жилище Миджетте время от времени оставался у нее переночевать на софе. «Через дверь я слышал, как она делала ритуалы и заклинания в соседней комнате. Они были обращены к Вселенной. Но она не была ведьмой полностью, но очень сдержанной и контролировала все что происходило. Она была стойкой и мягкой со стороны. Я часто мог заставить ее смеяться, но она была удивительно прагматичной. Она делала то, что должна была делать, не жалуясь». Еще одним новым персонажем, появившимся в жизни Кэмерон, была Шарм, подруга детства Айи. Бывшая пианистка, Шарм вышла замуж за первого мужа Айи, только для того чтобы оставить его так же, как и Айя, а потом продолжать вести богемную жизнь: «Он хотел, чтобы я носила платья с глубоким декольте и была статусной женой». Вместо этого она взяла краски для распыления, и ее фантастические изображения духов-наставников привлекли внимание Кэмерон. «Я помню, Кэмерон сказала: „Вы пытаетесь копировать мои работы“? Это был косвенный комплимент, сказанный с едва заметной улыбкой.

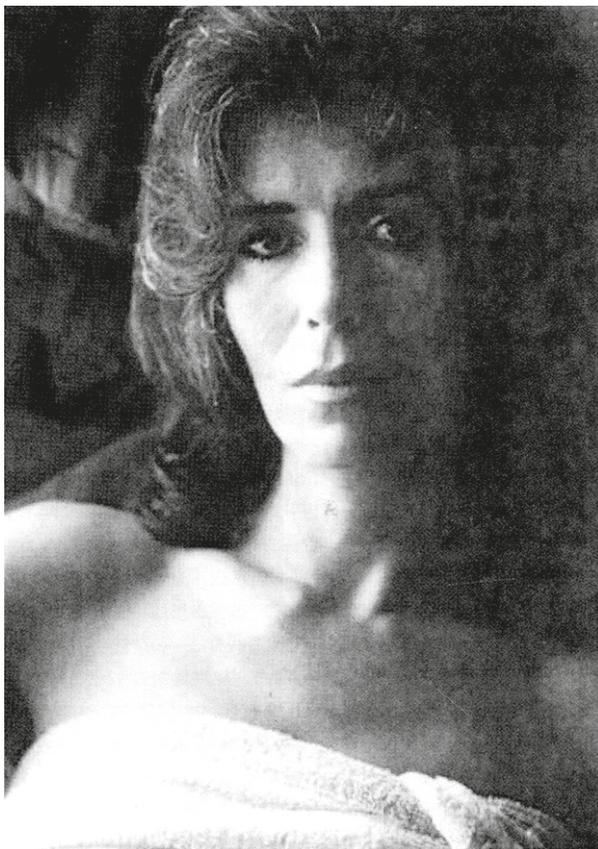
Это было признание ее дарования. Я была молодой и неопытной, и она произвела мое посвящение. Я была ее неофитом, она была мастером. Это было в порядке, как и должно было быть. Я знала ее как учителя и как близкого друга. Я чувствовала, что знала ее в прошлой жизни. Мои переживания не были настолько экзотичными как ее, и она воспринимала меня как милую девушку, понимаете, гладила по голове. „Она может быть вполне хороша, как художник“, — таким было ее отношение. Она была в этом очень колдовской, потрясающей и харизматичной женщиной. У нее был имидж Богини, и она напоминала мне об аркане Таро Императрица, и я увидела ее как орла, который имеет связь с Гором Кроули. Она рекомендовала его книги и его колоду Таро, в которых очень хорошо разбиралась. От нее исходила такая вибрация, как будто она побывала там, куда никто никогда не осмеливался заглянуть.»

Переезжая туда — сюда всю свою жизнь, Кристалл так и не смогла продвинуться в школьном обучении далее 4-го класса, и отсутствие у нее достаточного школьного образования стало серьезной обеспокоенностью для друзей Кэмерон, которые пытались повлиять на нее по этому вопросу.

«У нас были споры на эту тему, потому что я считал, что Кристалл должна ходить в школу, а Кэмерон так не считала» — вспоминает Марша Гетцлер. «Кэмерон считала, что в дочери изначально было заложено все, что ей было необходимо, но я сказала: „Да, это так, но ей нужно научиться, как этим пользоваться“».

«Я думаю, что у Кристалл была не диагностированная дислексия [неспособность обучиться чтению], но тогда они этого не понимали» — объясняет Шарм. «У них всегда был недостаток средств, и она подрабатывала, продавая товары с тележки на рынке. Считать деньги у нее получалось хорошо, она говорила: „Я получила четыре четвертака — это доллар», но у нее были также и проблемы с поведением“».

«Когда ей было около 9 лет, Кристалл стала выкидывать свои трюки с ограблением банка» — вспоминает Джоан Мартин. «Сначала банковские служащие посчитали это остроумным, но когда это стало происходить регулярно, менеджер банка вызвал Кэмерон и потребовал, чтобы она повлияла на дочь.

Шарм, подруга и коллега-художник Кэмерон: «Я была ее неофитом, она была учителем». Любезно предоставлено Айей

Кристалл не ходила в школу и мне стало больно за нее. Она могла бы достичь хороших результатов в школе Уолдорф, где они позволяли им быть самими собой и использовать искусство как средство обучения. Но Кэмерон не была великой матерью. Она не знала, как позаботиться о ребенке. Я тоже не великая мать, но Кэмерон была слишком глубоко погружена в свой собственный мир».

Шарм считала, что все в возрастающей степени противоправное поведение Кристалл, это та цена, которую ее мать заплатила за то, чтобы вести свободный, не знающий правил образ

жизни: «Кэмерон следовала своей собственной программе. Она и не собиралась следовать строгому режиму, потому что она уже потеряла слишком много свободы, переезжая с мест на место. Кэмерон хотела свободы и чувствовала, что она должна позволить Кристалу идти своим путем и быть свободной, и все решится само собой. Жаль, что мне не удалось сделать больше, я учила Кристала, как читать и писать. Затем, став старше она оказалась среди людей».

Чарльз Бриттин не воспринимал идею, что родительский подход, которого придерживалась Кэмерон, был частью новых теорий, касающихся воспитания детей, не похожий на те, который применяло поколение их родителей: «Насколько я понимаю тех людей, они вообще не осознавали на таком уровне. В настоящее время молодые люди воспринимают появление в семье ребенка почти также ответственно как карьеру, и они изучают и исследуют, как и что нужно делать. Я полагаю, что они даже не думали о том, что тогда, дети просто случайно появлялись на свет, их не планировали как теперь. Я вижу это сейчас во многих детях моих друзей, которые родились в то время, которые говорят мне, „О чем вы, люди, только думали?“ В некотором смысле, Уолли и Ширли, кажется, одна пара, которая понимала это правильно. Тош очаровательный. Если люди были достаточно рассудительными, решительными, они бы сделали все правильно, и, если не были бы, их дети страдали бы. Наше неправильное воспитание было одной из проблем, которую мы получили».

Некоторые из трудностей в обучении и поведении Кристала, возможно, имели также и генетические корни. Как отмечалось ранее, не было нормального дородового ухода со стороны Кэмерон в то время, когда она экспериментировала с пейотом и другими сильнодействующими веществами, и даже если у Кристала не было каких-либо галлюциногенных компонентов, встроенных в ее систему, она была не далеко от этого. Ибо, со всеми своими связями в артистической среде, Кэмерон наконец-то заполучила препарат, о котором все отзывались с таким энтузиазмом и свершила свой первый трип с ЛСД. Убежденная в его необыкновенных качествах, она совершила самый спорный из всех своих выборов, в отношении своей 9-летней дочери и решила приобщить ее к нему тоже. Инициация Кристала

пришлась на одну из ночей во время вечеринки с групповым принятием наркотиков, которую ее мать устроила в своем доме.

«В Лос-Анджелесе все было возбуждающим» — вспоминает Аллен Миджетте, который в этом участвовал. «Все принимали ЛСД и пейот. Кэмерон дала мне мой первый психоделический опыт. Она была грандиозным человеком, с которым было интересно погрузиться в состояние наркотического опьянения, она была полна историй». Вечеринка в конечном итоге закончилась преждевременно, когда снаружи послышались выстрелы и кое-кому не удалось получить удачный трип. Может быть, Кэмерон применяла некоторые из химических ноу-хау Джека, потому что, когда она не могла добыть ЛСД, она варила себе собственное зелье, приготовленное Бог знает из чего.

«Пытаясь приготовить ЛСД, я думаю, что она экспериментировала с приготовлением различных снадобий», — утверждает Чарльз Бриттин. «Я думаю, она и сама точно не знала, что делает на самом деле. Я не думаю, что она готовила что-нибудь из сырых материалов. Думаю, она закупала подготовленные ингредиенты из тех, что были на том рынке, и у нее были ее собственные миксы для различных целей в разные периоды ее жизни. В начале 60-х годов, когда продажа ЛСД еще не была запрещена, Лири приехал в Голливуд и привез много всего с собой, я делился тем, что было доступно».

Д-р Лири был влюблен в свою новую обретенную знаменитость, и его мантра «*включись, настройся, выпадай*» была услышана целым поколением. Тем не менее, некоторые думали, что его послание было легкомысленным, и тот культ личности, возникший вокруг него, конечно, направлял его по опасному курсу. Линда Лоусон актриса, снимавшаяся вместе с Кэмерон в Ночном приливе, также открывала себя через ЛСД, в радикальных, обусловленных действием наркотиков терапевтических сеансах, которым она подвергалась совместно со своим мужем, продюсером Джоном Форманом. Сессии проводились в безопасной обстановке под контролем Артура Чандлера и Мортимера Хартмана, психоделических мозгоправов, которые лечили и других звезд кино, наиболее известный из них Кэри Грант. Лоусон была в ярости от того, что использование ЛСД стало доступным и широко распространенным из-за этих интриганов.

Линда Лоусон: «Я думаю, что ЛСД мог бы стать экстраординарным инструментом в психиатрии, но я виню Тимоти Лири. Однажды я была в гостях, и он тоже там был, и я сказала: „Лучше бы он ко мне не подходил, иначе я воткну вилку ему в голову“, потому что он превратил ЛСД в кайф или наркотик, а не то, чем он был на самом деле. Я помню, как несколько лет назад смотрела программу о человеке, который был в концлагере и то, через что ему пришлось пройти, сделало его полностью кататоником. Он не мог говорить, и ему пытались помочь, делали все, что могли, и когда ему дали ЛСД, это раскрыло его, и мы видели, как этот человек начал рыдать и плакать, и, наконец, он начал говорить, и я подумала, „Эта задница Тимоти Лири превратил ЛСД в шутку и уличный наркотик“. Я обвиняла его, потому что он был уважаемым профессором в Гарварде, так что никто не подумает, что зная все на свете, он был не иначе как дураком.»

Зимой 1964 года, автор Кен Кейси (Кизи) вез свою группу веселых хулиганов от побережья до побережья в своем разноцветном школьном автобусе, приобщая людей к радости с помощью ЛСД как бредовый Джонни Эплсид [житель США, ставший впоследствии фольклорным персонажем — прим. переводчика]. Ранее Кейси был добровольцем в качестве подопытного кролика для экспериментов по изучению действия мескалина и псилоцибина, проводимых в больнице Менло Парк возле Сан-Франциско, и описал свой опыт работы в качестве ночного дежурного в психушке в своем дебютном романе «Пролетая над гнездом кукушки». Шерри Эббот стал одним из первых поклонников этой книги, и однажды ему пришло в голову, что было сомнительным предположение, что прототипом харизматичного главного героя Макмерфи был сам Кейси. Кейси признал, что многие из персонажей книги были основаны на реальных пациентах, но Макмерфи, по словам вдовы Кейси Фэй: «Единственным персонажем, которого не было в больнице, единственным, который был там нужен. Там не было человека с таким характером, чтобы спасти их. Многие люди утверждали, что этот персонаж был похож на них».

Это было своего рода магическое мышление, к которому и Кэмерон имела склонность предаваться. Она сама начала верить,

что эпохальная баллада Боба Дилана, «Женщина долины с печальными глазами» («Sad Eyed Lady Of The Lowlands»), была написана о ней. «Она слушала Дилана, и все, что составляло романтику 60-х, которые были частью той эпохи», свидетельствует Миджетте. Еще позже рок-песня, которая особенно откликнулась в ней была песня Косби Стиллс Нэш и Янг «Почти отрезать свои волосы» («Almost Cut My Hair»), которая подпитывала в течение всей жизни фетиш Камерон о ее собственных волосах. Длина волос всегда была большим вопросом для нее. Как мост из богемного периода 40-х годов, в эпоху битников и к движению хиппи, неудивительно, что Камерон соответствовала сексуально раскрепощенным 60-м. Одета в простые мексиканские платья, сидя и куря анашу, слушая музыку сита, она выглядела пожилой женщиной-хиппи. Она даже сшила для себя кожаную мини-юбку и соответствующую пару модных штанов для Кристалл.

Вернувшись в Бель Плен, Бетти Ракс организовывала празднование 25-ти летней годовщины выпуска средней школы. Она направила письмо об этом и Камерон в Калифорнию, которое каким-то чудесным образом, достигло адресата, но ответ, который вернулся от Камерон, озадачил ее бывших одноклассников.

«Она говорила о космосе, я думала, что это должно быть под ЛСД», вспоминает Дороти Миллер. «От человека с ее талантом это казалось какой-то бессмыслицей».

«Это был ответ человека, оторванного от реальности, и содержал ее фотографию в пустыне Калифорнии», вспоминает Бетти Ракс. «Она была одной из детей-цветов (поколение хиппи)».

***

По рассказам Аллена Миджетте, одним из соседей Кэмерон на Ларраби в то время был Роберт Турман, (отец Умы Турман), который был профессором-коллегой Тимоти Лири в Гарварде, а затем стал тибетским буддийским монахом и знатоком, работающим с Далай-Ламой. «Роберт пришел со мной и познакомился с Кэмерон, и она сказала, „У нас везде есть гуру“. Она интересовалась всем.»

Одна цель, в достижении которой Кэмерон была особенно заинтересована, хотя и кратко, была ценная для обеих сторон переписка с Джозефом Кэмпбеллом [американский исследователь мифологии, наиболее известный благодаря своим трудам по сравнительной мифологии и религиоведению — прим. переводчика]. После нескольких лет восхищения его работами издавала, она отправила ему слайды своих картин, и в своем ответе Кэмпбелл написал о своем изумлении «небольшой шок магического воздействия излучается от каждой работы, всякий раз».²

Будучи уважаемой и оцененной, Кэмерон ни в малейшей мере не обладала чувством собственности, когда дело касалось ее работ. Она могла быть необычайно щедрой, когда дело касалось того чтобы поделиться ими, и не только с признанными фигурами как Кэмпбелл или кругом ее близких друзей, но даже с совершенно незнакомыми людьми, которые высоко оценили ее работы. Однажды, сидя возле своего дома вместе с полотном своего «Зверя»/«Женщины-Вампира», она отдала его прохожему, которому эта картина приглянулась. Как объясняет Шарм: «Кэмерон чувствовала, что было тщеславным и эгоистичным, хранить его у себя. Это не было важно. Это было уже там. Запись о нем уже была на астральном плане».

***

Вскоре после того как Аллен Миджетте уехал из Лос-Анджелеса, чтобы работать с Бернардо Бертолуччи в Риме, тусовка Ларраби распалась. На время Кэмерон переехала в дом неподалеку, на Кейт Авеню, место которое она изначально подыскала для Дона и Джоан Мартин, которые его освободили и переехали повыше, ближе к горам Санта-Крус. Это временное место затем поменяли на коттедж на Уиллоуби Авеню, назад в захолустье к Самсону Де Бриеру. Шарм вспоминает огромный багажник Кэмерон набитый остатками ее кровати, и секретными вещами: «Моя дочь была убеждена, он был полон магических инструментов, но на самом деле там были личные вещи, как и военные

---

² Цитата из письма Марджори Кэмерон Джозефа Кэмпбелла 14 Ноября 1965, перепечатано с разрешения Джозефа Кэмпбелла.

фотографии. Я помню, как Кэмерон усмехнулась и сказала: „Вы хотите увидеть что-то?“ И она неожиданно выхватила одну из своих фотографий в форме ВМС и сказала: „На самом деле, мое настоящее имя Марджори“, и она самодовольно улыбнулась, и я сказала „Вы должны быть, шутите“».

В апреле этого года, до Кэмерон дошли слухи, что Шерри умер во Флориде. По словам его семьи, у него произошло кровоизлияние в мозг, когда он сидел и читал газету в своей постели, но его племянник Нед Уинн подозревал, что на самом деле это была передозировка, или он покончил жизнь самоубийством.

Оглядываясь назад, Уинн чувствовал, что его дядя был недостаточно подготовлен, чтобы справиться и с Кэмерон и с жизнью в целом, и по понятным причинам он занимал сторону своего дяди, когда рассматривал их отношения. «Он был чрезвычайно чувствительным парнем, и я думаю, что ситуация с Кэмерон только ухудшила то, что еще в нем оставалось. Она разбила его сердце. Он не подходил ей, и я бы хотел, чтобы они никогда не встретились». При всей их буйности, это о чем-то говорит, что вместо того, чтобы отказаться, Кэмерон сохранила фамилию Киммел на всю оставшуюся жизнь. Наследие Шерри, его сочинения, унаследованные его племянником, потом были уничтожены и сожжены.

К концу года, Кэмерон вместе с Анаис Нин и Самсоном де Бриером, были приглашены для участия в новом кинопроекте Кертиса Харрингтона для кинокомпании Universal Pictures Игры. Харрингтон участвовал в написании сценария и был режиссером этого фильма, где снималась Симона Синьоре в роли таинственной пожилой женщины, которая обманным путем появляется в жизни двух молодых нью-йоркских молодоженов, коллекционера Джеймса Каана и его богатой, красивой жены Кэтрин Росс. В то время как история разворачивается, героиня Синьоре провоцирует ряд умственных игр с парой, с убийственными последствиями, но не все так, как кажется. Вместе с эксцентричными персонажами и сокровенной дрожью, из этой картины родился весь классический фирменный стиль Харрингтона.

В конечном итоге ни Кэмерон, ни Нин, ни Де Бриер в этот фильм не попали, и вместо их появления, режиссер заимствовал

у Де Бриера его ритуальное зеркало из «Pleasure Dome» («Храм наслаждений») для одной из сцен, а также одну из абстрактных картин Кэмерон, висевшей на стене в квартире пары.

Другая картина, в которой была задействована работа Кэмерон, была «Blues for Benny», короткометражный фильм снятый Джоном Гилмором о приключениях беглого черного малыша.

«Кертис одолжил мне пару рисунков Кэмерон: женское лицо, и еще один маленький с фигурой, завернутой в виноградную лозу, который ранее уже появлялся в фильме «Wormwood Star» («Звезда Польнь»). Эти изображения украшали стены подпольного бара. Увы, фильм сгорел, когда производители сожгли копии пленки, чтобы собрать немного страховых денег.

Роль Кэмерон в фильме Харрингтона, возможно, не увенчалась успехом, но режиссер познакомил ее с новым, молодым актером, по отношению к которому он был наставником, Робертом Айкеном.

«И Кэмерон и я успокаивались в присутствии друг друга, она не располагала к болтовне», вспоминает Айкен. «Но она могла сказать самую обыденную фразу, и в этом мог заключаться глубокий смысл. Вскользь брошенное замечание о ком-то будет содержательным и проникающим в самую суть. Она была очень пронизательной и остроумной. Она была очень сосредоточенной, тихой, спокойной и очень хорошим слушателем. Она всегда была готова помочь мне в личных делах».

Кэмерон смогла найти ответы на некоторые давно поставленные вопросы в своей собственной жизни также, на этот раз на страницах «The Heretic of Soana» («Еретик из Соаны»), новеллы немецкого драматурга Герхарта Гауптмана. В ней автор рассказывает о встрече мистического, старого пастуха по имени Людовик, человека, про которого местные жители говорили, что он продал свою душу дьяволу. Пообещав, что раскроет историю своей жизни, автор завоевывает доверие, и козий пастух продолжает свое повествование о приходском священнике по имени Франческо, который когда-то служил в Соане, швейцарской деревушке с видом на озеро Лугано. Изучая жизнь брата и сестры, живущих высоко в Альпах, которые были изгнаны жителями по подозрению в кровосмесительных отношениях и за то, что они исповедовали язычество, священник ставит себе цель

обратить их и приобрести семь их незаконнорожденных детей к своей пастве. Он совершает большой переход по Альпам к их лачуге, где сестра настаивает, в том, что она невиновна во всех этих обвинениях, и объясняет, что ее дети были зачаты не от ее родного брата, а от заезжих туристов. Она утверждает, что она живет с братом, только потому, что он не может сам позаботиться о себе, и соглашается с тем, что ее дети начнут посещать мессу в церкви на вершине. В то время как священник попадает под очарование ее волшебной дочери Агаты, на обратном пути вниз с горы, он не в состоянии изгнать ее образ из головы. Его сердце раскрывается, и в первый раз в жизни он начинает замечать трепет и красоту природы. У него возникает прозрение, и он начинает сомневаться в догматах Церкви. Вместо этого, он теперь видит, как Бог отражается в мире Природы, излучая свою вселенскую жизненную мощь вокруг.

Вернувшись в свой приход, священник подозревает, что он подвергся воздействию колдовских чар, и что он очарован Агатой и просит Бога избавить его от нее. Вскоре он обнаруживает, что отверженная семья поклоняется Приапу [древнегреческий бог плодородия] и Агата верхом на козе во главе процессии вакханок. Измученный кризисом веры, он обратился за советом к бургомистру и старому пастору, который посвятил его в сан, ибо он теперь смеется, когда видит распятие в церкви. Когда Агата приходит в город для исповеди, жители пытаются до смерти забросать ее камнями. Она находит убежище под крышей возжелавшего ее священника, который, не в состоянии больше сдерживать себя, сбивается с истинного пути и целует ее. Позже он сопровождает ее домой, но по дороге они падают на траву, и он испытывает трансцендентный трепет священной сексуальности.

Наконец, с глаз священника спадает пелена, когда он пробует этот запретный райский плод и осознает, насколько мертвой и пустой была его жизнь. Когда его еретическое поведение раскрывается, на священника набрасываются местные жители и изгоняют его. За то, что он не выказывает никакого покаяния, Папа римский отлучает его от Церкви. Так, кажется, история заканчивается, и когда автор оставляет хижину козьего пастуха, он проходит мимо его жены, идущей по тропинке,

и переполняется ее сверхчеловеческим светом и очаровательным лицом и фигурой. Это потом он понимает, что она Агата.

С учетом основной темы книги, отвергающей христианство ради более жизнеутверждающего языческого бытия, было очевидно, почему история вызвала отклик у Кэмерон. Она отражала ее собственное перерождение, от организованной религии, навязанной ей, к языческому пути которому она была предназначена. Эта подсознательная актуализация проявила себя за все эти прошедшие годы в эмоциональном экстазе в Лугано, откуда история берет начало. Это также помогло объяснить умственные дуэли в Парижском поезде между ее языческой частью и церковной и обе они борются за обладание ее противоречивой душой.

В то время когда Кэмерон жила на Уиллоуби, Ая переехала в дуплекс на той же улице, и в течение этого периода, она помнит, как ее подруга стала более параноидальной, даже напала на нее и других после того, как кто-то украл ее магические инструменты и карты Таро из машины: «Я думаю, что она курила много анаши, потому что она приставала к людям со словами: „Вы уже пробовали это?“». Невротические состояния Кэмерон достигли критического момента в день, когда она неожиданно позвонила Уоллесу и Ширли Берман и попросила их срочно прийти к ней. То, что они там увидели, обескуражило их.

Ширли Берман: «Кэмерон просто сидела посреди комнаты и молчала, она просто сидела оцепеневшая, и мы на самом деле собирались отвезти ее в больницу, пока она, наконец, не сказала: „Я рада, что ты здесь. Я думаю, что моя жизнь начинается с начала с сегодняшнего дня“. И Уоллес спросил ее, что случилось, и она потащила его в другую комнату, а когда он вернулся, он сказал: „О Боже, о Боже, она просто выбросила все это прочь, все картины!“ На заднем дворе ее дома была печь для сжигания отходов, и она сожгла все свои картины в печи. Я не мог поверить, это было невероятно. Это были такие прекрасные работы. Некоторые из этих рисунков были частью декораций в фильме „Звезда Полярная“ Кертиса Харрингтона, но то, что в основном было погублено, то были большие картины и портреты. По форме они выглядели как дверные проемы. Они были такими волшебными, такими великолепными».

Некоторые из картин датируются периодом Пасадены, и казалось, как будто в уничтожении их Кэмерон пересекла черту и изгоняла призрак Джека, оставляя этот период своей жизни в прошлом, давая себе шанс, наконец, двигаться дальше.

Ширли Берман: «Я думаю, что ей было очень плохо после того как она сделала это, но что сделано, то сделано. Кэмерон была чрезвычайно чувствительным и ранимым человеком, и я бы сказала, что три четверти всего времени, когда я видела ее, она была полностью подавленной. Она горевала в течение многих, многих лет. Я не знаю, насколько очевидным это было для других людей, но это было, конечно, очевидно, для меня и моего мужа. В любое время, когда бы Кэмерон ни позвала нас мы бы пришли. В любое время, когда она хотела бы остаться в нашем доме, двери нашего дома были для нее открыты. Я думаю, Джек постоянно присутствовал в ее жизни. Он был лидером в их отношениях, потому что он научил ее жить, и ей было очень комфортно с ним. Она горевала по нему бесконечно долго, и, делая это, она переворачивала ту главу своей жизни, тот период для нее заканчивался. После этого ее личность и настроение изменились.

После всего того, когда она почувствовала себя немного лучше, Кэмерон навестила Берманов в их новом доме в Топанга Каньон, где у них был незабываемый ужин.

«О, это было так забавно», вспоминает Ширли Берман. «Однажды Уоллес спросил ее: „Ну, я знаю, что ты ведьма, но сейчас ты практикуешь белую или черную магию“ и Кэмерон начала истерически смеяться и сказала: „Уоллес спрашивает, злая я ведьма или добрая“, это было действительно смешно.» «Кэмерон пришлось по душе уединенный образ жизни в Топанга и закончилось тем, что она осталась там, сначала жила в доме, принадлежащем одному из местных индейцев по имени Хэнк и его жене, а потом переехала в свое жилище».

«У Хэнка были животные, и он был очень религиозным человеком, общался с шаманами, проходящими через город», объясняет Ширли Берман. «Его религиозное использование пейота было одним из способов, которые считались законными, хотя они и взяли его за то, что у него были орлиные перья. Если бы он жил в резервации, это было бы в порядке вещей».

Другой близкий приятель Берманов, живущий в Топанга в то время, был кинозвезда Русс Тэмблин: «Люди говорят, что у Уоллеса были последователи, но он этого не хотел, он не был лидером, он хотел, чтобы люди нашли самих себя, последователем был только я. Уолли был моим наставником, и я следовал за ним повсюду. Он брал меня на сотни выставок, и с того момента когда мы познакомились, мы начали отращать длинные волосы. Уолли был ключевой фигурой в журнале Семина, духовным деятелем, как Кришнамурти. Над ним был некий загадочный ореол, и я никогда не встречал такого как он, — а я был кинозвездой! Он был личностью с одухотворенной аурой».

Тэмблин остался весьма озадаченным, когда Берман представил ему Кэмерон, не в последнюю очередь ее сексуальной ориентацией. «У нее была очень Witchy (колдовская) аура, и я никогда не был уверен, была ли она натуралом или геем. Она создавала эти странные изображения гей-парней. Я знал о той картине, и ее уважали как действительно хорошего художника, который затрагивал глубокие темы. В ней, конечно, была самобытность. Она выглядела таинственной и излучала сексуальные вибрации. Оккультизм был делом ее жизни. Это было немного жутковато, и я был немного напуган этим, и Уолли однажды сказал: «Знаете, иногда Темное искусство может иметь неприятные последствия и привести к помешательству, и вы должны относиться к нему с большим уважением». Так я познакомился с ее странностями. Мы никогда не говорили об искусстве. Только о личном. Понимание было лучшим комплиментом, который вы могли бы сделать кому-то, как если вы смотрите на что-то и видите это. Например, как растет дерево или цветок».

Когда Кэмерон подарила Тэмблину два рисунка тушью, их постигла та же участь, что и другие ее художественные приношения, они погибли при пожаре в доме актера. Топанга быстро становился популярным местом тусовки для рок-музыкантов, районом, располагавшимся вокруг Toranga Corral. Тэмблин и Берман даже приобщили к этой тусовке The Rolling Stones, когда они поставили на уши весь город. Тэмблин помнит, что Кристалл тоже проводила много времени в Toranga Corral, втянутая в не очень соответствующие ее возрасту взаимоотношения

с парнем, гораздо старше нее, тусовавшемуся там. Не надо быть профессиональным психологом, чтобы понять, что то, что она искала, была любовь, поддержка и защита, исходящие от отцовской фигуры, и, как следствие, по воспоминаниям Тэмблина: «Кристалл всегда попадала в беду. Это был очень неблагоприятный путь».

Шарм тоже оказалась вовлеченной в тусовку Топанга, и однажды ночью Кэмерон появилась у нее и попросила позаботиться о Кристалл, потому что она уезжала из города: «Она услышала, что Ли Рон Хаббард был в Панаме и хотела разыскать его. Она жаждала его крови, и в отместку обвинила Ли Рона в краже идей Джека и была убеждена, что он имел какое-то отношение к его смерти. Она не считала, что смерть Джека была несчастным случаем. Я не могла принять Кристалл, потому что присматривала за сыном моей неблагоприятной племянницы, который зависел от лекарств.»

К удивлению Кэмерон Саентологическая Церковь Хаббарда процветала на протяжении многих лет, но успех принес подозрение, и вследствие какой-то негативной прессы, которой Хаббард подвергся несколько лет назад, он стал гораздо более деспотичным и неуловимым.³ Теперь будучи Коммодором своего собственного флота, с личным составом, состоящим из его учеников, бывших у него на побегушках, он плавал по миру, пытаясь избежать государственных расследований в деятельности его организации. Хаббард надеялся, что, оставаясь в открытом море, он мог продолжать руководить своей империей за пределами каких-либо правительственных юрисдикций. Хотя миссия Кэмерон отомстить провалилась, это показало,

---

³ Одним из таких обличающих Саентологию материалов под названием: Истинный кошмар жизни Алана Леви был опубликован в журнале Life Magazine, а среди писем, пришедших в ответ на статью, было личное свидетельство от старой приятельницы Кэмерон Джулии Макдональд, которая написала: «Я была связана с Дианетикой в 1951 году в Лос-Анджелесе. После того как я увидела как доверчивые, невинные люди попадают в игру Хаббарда, я пришла домой и сожгла свой диплом аудитора. Вообще я не возражаю против мошенников. Но там, где другие умы и жизнь ранят, я должна подвести черту. Life Magazine, - 6 декабря 1968.

насколько сильно она все еще чувствовала боль от того как бывший друг жестоко обошелся с Джеком, и Аллен Миджетте вспоминает, что она даже участвовала в местной ТВ программе против Хаббарда: «Она очень зло отзывалась о Саентологии, но она бы никогда не сказала, что Хаббард был идиотом, она уважала интеллект в любой форме».

Для ее друзей было очевидно, почему Кэмерон была такой неистойвой: «Джек был самым важным и влиятельным человеком в ее жизни», объясняет Джоан Мартин. «Это был ураган, но после того как он умер, она хотела почтить его память, и он стал ей еще дороже после смерти. Она продолжила оккультную работу Джека, и взяла на себя этот образ. Кэмерон сказала, что когда она впервые встретила с Джеком, он носил мантию и у него были длинные ногти, и она вовсе не была такой, но после его смерти, она приняла на себя его роль. У нее были разные версии его смерти. Она вышла, чтобы включить зажигание в автомобиле и когда она вернулась, он уже был мертв. Если бы в тот момент она осталась дома, то вероятно тоже бы погибла, так что она дала понять, что ее преследовала вина выжившего.»

***

После двухлетнего периода отдаления, после жестокого нападения в кинотеатре, Кэмерон решила наладить отношения с Энгером и написала ему письмо, пытаясь урегулировать их отношения. Ее письма, казалось, тронули Энгера, и для установления подобия добрых отношений, когда он посетил Лос-Анджелес, он представил Кэмерон своему новому протеже, Бобби Босолей, милому музыканту, который готовился сыграть главную роль в его новом фильме «Lucifer Rising» («Восстание Люцифера»).

Одна великолепная история, которую Кэмерон любила рассказывать в течение последующих многих лет, вращалась вокруг визита их троих на Голливудское кладбище. Это было излюбленное место Кэмерон и Энгера, который совершал многолетнее паломничество в гробницу своего героя Рудольфа Валентино, в то время как она сидела на могиле бывшего Эви Эбботт, Тайрона Пауэра, лихой кинозвезды, в котором было немало от Джека Парсонса. В данном конкретном случае на это трио обратил внимание сварливый владелец кладбища, Жюль

Рот, который запирает данный объект. Подъезжая на своей машине, Рот рявкнул: «У вас есть 60 секунд, чтобы убраться с кладбища» На это, Энгер, важничая, с полной помпой возразил: «Я думаю, что Вы не знаете, с кем сейчас разговариваете. Это известная художница Кэмерон, а это известный музыкант Бобби Босолей, а я известный режиссер Кеннет Энгер», на это Рот невозмутимо: «Ладно, 30 секунд».

Наладив дела, Миджетте присоединился к Кэмерон и полетел в Сан-Франциско, чтобы встретиться с Энгером, который жил в бывшем российском консульстве на Фултон-стрит, в настоящее время пришедшем в упадок особняке в викторианском стиле, на входной двери которой была надпись Кроули «Делай что изволишь», начерченная кроваво-красной краской. В то время пока они были в городе, Энгер представил Кэмерон Антона ЛаВея, «Черного Папу» недавно посвященного в Храм Сатаны, братство которого прославляло человеческие плотские инстинкты и дарвиновскую природу. Будучи поклонником нуар-фильмов, созданная атмосфера фильма «Ночной прилив» сильно растрогала ЛаВея, и он был рад познакомиться с его темной звездой. Позже он причислил этот фильм к своему списку великих сатанинских фильмов всех времен.

В ближайшее время будут изданы книги «Les Amencains», французский писатель Роже Пейрефит будет необоснованно утверждать, что Аллен Миджетте был магом в клане Кеннета Энгера, но актер, напротив не находил режиссера в своем вкусе вообще: «Я познакомился с Энгером и нашел его агрессивным и вульгарным. Он был полной противоположностью того, что я прочитал у Кроули. Я читал книги Кроули и любил их, но я не хотел принадлежать ни к какому сообществу, но я мог бы использовать эти знания в жизни». С другой стороны, Миджетте описал Бобби Босолея: «Хороший, милый, молодой человек, очень нежный и поэтичный, который просто сидел там босой и играл на лютне». Я помню, как однажды Энгер постучал в дверь Бобби, ища его, и сказал: «Бобби, если ты там, то тебе лучше выйти или ты будешь отлучен от храма». Они жили на том уровне высокой энергетической интенсивности, когда люди понимают друг друга без слов. В свою очередь, когда Кэмерон и Энгер встретились, я вышел прогуляться, потому что

не мог выдержать того напряжения. Энгер нравился Кэмерон, но она знала, каким он может быть ужасным. Он может быть очаровательным с ней в одну минуту, а в следующую полностью измениться. Он знал, как достать ее». Доказательством этого служит, то, что когда Энгер начал вовлекать Кэмерон в серию интеллектуальных игр, они вскоре снова расстались в плохих отношениях.

После расставания с Босолей, Энгер улетел в Лондон, где его темная репутация опережала его, и он был принят во внутреннем дворе у The Rolling Stones. Режиссер позже заявлял, что только благодаря ему музыка группы стала такой темной, так как он вдохновлял заигрывание с адскими силами их сатанинского эпоса «Симпатия к Дьяволу».⁴ Кэмерон тем временем, переехала из Калифорнии в город Санта Фе, Нью-Мексико.

---

⁴ В благодарность, Джаггер исполнял на своем синтезаторе гипнотический саундтрек к темному произведению Энгера, Призыв моего брата-демона, по его собственному признанию, его наиболее сатанинского фильма. Для фильма, Энгер подобрал нарезку из сцен альбиноса-подростка по имени Skip Tracer, выглядывающего через кристаллическую палочку, спускающихся с вертолетов военных во Вьетнаме, вместе с кадрами себя носящегося вокруг сцены как кружащийся дервиш, выполняющий магический ритуал и кадры выступления Роллинг Стоунс в лондонском Гайд-парке в честь мрачной кончины Брайана Джонса. Главную роль в фильме исполнил Бобби Босолей, которого Кэмерон сегодня вспоминает как «милую душу».

СОСАНИЕ ПАЛЬЦА

*Каждая революция улетучивается и оставляет
после себя только муть новой бюрократии.
Франц Кафка*

Зима 1967 г. застала актрису Пэт Куинн дома, сидящей среди друзей в Санта-Фе, кормящей своего маленького сына Калеба: «Я вернулась назад к природе, выпечке хлеба, медитациям и всем этим естественным вещам. В поселке Дом жили люди ну, понимаете, в стиле настройся и выпадай». Однажды, рано утром ее разбудил незнакомец, перелезающий через окно ее спальни: «Вдруг откуда ни возьмись эта 12-летняя нимфа, влезаящая в окно, оказалась Кристалл. Хотя я жила в престижном районе, выяснилось, что Кристалл не посещала школу и жила со своей матерью внизу в очаровательном небольшом глинобитном домике, который она снимала на свою небольшую ветеранскую пенсию и социальное пособие».

В то время Санта-Фе был индейским поселением, горной деревушкой из глины и соломы, и судя по всему, Кэмерон находила довольно привлекательной такую простую жизнь там с Кристалл, вынужденная порой купаться в оросительном канале. Как отголосок происшествия в Хайленд Парке, они были мишенью местных элементов, не единожды Кэмерон, вернувшись домой, обнаруживала, что их жилище было взломано и ее украшения украдены. Ведя кочевой образ жизни, без чьей-либо поддержки в течение столь длительного периода, дети были единственной отрадой Кристалл, на кого она могла

направить свою любовь, и она мгновенно перенесла ее на новорожденного Куинна.

Пэт Куинн: «Кристалл любила детей, и через нее я познакомилась с ее матерью, которую она привела к нам и которая располагала к дружбе. Когда Кэмерон была чем-либо очарована, она полностью фокусировалась на этом. Я была полной противоположностью. Она была очарована темнотой, а я была очарована светом. Она была лесбиянкой, но она никогда не пыталась проделать что-либо подобное со мной, это могло бы стать концом зарождающихся многообещающих отношений. Но она была со мной очень игривой. Я пробыла там в течение шести месяцев, пока мне не позвонили и не попросили проверить фильм Ресторан Алисы.»

Кристалл хорошо знала район, где жила Пэт Куинн, потому что она посещала дом по соседству, принадлежащий скульптору Джону Чемберлену. С Камерон его свел Аллен Миджетте, который также принадлежал обществу Санта Фе. После съемок в двух фильмах Энди Уорхола и Пола Моррисси, «Нудистский ресторан» и «Одинокие ковбои», Миджетте провел успешный тур по городкам США, исполняя роль короля поп-арта Энди Уорхола. Он был настолько убедителен в этой роли, что и преподаватели и студенты, одинаково купились на это, и считали, что они имеют дело с оригиналом. Поп-арт шутка была раскрыта, когда один из людей Уорхола проболтался.

«Я устал от работы с Уорхолом и мне пришлось убраться из Нью-Йорка», объясняет Миджетте. «Я знал, что Кэмерон собирается в Санта-Фе, и я тоже очень хотел поехать. В Санта-Фе есть индейцы, и природная красота, и пустыня которую Кэмерон очень любит. Я разговаривал с Чемберленом в ночном клубе Макса Канзас-Сити в Нью-Йорке, и он попросил меня позвонить ему, когда я туда доберусь, так как у него там были жена и дети. Его жена и Кэмерон стали хорошими друзьями. Это был волшебный тур. Я погостил у Кэмерон и Кристалл неделю, пока не нашел себе подходящее жилье.»

Более известный своими скульптурами, сделанными из изношенных частей автомобиля, Чемберлен начал расширять свои творческие горизонты, экспериментируя с кино, средой, в которой другие художники поп-арта, такие как Уорхол, сделали

себе большое имя. Сегодня, дерзкий художник признается, что более приземленные мотивы стояли за его желанием сниматься в кино: «Почему я попал в кино? Почему вообще люди попадают в кино? Да просто, захотел перепихнуться!»

Во время своего пребывания в Санта-Фе, Чемберлен задумал снять «Сосание пальца» («Thumb Suck») — фильм-исследование о том, как дети ведут себя со своими родителями. «Родительская функция заключается в том, чтобы развивать детей и направлять их к взрослой жизни, но я не мог поделиться этой мыслью ни с кем, потому что у них не было никакого представления, что из себя представляет воспитание детей», утверждает художник. «Дети были потрясающими, но взрослые были где-то в другом месте».

Фильм сняли в течение двух недель, в декабре 68-го, на ранчо за городом, в нем также снимались Кэмерон и ее подруга Сандра Чу, привлекательная черная леди, которая потеряла свои волосы из-за болезни детства. Кристалл также снимали, она играла в саду с сыном Чемберленов, Дунканом и по детской привычке сосать большой палец, дали название этому фильму. Как и в фильме «Звезда Польша», Кэмерон снова снимали сидящую перед зеркалом, на этот раз на ней был макияж в стиле кабуки [вид японского традиционного театра — прим. переводчика] и курящую косяк. Она показала нарисованный красный треугольник на лбу, а затем, ритуально, сожгла несколько веточек в камине.

Аллен Миджетте: «Меня не было рядом, когда снимали этот фильм, но я видел его позже и та часть, в которой снималась Кэмерон, была очень красивой. То, как она делала огонь из веточек, просто было похоже на то, как она реализовывала себя в жизни. Сэнди тоже была очень красивой, почти как Софи Лорен, и, когда она сняла свой парик и осталась полностью лысой, она была все также красива.»

Были планы поехать в Грецию и снять больше пейзажных сцен, но Кэмерон отказалась ехать без Кристалл, и проект отложили. Сегодня Чемберлен отвергает неизданный фильм без тени сомнения: «„Сосание пальца“ — детский фильм, и в нем были принципы, на которых я хотел бы акцентировать внимание. Кадры фильма с участием детей удались, но „Сосание пальца“ был тупиком. Единственное, что было в нем хорошее это название».

Камерон особенно была недооценена Чемберленом и утверждает, что он использовал ее в фильме только потому, что «она была поблизости и любила фотографироваться». В остальном он не разделял ее взгляды, не ценил искусство и считал оккультизм «таким же полезным, как сиськи у монашки».

Опровергая критику, Аллен Миджетте разносит Чемберлена с его мотивами и концепцией. «Чемберлен высосет вас и унижит. Вот он какой. Но он пользуется интересными людьми, чтобы самому выглядеть интересным. Поп-арт не очень интересен кому либо, кроме самого поп-арта. Это не настолько глубоко. Вам только стоит взглянуть на его скульптуры, чтобы понять это. Если он не заработает на этом деньги, он вообще не будет этого делать.»

Величественный пейзаж Нью-Мексико привлек других приятелей Камерон в этот регион, в том числе Денниса Хоппера, который снялся с насиженного места и переехал в соседний Тахо. Его дикая, заряженная энергией поездка через десятилетие собиралась достичь своего апогея в эпоху, определяемой фильмом «Easy Rider» («Беспечный ездук»), который превратил его в икону 60-х и научил Голливуд, как ухватить на кинолентку контркультуру. Сегодня понятно, почему у актера остались туманные воспоминания о Кэмерон и Чемберлене, посетивших пресловутую вечеринку у него дома: «О, сколько людей побывало в том доме. Там было тринадцать отдельных спален с отдельными входами и постоянно было полно проживающих там людей. Это был настоящий зоопарк, так что точно знать, кто был в доме... ха-ха-ха... в том или другом месте — это ... абсурд».

Кэмерон хорошо знала места в индейской резервации, в которых проживала в то время, когда Кристалл была еще ребенком. Теперь, с другом и дочерью они поселились в коммуне совершенно другого племени, «Свиноферме» Уэйви Грейви, прожив там только до того времени, пока те не снялись с места и не переселились в Вудсток на музыкальный фестиваль мира и любви.

20 июля 1969 года, за месяц до хиппи-фестиваля народной музыки, свершилось еще одно, более знаковое событие, к которому был прикован весь мир, Нил Армстронг сделал один маленький шаг от лунного модуля, и мгновенно фантастика

Кэмерон присоединяется к жизнерадостным шестидесятым — носит самодельную кожаную мини-юбку, топ и сумку, которую она смастерила из орлиных перьев. Фотография сделана во время визита в пустыню к Дону и Джоан Мартин в Санта Круз летом 1969 г. (Предоставлено из личной коллекции Джоан Гилберт Мартин)

стала фактом науки. Запущенный и подпитанный по технологии ракетного топлива, которое Джек Парсонс помог разработать, полет на Луну навечно стал свидетельством изобретательности и творческого воображения человека. Наряду со всеми другими футуристами и поклонниками научной фантастики, вы можете представить себе Джека торжествующим.

Чтобы поддержать успех своего романа «Чужак в стране чужой», название которого напоминало о содержании Книги закона Кроули и который стал бестселлером, Библией контркультуры, старый приятель Джека и Камерон, Роберт Хайнлайн был приглашен телеведущим Уолтером Кронкитом в качестве приглашенного комментатора во время исторического телевизионного вещания. Хайнлайн, как и многие, возлагал еще большие надежды на будущее освоение космического пространства. Кто бы тогда мог предположить, что этот гигантский шаг вперед со временем раздробится на ряд все более бессмысленных и лишенных воображения упражнений стриженных под «ежик» ученых, которые ужали лунный пейзаж до еще одного участка земли, по которому можно погонять в гольф.

***

Медленно распространяющееся влияние Кроули достигло полной силы в конце 60-х годов, затмевая таких современных гуру, как Гурджиев и Успенский. Доказательство его дозволяющей всё власти на эпоху проявилось, когда его лысый, зловещий лик украсил знаковую обложку альбома Битлз «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера», один из величайших артефактов 60-х. В 1966 году наиболее прямолинейный из Битлов Джон Леннон, взволновал религиозные права в Америке после опубликования своего заявления о том, что среди детей в Англии его группа стала более популярной, чем Иисус. Этот комментарий, а также его предположение, что рок-н-ролл переживет христианство, почти пустил под откос мощный состав ливерпульской четверки, и в результате на огнище из их записей, по всему Библейскому поясу [область США, главным образом, Юг и Средний Запад, где сильны религиозные традиции, и доминирует протестантский фундаментализм — прим. переводчика], был наложен запрет на трансляцию их звукозаписей,

а также поступали угрозы насилия от христианской террористической группы Ку-клукс-клан. В том же году, было обнаружено, что андеграунд-газете International Times, помогал пожертвованиями Пол Маккартни. Ее январский выпуск 1969 года содержал иллюстрированную статью о Кроулеанской сексуальной магии, написанную Кеннетом Грантом, который продолжал распространять слово Телемы, когда они вместе с Джоном Симондсом в том же году издали для широкой публики автобиографию «Исповедь» Алистера Кроули.

Рассматривавшееся в качестве мрачно-гламурного героического культа, магическое использование секса и наркотиков, которые проповедовал Кроули, зацепили кайфовавших хиппи и они поставили его в центр расцветающего оккультного возрождения. И Леннон и Тимоти Лири публично повторили его лозунг «Делай, что изволишь», но несмотря на такую звездную рекламу, многие из тех, кто упоминали Великого Зверя, не набрались терпения и дисциплины, необходимых для серьезного изучения Телемы, высокое назначение которой деградировало до потакания себе и гедонизма в стиле хиппи. Конечно, в то время как 60-е прогрессировали, секс потерял свое священное измерение и был сведен к траханию, когда наркотики преимущественно принимались не как трансцендентное таинство, а в основном как простой способ отвлечься от самого себя и своей жизни и просто себя анестезировать.

В своем эссе «Свобода — обоюдоострый меч», Джек Парсонс отметил, что другая сторона лезвия — ответственность — была так же важна, как и свобода, он отдавал этому отчет. Определяющим было отчаянно нуждающееся в любви поколение, и поколение, которое несло в себе чудовищные последствия. Убийство, испытанный способ Америки вести избирательную политику, уже добавило такие зарубки как Малколм, Мартин Лютер Кинг и Бобби Кеннеди на пояс своего пистолета, и всякая надежда, что новый прогрессивный политический рассвет взойдет по всей земле, утонула под градом пуль.

США увязли в трясине Вьетнама, война, которая началась, разделила поколения и поляризовала страну, насилие со свободным затвором. Как бои велись на улицах, Кеннет Энгер, например, считал, что параллельно, на астральном плане велась

война Милтоновских масштабов с Люцифером, сражающимся на стороне поколения любви против старого порядка. Но так как за души контркультурного движения боролись как призывы неисправимых оптимистов о «мире и любви», так и радикалы с лозунгом «убей своих родителей/разгромай государство», в конечном счете, все это только помогло привести Никсона и силы консерватизма к победе в президентской гонке.

Франц Кафка как-то раз мудро высказался, что «каждая революция улетучивается и оставляет позади только остаток новой бюрократии», так и получилось. После того как отпраздновали лето любви, похмелье вступило в силу, и когда с широко раскрытыми глазами дети продолжали появляться со всех уголков страны, чтобы вступить в партию Хейт-Эшбери [район в городе Сан-Франциско, штат Калифорния, названный по пересечению улиц Хейт (англ. Haight) и Эшбери (англ. Ashbury), был одним из центров движения хиппи в конце 60-х, и центральным местом событий Лета любви — прим. переводчика], и уже подходили к концу, «тяжеловесы» переехали поглощать все жирные куски и легкую добычу.

В августе 1969 года странствующий любимец Энгера Бобби Босолей был арестован за бессмысленное убийство Гэри Хинмана, миролюбивого учителя музыки, распевającego мантры. Три дня спустя, его приятель Чарльз Мэнсон, козел-вожак, направил своих обкуренных накачанных убийц на места резни Тейта/Ла-Бьянка. Возвращение в Эдем стало потеряннным раем. Смертоносные псы, спущенные с цепи теми шокирующими убийствами, казалось, повисли как темное облако над злополучным концертом Rolling Stones, состоявшемся на магистральной Алтамонт в декабре 1969 года. Всепроникающее насилие толпы стремительно разрасталось с момента ужасающего нападения на чернокожего зрителя Мередита Хантера Ангелами Ада, которые были завербованы, чтобы обеспечить «безопасность» мероприятия. Отличный пример трахнутой логики того времени, когда преступники были возвышены до героев, рассматривался в качестве высшего достижения фигур анти-истеблишмента. Мик Джаггер выглядел ошеломленным, со знаком Омега на его футболке, последней буквы греческого алфавита, обозначающей «конец», это казалось устрашающе пророческим.

В ретроспективе, стоит повторить то, что Анаис Нин сказала о кульминационной точке фильма «Торжественное открытие храма наслаждений»: «Любовь стала ненавистью, восторг стал кошмаром. Те, кто начал с чувственной привлекательности, закончившейся пожирая друг друга».¹ По ней легко можно было бы предсказывать подъем и падение 1960-х.

Декаду 60-х годов Аяя объясняет просто астрологическими терминами: «У нас был Плутон в Раке, и у них, у хиппи, Плутон был в знаке Льва, и все это о самовыражении, „Давайте носить длинные волосы и быть, теми, кто мы есть“, они просто хотели двигаться в ритме рок-н-ролла. Это не простое время, в которое мы родились, и время, в котором мы выросли. Кэмерон родилась незадолго до коллективной кармы Великой депрессии, так что для нее это было вовсе не то же самое что для поколения хиппи. Все располагается в истории. Каждая культурная парадигма имеет астрологическое назначение. Старое сгорает и открывает путь для нового. Поколение Кэмерон искало видения и голоса. Это было похоже на то, как открывали тюрьму, в которой одомашнивали и поработали женщин. Урок 60-х годов, похоже, позволил нашему задавленному внутреннему ребенку поиграть. Следующее десятилетие было похоже на возвращение к своего рода порядку новой Девы».

***

По утверждению Аяи, с помощью магических средств новый муж Кэмерон Уильям Ройер, практикующий масонскую церемониальную магию, в конечном счете подтолкнул ее вернуться из Нью-Мексико в Калифорнию. «Я послала ей талисман, и услышала все сенсационные рассказы о непостижимом явлении, которым была Кэмерон, Уильям немного пенился и не мог дождаться, чтобы привезти ее назад и лично познакомить ее со всей этой магией, чтобы заниматься с ней этим вместе. Он знал, что она была сильным магом, и он хотел поговорить с ней о работе со скрытыми тенденциями, темной стороной вещей».

---

¹ Дневник Анаис Нин, том 5.

Сначала все это не впечатлило Кэмерон. «В течение многих лет она не могла простить меня за разрыв отношений с Элиасом, и когда они, наконец, встретились лицом к лицу, и она набросилась на Уильяма и сказала: «Я могла бы убить вас за то, что притащили меня сюда», но, в конце концов, они сблизились. Они дрались на дуэли на магическом уровне — все это было очень по-Скорпионьи. Эти двое, конечно, были в этом похожи друг на друга, и между ними были ожесточенные словесные поединки. У нее был миллион историй, которые она могла нам рассказать. Она была слишком поглощена книгой Утро магов и посоветовала Уильяму её прочитать. Я думаю, в жизни ей недоставало мужской энергии».

Со своим новым мужем Айя начала работу «Ayara Foundation» — обучение астрологии в их с Лорелом Каньоном доме, и делала экспериментальные фильмы с друзьями, такими как Донован и Ринго Старр. Кэмерон провела там ритуал призывания духов, оставив пару за пределами магического круга незащищенными и это то, что все еще ставит в тупик Айю и по сей день.

Тем не менее, Айя изображает Кэмерон в первом выпуске «Матрицы»: Ибо она из «Нового Эона», литературного журнала празднующего святое женское начало, журнала, который она отредактировала и издала в соавторстве с Шарм. Выпуск, содержащий серию работ Кэмерон с изображением женщин ню, датированных периодом Бьюмонта, изначально был задуман, чтобы отдать дань уважения сборнику стихов Джека «Песни к Женщине-Ведьме». На сделанной Айей сопроводительной фотографии Кэмерон предстает все более похожей на старуху.

Кэмерон и Кристалл увидели окончание 60-х годов в секции Джошуа Три под названием Pioneertown (город первооткрывателей), где они присоединились к Норману Роузому, Ларри Холлому и Аллену Миджетте. Особый антураж вновь возродил одно из любимых занятий Кэмерон.

«Мы все были увлечены НЛО» — рассказывает Миджетте. «Во время службы в армии Ларри работал на базе Роузэлл в Нью-Мексико, где по неподтвержденным данным в 1947 году произошел знаменитый инцидент с НЛО, якобы авария, и он говорил о том, что видел там НЛО в форме хот-дога. Я тоже видел. Мы все ездили в Девилс Пунчбул, обследуя небо

в поисках НЛО. Кэмерон провела там ритуал, и мы праздновали с шампанским.»

Как и предполагает название, Pioneertown был старой съёмочной Вестерн-площадкой Голливуда, которая была преобразована в жилые помещения. Когда ковбои на выходных выезжали в город, используя вестерновые декорации для ролевой игры, Кэмерон иногда присоединялась к ним для раунда по стрельбе из пистолета. Как и у любого хорошего преступника, у нее были стычки с властями, и она была вынуждена смываться из города вместе с Кристалл под носом у местного шерифа из-за флирта с пожилым мужиком.

Как и Камерон, Роберт Айкен тоже был знаком с Бобби Босолеем, он встретился с ним на съемках «Ramrodder», ультрамодном вестерне, в котором они снимались с парой девушек Мэнсона: «Бобби жил в Топанга с тремя беглыми девицами» — вспоминает Айкен. «Я сказал Кертису Харрингтону что этот очень интересный, красивый молодой человек, пригласил нас на чай и обед. Позже, когда он был обвинен в убийстве, я вспомнил, что у него была привычка всегда носить при себе большой нож, и Кертис шутливо ругал меня за то, что я привел убийцу в его дом.»

По иронии судьбы, Харрингтон также дружил с жертвой Босолея Гэри Хинманом, которого он знал по буддийскому храму Веданта. Айкен также снялся в нескольких эротических фильмах Расса Мейера, Виксен и Черри, Гарри и Какуэл и, по словам Джона Гилмора другой подругой Кэмерон актрисой Шарон Ли, которая сыграла главную роль в фильме Майера «Motor psycho». Как и у Кэмерон, у Ли была дикая репутация, Джон Гилмор с нежностью вспоминает: «Шарон Ли приняла участие в сексуальных сценах в Пасадене. Я видел ее несколько раз, когда она жила в Санта-Монике в маленьком захудалом отеле на променаде напротив карусели фильма „Ночной Прилив“. У нее была фотография ее самой с Кэмерон напротив фасада дома в Пасадене. Пару вечеров я провел с Шарон, мы взяли таблетки и курили опиум. В то время как я жил в Луизиане в конце 1980-х годов, я слышал, что она покончила жизнь самоубийством, живя в Венеции.»

ВРЕМЕНА ВЕДЬМ

*Изначальным божеством для наших предков
была женщина. Самозародившаяся Богиня.
Подательница жизни, источник смерти и
возрождения. Мария Гимбутас.*

Те, кто жил на передовой 60-х годов, и кому удалось выжить, казалось, пошатываясь входили в начало 70-х годов, как контуженные звери. Так как социальный плюрализм продолжал набирать обороты, экспериментирование с образом жизни становилось все более широко распространенным явлением. Поведение, которое когда-то считалось исключительной прерогативой хиппи и наркоманов, начало ощущаться на улицах: употребление наркотиков, распространение таблеток даже среди домохозяек, как это ранее было лишь с одурманенными рок-звездами. Сексуальная революция распространила свои щупальца по направлению к зеленым пригородам под видом обмена партнёрами во время группового совокупления на вечеринках, позволяя родителям поколения любви участвовать во взрослых забавах, которые, как им казалось, они упустили. В то же время, последний крик моды в сфере колдовства и паранормальных явлений вывел оккультные науки из тени прямо на яркий свет мейнстрима.

***

Для Кэмерон 70-е принесли с собой кончину некоторых важных составляющих ее жизни, и множество новых личных

битв, в которых нужно было победить. Десятилетие стартовало со смертью ее матери Кэрри в сентябре, который принес конец эпохи. Многие годы мать и дочь жили в разных мирах, и это была трудная борьба в отношениях длиною в жизнь.

«Было кое-что еще о ее матери» — объясняет Шарм — «Она была приземленной женщиной, и Кэмерон сказала бы о ней „знаешь, как говорят в Айове“, это были чисто женские отношения».

Для Кэмерон ухудшение ее собственного здоровья становилось серьезным поводом для беспокойства. Во время пребывания в Нью-Мексико ее госпитализировали и лечили разрушавшееся легкое, но состояние дыхательных органов все равно ухудшилось, и она страдала от приступов хронического бронхита и эмфиземы — от последствия ее привычки выкуривать по пятьдесят сигарет в день. И это наряду с рецидивами нервной дрожи в руках, означающими, что она не могла рисовать в течение последних четырех лет. В результате это привело к тому, что масштабы ее работ сократились, и с тех пор эскизы рисунков были уменьшены до размера книги.

К началу 70-х годов Пэт Куинн жила в Западном Голливуде на Северной Дженисс Авеню, в милом районе, который был домом для портных, плотников, художников по декорациям и операторов из киностудий. В последнее время район сильно изменился в худшую сторону и был далек от той «красивой долины», о которой говорит его итальянское название.

«И вверх и вниз по этой дороге было полно наркоманов» — подтверждает Куинн. «И чем дальше на юг по проспекту вы едете, тем более фанковым этот район становится». Там, где Дженисс Авеню пересекается с Бульваром Санта-Моники, где жила Куинн, район рябил секс-шопами и порно-театрами.

Когда Куинн переехала из своей квартиры на углу, Кристалл въехала в нее вместе с мужем и маленьким сыном. Вскоре после этого и сама Кэмерон переехала в дом на Дженисс поблизости, и перевезла с собой Нину — эльзасскую, скрещенную с хаской собаку, свою последнюю любимицу. В некотором смысле этот непристойный район казался подходящим антуражем, каким и стало новое жилище Кэмерон. Ибо, хотя было мало сакрального в сексуальности,

которая экспонировалась, Кэмерон была одной из предвестников, которые помогли зажечь фитиль сексуальной революции, который достиг своего, гм, апогея в 1973 году некачественно сделанным порно фильмом «Глубокая глотка». Фильм славился откровенными сценами фелляции, стал резонансным, и в результате принесшим хардкорную порнографию в мейнстрим. По иронии судьбы, его название содержало имя анонимного источника в Уотергейтском скандале, который помог обрушить администрацию Никсона, начавшего моральный крестовый поход против того, что они видели, как нарастание грязи и бесстыдства.

Айя, например, не могла поверить, где теперь жила Кэмерон: «Ради всего святого, Кэмерон жила прямо посреди секс-шопов и порно театров! Я бы сошла с ума, если бы жила там. Кроме того, она практически занималась ритуальной магией. Вы только представьте себе: знать все это и вести повседневную жизнь, это просто странно. Ей нравилось быть невидимой посреди всего этого».

Кэмерон тайла надежды, что Пэт Куинн представит ее своей нынешней страсти, Марлону Брандо, но актриса, которая была любовницей и личным секретарем уединившейся легенды, не имела никакого намерения содействовать этому.

«Марлон бы не одобрил этого. Его бы это рассердило». Куинн все же представила Кэмерон сестре Брандо Джосселин, и вместе они посещали занятия в доме у астролога Сидни Омара. Как вспоминает Аллен Миджетте, Кэмерон рассматривала Брандо в качестве ницшеанского Сверхчеловека, и Пэт Куинн это подтверждает: «Кэмерон принимала Марлона за антихриста, потому что он был атеистом, но опять же, возможно, она просто хотела его трахнуть. Может быть, это выходило за рамки традиционного поклонения героям».

Когда Кэмерон сказала Куинн, что они обе борются за душу Брандо, актриса не поняла, что та имела в виду. «Я просто посмеялась. Я не склонна все так усложнять».

Как и ее известное убеждение, что она каким-то образом вдохновила Дилана на создание песни «Sad-Eyed Lady of the Lowlands», теперь Кэмерон претендовала на то, что картина Брандо Последнее танго в Париже была в каком-то смысле о ней.

«На самом деле правда в том, что большинство диалогов в этом фильме были основаны на моих диалогах с Марлоном» — утверждала Куинн — «За исключением того масляного отрывка! Этот фильм об отношениях Марлона со своей матерью и семьей, и женщинами из его прошлого».

Хотя ее мечтам о встрече с Брандо никогда не суждено было сбыться, все же Кэмерон получила шанс познакомиться с Бобом Диланом, когда певец снабдил Пэт Куинн билетами на его музыкальную тусовку в день Святого Валентина в Форуме в Лос-Анжелесе, на серии концертов, которые впоследствии войдут в концертный альбом под названием «Before the Flood».

Пэт Куинн: «После шоу мы пошли в отель Беверли Уиллшир, и я познакомил ее с Бобом. Он и я были давними любовниками, старыми друзьями. Кэмерон пыталась быть очень загадочной, но он не обратил особого внимания. Я представила ее и Джеку Николсону тоже. Она сияла, когда находилась около какой-нибудь знаменитости; она становилась как девушка из маленького городка, когда попадала в такие ситуации».

***

К середине 70-х годов продюсер Рик Натансон арендовал дом Самсона Де Бриера, и он часто сталкивался с Кэмероном и сидел с ней на крыльце. «Я занимал нижний этаж фасадной части дома и разговаривал с ней, когда она приходила. Она сидела на ступеньках крыльца, раскачивалась взад и вперед и рассказывала отрывки историй». Кэмерон теперь было уже за пятьдесят, но ей до сих пор хотелось удовлетворять свое жуткое тщеславие.

«В то время она таскала с собой бархатный мешок, в котором, как сама утверждала, она хранила голову своего мужа Джека Парсонса. Упомянув Джека она прибавляла „эти ублюдки“, имея в виду Ли Рона Хаббарда и сайентологию. У нее были длинные, бело-желтые волосы, тонкие глазные веки, и справедливый характер. Она была покрыта тайной. Я считал ее одной из голливудских икон. Я любил и восхищался ею».

Так получилось, что будущая жена продюсера, рок-фотограф Энди Натансон, также встретила с Кэмерон случайно год или два до того в доме Айи и Уильяма, где она изучала астрологию под их руководством. Ее первое впечатление было довольно обеспокоенным: «Кэмерон изучала меня, и меня это испугало, но Айя сказала: „Нет, нет, нет, все нормально“». «Я не знаю, привлекала она меня или нет. У нее были неустрашимые глаза, которые смотрели прямо сквозь вас. Это было вызывающе, но я не понимаю, что это значило для меня». Привлекательный фотограф также оказалась жертвой кокетства Кэмерон, но, несмотря на ее изначальные опасения, она тоже была очарована. «Кэмерон была как светловолосая знахарка. Она выглядела как женщина пустыни. Эта женщина понимала тишину, как лиса в пустыне. Она была кочевницей. Во многих отношениях она была суровой. Луна в Овне — Луна очень маскулиная, быть красивой и иметь все те качества было довольно сложно, особенно для тех времен. Она опережала свое время».

Портфолио Натансон содержало ее снимки известных рок-звезд, и в новом десятилетии влияние Кроули на музыкальную рок-культуру было сильно, как никогда. К концу 60-х годов рок заменил живопись как исключительное средство, с помощью которого музыканты отражали свое общество и время, и к началу 70-х годов было второе британское вторжение рок-музыкантов, которые вновь установили новый дух времени.

В Лондоне у Кеннета Энгера было благоприятное единение с гитаристом Led Zepelin — божественным Джимми Пейджем. Два последователя Кроули встретились на аукционе памятных вещей Великого Зверя, и, несмотря на то, что Энгер успешно перебил цену, они быстро подружились. Он начал сотрудничество с гитаристом, и они вместе записали саундтрек к последнему проекту Энгера «Lucifer Rising» («Восход Люцифера»). Фильм славился великолепными видами Египта, плавно перетекающими к иконографическим изображениям, в том числе кадрам Марианны Фейтфул (Marianne Faithful) изображавшей Лилит, поднимающуюся из саркофага, и кадрам с летающей тарелкой, парящей над руинами Луксора. История стремится повторять себя, и когда Энгер поссорился с Пейджем, проект

завершился взаимной враждебностью. Распад заставил режиссера вернуться обратно к своей прежней привязанности, а ныне заключенному в тюрьму Бобби Боссолею, которые заменил трансподобный гул Пейджа новым переливающимся саундгарденом, который великолепно подошел к фильму. На сегодняшний день он считается единственным саундтреком к фильму за всю историю, записанным за решеткой.

Другой член британской рок-аристократии, Дэвид Боуи, стал наиболее влиятельным и дерзким музыкантом десятилетия. Со своим андрогинным, потусторонним имиджем, апокалипсическими видениями, он возглавлял направление «бисексуальный шик», тематика Боуи безупречно совпадала с собственными страстями и многолетними увлечениями Кэмерон. Погруженный в оккультизм, приливный трек его нового кокаинового альбома «Station to Station» [«От станции к станции» — десятый студийный альбом британского музыканта Дэвида Боуи, был издан в 1976 году и считается одной из наиболее значимых работ Боуи, также он примечателен тем, что в этот период был создан последний грандиозный образ музыканта — Измождённый Белый Герцог — прим. переводчика], был приправлен ссылками на Кроули и каббалистику и старые приятели Кэмерон — Деннис Хоппер и Дин Стокуэлл, также провели лето 1975 года, посещая тусовки и концерты Измождённого Белого Герцога в Бель Эйре. Использование Боуи космической тематики для передачи чувства личной отчужденности помогло поднять его на головокружительную высоту суперзвезды, а затем и Джеку Парсонсу также было предоставлено собственное особое место в космосе, когда Международный Астрономический Союз назвал лунный кратер в его честь — за заслуги в разработке ракетной техники. Эта астрономическая награда была инициирована при содействии его старого друга и коллеги по JPL Фрэнка Малины.

***

В феврале 1976 года, накануне своего 50-летия, Уоллес Берман был убит пьяным водителем, и столь любимая, чудесная душа покинула планету. Близкий друг Кэмерон и один из первых ценителей ее искусства, полный энергии Берман

создал благоприятные условия для поддержки талантливых художников, затронув жизни многих людей вокруг. В доказательство этого на его похороны пришли около пятисот человек: в то время как предполагалось, что это будет частное семейное дело, оно превратилось в полномасштабное мероприятие, когда сотни людей появились в доме Берманов. Такая обстановка принесла Ширли Берман столь необходимое ей отвлечение в тот скорбный день.

«Мой муж был евреем, и этот бедный раввин, который не знал там никого, был для всех посторонним, проводил эту церемонию, и он видел все эти автомобили, постоянно подъезжавшие, и входящих людей: он просто совершенно растерялся. У него случилась истерика».

После безвременной кончины мужа Кэмерон стала для Ширли Берман примером, вдохновляющим тем, какой образ жизни она вела, стойко переживая хорошие и плохие времена.

«После смерти Уоллеса я много думала о Кэмерон. Я не хочу жить так, как живет она, но хотела бы взять у нее несколько уроков из жизни и то, как она проживала ее».

Год спустя еще один важный человек из жизни Кэмерон, Берт Шонберг, скончался от аневризмы головного мозга. В последние годы жизнь художника-монументалиста приняла еще более странный поворот, и к началу 70-х годов он уже совсем не был Бертом Шонбергом, а стал Джеком Бондом, межгалактическим агентом из «Time Coast» в 4-м измерении.

Картины Шонберга в то время ценились довольно высоко, и он считал Джека Николсона и Гарри Кона младшего коллекционерами своих работ. Его работы также украшали обложки альбомов, начиная с портретов классических композиторов: Чайковский, блестяще изображенный на «Out Here», безликая фигура, сидящая на скале, окруженная радужным светом как украшение альбома «Arthur Lee and Love» с таким же названием. Относительно недавно он разработал обложку к альбому «Spirit» of 76 для рок-группы Spirit.¹ Хотя его творческие способ-

---

¹ Рок-группа Spirit (Дух) была представлена Маршаллом Берли, племянником популярного артиста Милтона Берли, которого заманили на орбиту Шонберга

ности не снижались, поведение Шонберга становилось все более параноидальным, и даже его лучший друг был озадачен этим.

Ледрю Шупман Бейкер: «Мы ходили в закусочную Швабс каждый день за кофе и сигаретами, и он рассеяно рисовал что-то на салфетках, а потом стал параноиком и говорил, что люди наблюдают за ним, пока он делает заметки. Это были его невероятные рисунки, и он бросал их в мусорную корзину, а выходя на улицу, смотрел, как люди рылись в мусоре и доставали их оттуда. Он думал, что они шпионили за ним, пытаясь выяснить, что он написал. Он был убежден, что за ним следят правительственные агенты. Он считал, что это касалось промышленного шпионажа, преступлений в сфере бизнеса и коррупции в органах власти. Он чувствовал, что агенты спецслужб следили за ним, и как-то сказал, что на самом деле в него даже стреляли. Но он считал, что космические силы, такие как *Mysterions*, защищали его, потому что он соблюдал законы любви и права в кармическом смысле. *Mysterions* были силами на более высоких и светлых астральных планах».

его удивительные произведения искусства, которые тот однажды увидел во время прогулки по Сансет Стрип будучи под воздействием пейота еще в 60-е годы.

«Я видел фреску Фиолетовый лук у ночного клуба, и мы остановили машину, я выскочил, смотрел на нее и думал: «Как этот парень узнал? Как мог этот художник ухватить то, что видим мы? Поэтому я хотел познакомиться с ним, и как-то Берт и Ледрю пришли ко мне в квартиру, а я ожидал этого необычного фрика, но когда они появились, я подумал, что они полицейские, потому что у них были коротко стриженные волосы, и их брюки были заправлены в сапоги. Позже я узнал, что это была их дань капитану Кирку и Споку из Стар Трека. Они были в этом большом научно-фантастическом путешествии.

В качестве примера шести степеней разделения, где, казалось, каждый в 60-х годах знал всех остальных, Бобби Босолей однажды выступил гитаристом в рок-группе Love. Как сообщается, Артур Ли даже назвал группу в честь ласкательного имени Бобби — Cupid (Амур). Другое Энгер/Кэмерон/Берт объединение было сделано в отношении к произведениям Шонберга для Spirit, чья инструментальная песня «Taurus» («Телец»), как говорят, вдохновила Джимми Пейджа на создание последовательности аккордов «Stairway To Heaven» («Лестницы в небо»).

Однажды вечером Ледрю вернулся домой в квартиру в Сил-Бич, которую они делили совместно, и нашел Шонберга лежащим на диване с одним открытым глазом и одним закрытым глазом.

Его смерть не была для него неожиданностью, он знал, куда отправится. Он нашел ответы на все экзистенциальные вопросы и завершил то, для чего пришел на эту землю. Его работы уже были в мире, поэтому он был готов к тому, чтобы уйти. Он посмеивался, когда я говорил, что он должен защитить эти картины. Он сказал: «Я постараюсь, сделать так, чтобы мое тело исчезло, когда я уйду». Он умел оживить ситуацию.

В том же году Кэмерон была представлена всеми уважаемому режиссеру Чике Странд, которая была заинтересована в том, чтобы задействовать ее в предстоящем кинопроекте. Кэмерон изначально возражала, говоря, что она больше не горит желанием фотографироваться, стесняясь своих морщин, за которые винила суровый климат и условия жизни в Санта-Фе. Вместо этого Кэмерон рассказала историю, в центре которой была ее школьная подруга со времен Дэвенпорта, которая покончила жизнь самоубийством после смерти своего бойфренда. По ее словам, мальчик продолжал посещать эту девушку из могилы, транслируя свое сознание в ее ум через зеркало на комод в ее комнате.

Кэмерон рассказывала о том, как врач пытался освободить эту девочку от потустороннего влияния, поставив стальной зажим в ее влагалище, и теперь что-либо похожее напоминает Кэмерон о смерти ее подруги», — вспоминает Странд. «История была очень, очень важна для нее, и кадры в фильме во время ее части относились к ее истории в буквальном смысле, ну или почти».

История Кэмерон стала важной частью фильма Странд «Loose Ends» («Свободные концы»), который соединил нелинейный рассказ, используя найденный, отснятый ранее материал, в том числе чудовищные изображения убийства лошади и сцены голода в Варшавском гетто и лагерях смерти.

Чик Странд: «Фильм, в котором она снималась — это не тот фильм, который я первоначально задумала. Сначала я хотела снимать ее в мягкой фантастике, фильме, в котором

несколько моих друзей рассказывали мне истории о себе, и я предпочла снимать большинство из их рассказов прямо на камеру. Но когда я редактировала „Loose Ends“, среди прочего материала, я обнаружила, что история Кэмерон могла бы быть идеальной для него». Странд записала голос Кэмерон, когда они сидели на заднем дворе ее дома, покупая анашу. В то время Кэмерон выращивала траву сама, и в скором времени была задержана за «выращивание». Сигареты Страндне вызывали много вопросов, однако, когда Кэмерон отпустили, она приступила к лечению, которое включало безуспешную попытку переключить всю семью на макробиотическое питание.

***

Интересно было бы представить, как протесты Джонни Роттена из панк-группы Sex Pistols, представшего в виде «Антихриста и анархиста», вызвали бы кривую улыбку на лице Джека Парсонса, если бы он был жив и услышал это. Будучи огромным культурным феноменом в Великобритании, панк-революция оказалась неспособной более широко взбудоражить воображение в Штатах, и ее влияние ограничилось музыкальными андеграундами в двух столицах и крупнейших городах Америки, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. На протяжении пары лет Кристалл была соседкой Иксены Червенки, солистки премьер-панк группы Лос-Анджелеса «Х».

«Мы жили там между 1979-м и 1980-м годами, и район был на склоне. Это были убогие времена» — вспоминает Панк-Богиня. «Вы могли бы обнаружить геев, занимающихся сексом на вашем заднем дворе и подозрительных типов, околачивающихся возле вашего дома».

На этом непристойном фоне сексуальная жизнь самой Кристалл стала еще более рискованной, и однажды ночью Червенка нашла свою соседку полностью раздетой посреди улицы. «Кэмерон вышла и отвела ее домой, но она все еще не одела ее, в этом они были язычниками». Запоминающийся инцидент вдохновил ее и отразился в последней строке песни группы Х, «In This House That I Call Home».

Я, наконец, смотрю в твои сладкие глаза, и кто-то выходит с бутылкой пива,

после того как он уходит, я поворачиваюсь для поцелуя и вижу соседку, она обнаженная на улице.²

Небольшой, скромный типовой дом Кэмерон на Дженисс Авеню был скрыт за двумя другими домовладениями, и добраться до него можно было через узкий переулок. Позволяя бамбуку расти в диком виде в палисаднике, чтобы обеспечить больше уединения и загадочности, Кэмерон создала волшебный грот в темном сердце Голливуда. Аллен Миджетте навещал там своего старого друга и стал одним из немногих людей, которым довелось наблюдать ее работу. Он наблюдал, как Кэмерон «направляла» последовательность автоматических рисунков, которые стали известны как «Плутон, проходящий двенадцатый дом» — астрологическая медитация на мистерию смерти, изображенную в деликатной серии абстрактных, спиральных символов, чьи космические вибрации, казалось, резонировали со страницей.

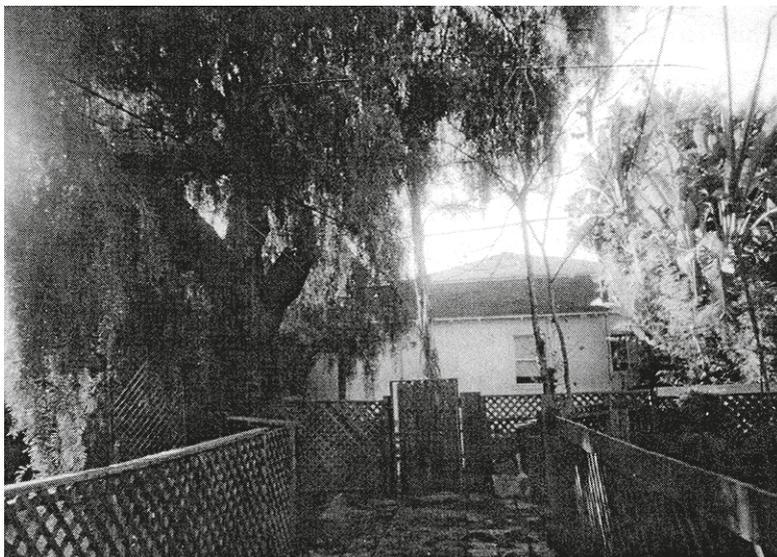
«У нее было такое мягкое прикосновение», — свидетельствует Миджетте. «Она была направлена в бытие из сердца Вселенной. Она делала подзорную трубу из карты, а затем прикрепляла цветную бумагу в конце, как в импровизированном калейдоскопе и заглядывала внутрь, а затем рисовала пейзаж, который в нем увидела. Она предпочитала использовать косвенные методы, такие как этот, для того, чтобы получить то, что ей нужно».

1984–1995

Ощущение, что диониссийская эра предыдущих двух десятилетий подошла к концу, казалось, оправдалось, когда политический маятник качнулся обратно, чтобы приветствовать нео-консерватора, избранного с подавляющим перевесом голосов — Рональда Рейгана. Тем не менее, по иронии судьбы,

---

² В этом доме, который я называю Дом, книге, написанной Джоном Доу и Червенкой Иксен. Тексты песен перепечатаны с разрешения Иксен Червенки.

Уединенный дом Кэмерон на Дженис Авеню, западный Голливуд, так он выглядит сегодня (фотография сделана автором).

даже президентство Рейгана не было застраховано от меняющихся приливов мнений, особенно тех, кто чувствовал, что не было места для каких-либо идей, которые отклонялись от традиционных ценностей или традиционного мышления. Это стало очевидным, когда из Белого дома начали просачиваться истории, предполагающие, что график президента часто согласовывался с астрологом, который имел влияние и на первую леди страны. После фурора в СМИ, которые взорвались сенсационной новостью, осажденная администрация начала оцетиниваться со всех сторон. Делегация из Федерации американских ученых написала президенту жалобу о том, что они серьезно обеспокоены тем, что он занимался «такими очевидными фантазиями», в то время как религиозное сообщество осуждает Белый дом за участие в «окультистских практиках». Хотя Джоан Куигли в конце концов была разоблачена как доверенный астролог Белого дома, Кэрролл Райтер была также названа в составе группы звездочетов, указаний которых Рейган придерживался на протяжении многих лет. Человек, чей дом Кэмерон часто посещала для

астрологических исследований. Вся эта полемика была такой, как будто 60-х годов никогда не было.

***

Постоянно беспокоящее ее состоянием здоровья вынудило Кэмерон начать специальные практики Тай-Цзи Цюань, участвуя в групповых сессиях в Бронсон Парке, под опекой доктора Маршалла Хоо. Хоо ввел древнее боевое искусство для студентов с помощью своего телесериала, транслируемого по местному кабельному каналу КСЕТ, и также, будучи мастером Тай-Цзи, он помог узаконить в Калифорнии иглоукальвание и холистическую медицину. Кэмерон увидела дисциплину как способ сохранения своего ума гибким и тела упругим. Она проявила большой интерес к своему учителю, особенно в его отношениях со своей партнершей и ассистенткой Стробери Гаттс, которая сама была пионером в голографии, и ранее работала с почитаемым мистиком и философом Мэнли П.Холлом.

Стробери Гаттс: «Кэмерон очень высоко ценила Маршалла, и она много говорила со мной о наших с ним отношениях. Она стала очень сильно на нас фокусировать свое внимание и говорила о том, как ей снились сны о нас. С учетом ее опыта она разработала техники в таких областях, как коллективная интуиция». Когда Гаттс навестила Кэмерон в ее доме на Дженисс, обстановка ее не разочаровала: «У Кэмерон за домом было три заостренных железных котла, которыми, как она сказала, она пользуется для церемоний, а в доме — я помню, были эти невероятные рисунки ангелов на дереве, обрамленные черными рамами, которые стояли друг за другом. Они были примерно четыре или пять футов в высоту и несколько футов в ширину, и она сказала мне, что они были подготовлены много лет назад для одного из главных храмов Лос-Анджелеса, изначально были разработаны как витражи. Но в свое время ей удалось удачно их приобрести, после этого она уехала в Мексику и запоздала с оплатой. Когда она вернулась в церковь, викарий упрекал ее и выгнал, и она сказала, что этот момент был важным поворотом в ее карьере, потому что после этого она продолжила вести бродячий образ жизни».

Упомянутые ангельские фигуры, были репродукцией изображений, содержащихся в первом томе «Равноденствия»,

официального органа Кроули Argenteum Astrum (Орден Серебряной звезды), и история, которую поведала Кэмерон, скорее всего, восходит к мексиканской поездке, которую она предприняла с таинственным мистером Мюром летом до рождения Кристалл. Отматывая назад по линии жизни, Кэмерон все еще прорабатывала официальную версию событий, касающихся Джека, и играла с новыми сюжетными линиями, окружающими его смерть: «Она говорила о том, что чувствовала, что Джек, возможно, не умер в результате того взрыва. На самом деле, она подозревала, что правительство пригласило его к работе в небольшом доме в районе Лос-Аламоса, и там был огонь и взрыв, и она чувствовала, что его смерть, возможно, была прикрытием, что он был все еще жив, когда они увозили его прочь. Возможно, она так и не смогла справиться с фактом его смерти, поэтому так и продолжала создавать в своем воображении другие сценарии».

В то время как вероятность такого сценария, была, конечно, под вопросом, у Гаттс не осталось сомнений в сверхъестественной сущности Кэмерон: «Она действительно была элементом. Я могла видеть это и в ней, и в ее внучке Айрис тоже, которая была сильно на нее похожа. Что касается Кристалл, я обнаружила, что в ней были какие-то физиологические и психологические нарушения, и что-то произошло с тем, как Кэмерон работала с энергиями. Кэмерон была частью более значительного царства. Она была типа огненного элемента, и в связи с этим я помню, когда ее пригласили на беседу с группой людей, что-то там загорелось, и в этом они обвинили ее, а она сказала: „Я здесь ни при чем, ха-ха“».

К середине 80-х годов в жизни Кэмерон проявились более земные кризисы, и ей приходилось посвящать большую часть своего времени злоключениям и невзгодам, которые происходили с ее внуками. Понятно, что получив то воспитание, которое выпало на ее долю, Кристалл было сложно удерживать дисциплину и контроль над ее неугомонным потомством, и Кэмерон была в большей степени способна выполнять родительские функции. Сожаление, возможно, не было частью ее природы, но некоторые друзья чувствовали, что сейчас Кэмерон это делала из-за того, что она не установила родительские границы, когда

воспитывала свою дочь. Это также была работа с полной занятостью. Старшие дети пристрастились угонять джип бабушки, чтобы кататься на нем, и соседи часто слышали, как Кристалл кричала на своего непослушного ребенка все время, пока он ехал по улице. Один внук, которого Кэмерон окрестила Сильвером, переживал фазу жизни несовершеннолетнего правонарушителя, и его проступки включали уничтожение одной из арф Кэмерон и сдачу в залог памятного кольца Джека Парсонса со скарабеем.

«Почти все время, что я знала Кэмерон, она боролась с судами и школьной системой в связи с ситуациями вокруг ее внуков, и постоянно приходила в ярость от этого», вспоминает Аяя. «Она была гордой львицей, сражающейся за свой прайд. Ее знак Солнца, ее природа были очень близки к Земле, в ней было очень много от Матери-Земли, а не от дикой природы, которую она тогда проявляла. Она была пионером в своем образе мыслей, и у нее была очень пылкая натура в том, что касалось войны и сражений во множестве видов, она будет противостоять всеми доступными способами. Один такой способ проявился, когда она служила в армии, но другие способы применялись, когда кто-нибудь угрожал ее детям — забудьте об этом — тут она становилась самим Марсом».

Человеком, который сделал перерыв в работе, и предложил наставничество Сильверу, был Джenezис Пи Орридж, основатель группы индустриальных рокеров Throbbing Gristle и Psychic TV [Throbbing Gristle — музыкальная группа, образованная 3 сентября 1975 года в Лондоне. Они считаются основоположниками музыки индастриал — само название происходит от основанного ими лейбла «Industrial Records». После распада в 1981 году, Джenezис Пи-Орридж и Питер Кристоферсон основали группу Psychic TV], который был знаменит сочетанием своей авангардной музыки с шокирующим перформансом. Знакомство Кэмерон с более эксцентричной стороной британской поп-культуры произошло благодаря Уильяму Бризу, эрудированному музыканту с опытом работы в мире искусства в Нью-Йорке, который вовремя поднялся, чтобы стать новым всевидящим оком обновленного ОТО. Бриз проявил инициативу для восстановления контакта с Кэмерон, и привел ее снова в лоно ордена, в процессе расширяя общественную деятельность.

10 мая 1987 года, Кэмерон появилась вместе с Кристалл и внуками в материале под названием «Матери и Дочери» в женском разделе Chicago Tribune. Задуманная фотожурналистом Карлом Вебером статья провозглашала вечные материнские ценности. Вебер разгласил, что подготовку именно этого снимка нужно было переносить трижды, потому что Кэмерон чувствовала, что астрологические условия не были благоприятными.

Этим летом Кэмерон также дала интервью радио BBC для документального фильма под названием Жизнь Ли Рона Хаббарда. Интервьюер Маргарет Перси получила телефонный номер Кэмерон от Кеннета Энгера, который к тому времени установил с Кэмерон сестринско-братские отношения, со всеми вытекающими отсюда взлетами и падениями. Эти двое даже обсуждали совместную работу над еще одним фильмом. Перси посетила Кэмерон на Дженисс, и, несмотря на морщины и разрушающее действие прожитых лет, она все еще могла обнаружить след красоты в ее хозяйке: «Я думаю, что она была потрясающей, когда была моложе» — комментирует Перси. Один выдающийся эпизод той встречи запомнился Перси, когда она задала пару вопросов Кэмерон, которые, казалось, вызвали дискомфорт у нее, и оба раза, как по команде, ее голубь начинал ворковать на заднем плане. «Это был жутковатый опыт» — подтверждает интервьюер.

Еще в 1969 году, в Английском Sunday Times появилась статья, избочличающая участие Хаббарда в Работе Бабалон с Джеком Парсонсом и документально подтверждающая раннее влияние учения Кроули на его работу. В противовес данному заявлению, Церковь Сайентологии выпустила легенду, в которой Хаббард описывался как агент из авантюрного романа, посланный в особняк на Южной Оранж Гроув, чтобы спасти свою будущую жену Бетти из тисков черно-магического круга Джека. Этот сомнительный сценарий проигрывали усердно и быстро, снабжая необходимыми фактами, впрочем, впоследствии в радиопередаче Кэмерон неожиданно оказала доверие этой версии, размышляя, что Хаббард, возможно, и вправду был агентом — как сам он утверждает»³.

---

³ BBC Radio4. «Житие Ли Рона Хаббарда». Августа 1987 г.

В беседе с Бризом она также пересмотрела обстоятельства окружающие ее собственную изначальную причастность к Джеку: Она призадумалась, и добавила: «Может быть, я была отправлена туда (в 1003), может быть, я была разведывательным дроном».

Было ясно, что в течение последних лет произошло кардинальное изменение отношения Кэмерон к Ли Рону Хаббарду, как объясняет Бриз: «Она, возможно, достигла своего рода примирения с сайентологами. Она была приближена ими и знала лично некоторых людей в Лос-Анджелесе, именно таким образом ей удалось получить файл Джека из ФБР. Она больше не сердилась на них и на Хаббарда, на самом деле ей нравился Рон, она находила его очаровательным».

За несколько десятилетий Церковь Сайентологии выросла в мультимиллионную долларовую империю, гордившуюся тем, что членами ее были и кинозвезды, но был один человек, чье невысокое мнение о Хаббарде решительно не изменилось, и со временем стало еще более враждебным — это был Кеннет Энгер. Для многолетнего голливудского наблюдателя, как он, укрепление позиций сайентологии в Голливуде только подлило масла в огонь его гнева, и, во время его собственного интервью для документальной передачи той же радиостанции, он выразил свои чувства предельно ясно, описывая Хаббарда как «элементарного демона».⁴

Даже если она никогда не была членом ни одной организаций, с учетом ее богатой истории, Кэмерон полагала, что она заслужила достойное место в высших эшелонах обеих организаций — и ОТО, и Церкви Сайентологии, и все же была другая духовная система, в которую с недавнего времени она была вовлечена. Благодаря Пэт Куинн, Кэмерон пристрастилась к книге Хосе Аргуэльеса Фактор Майя. «Кэмерон хотела пойти со мной до самого Исла-Мухереса, чтобы хоть раз в жизни преклониться перед майянской жрицей. Тогда она начинала сооружать икону китайской богини, которую она все еще исследовала. Затем ее привлекла книга «The Lion Path» («Путь льва»), и она, и Ларри Холл были глубоко увлечены этой темой».

---

⁴ Там же.

Как и «Книга Закона» Кроули, «The Lion Path» своими корнями восходят к Древнему Египту. Сочетая древний мистицизм, маргинальную науку, само-трансформацию и переселения душ, книга «The Lion Path» была создана философом и физиком Чарльзом Мьюзесом, другом и соратником Джозефа Кэмпбелла. Шаманская система Мьюзеса «сосредоточена на трех расходящихся путях, которые душа принимает после смерти, каждый символизирует найденные в гробнице Тутанхамона три ложа. Центральное ложе льва ведет к возрождению и путешествию в новом измерении, ложе бегемота означает перевоплощение на Земле, в то время как ложе коровы означает, что покинутая душа слоняется как призрак по загробной жизни, если ее жизненная миссия осталась невыполненной».

Мьюзес учил, что в медитативном состоянии человек в определенные моменты времени может настроиться на энергию, рожденную из лона богини Исиды, излучаемую лучами ее звезды Сириуса. Наряду с новыми ощущениями и более высокими состояниями сознания, в результате это обещало восстановить жизненные силы и преобразовать клетки в организме, что позволит душе выйти как бабочка из куколки в бессмертное тело света. Хотя, в конечном счете, Кэмерон поссорилась с Мьюзесом, она стала ярким приверженцем его учения, и призвала друзей и других «встать на Путь» — рассказывает Айя, «что происходило с тех пор, как я ее прочитала».

***

Вдохновленная новой системой, Кэмерон изложила на бумаге серию необыкновенных раскрашенных форм, цветных графиков, составляющих схему своего личного прогресса. Одним из неотъемлемых аспектов Пути Льва был процесс реинкарнации, и приоритетный интерес Кэмерон к нему был, в частности, вызван ее идеей о возможности возвращения к ней Джека. «Я уверена, что она как-то использовала эту энергию, и я думаю, что больше всего искала способ вернуть Джека» — объясняет Айя. — «Найти его в любой возможной форме проявления. И это было смыслом ее жизни, она искала его все то время, что я ее знала. Боже, я надеюсь, что теперь они вместе. Одним из возможных путей была вероятность того,

что Джек мог перевоплотиться в облике одного из ее внуков, и особые надежды Кэмерон сосредоточились на ее внучке Айрис. Хотя вскоре стало ясно, что такой инкарнации не удалось материализоваться, двое из внуков Кэмерон еще носили фамилию Парсонс.

Наряду с семейными драмами, Кэмерон проводила время, принимая старых друзей, таких как ставшего еще более эксцентричным Джона Дрю Бэрримора, и такие взрывы из прошлого, как Джорджа Фрея: «Я пошел, чтобы увидеть Далай-Ламу, выступающего в Shrine Auditorium в конце 80-х годов, и когда я уже уезжал, кто-то позвал меня, и это была Кэмерон».

Фрей навестил ее в доме на Дженисс и провел там пару часов. «Кэмерон не очень интересовалась Далай-Ламой, ее это не слишком впечатлило. Видите ли, с Далай-ламой не связано ничего мистического».

Примерно в то же время Роберт Айкен тоже навестил своего старого друга и сделал серию ее фотографических портретов: «От нее веяло духовностью. Я думаю, что она, возможно, слепа. Но она отчетливо понимала, насколько необычайными были ее портреты. Для меня было очень важно запечатлеть ее на фотографиях из-за ее личного обаяния, манеры поведения и душевных качеств».

Тош Берман снова и снова случайно пересекался с Кэмерон в местном продуктовом магазине, при неуместном присутствии моря самых разных личностей вроде глэм-рокеров с волосами как у пуделей, бредущих в ближайший магазин гитар: «Ее лицо было старое и морщинистое, но цвет лица был чисто персиковый, а ирландская улыбка — манящей».

Своим соседям Кэмерон принесла столь необходимую эксцентричность, которой так не доставало местному сообществу. Один из них, Гарри Блеаз, часто замечал ее практикующей Тай-Цзи в саду. «Все ее хипповые безделушки, такие как, например, знак мира, свисали с дерева. Вы могли бы подойти к тому дереву при желании, там было место, где можно было посидеть, поболтать и покурить косяк. Там все было кайфовым, как во времена хиппи, как в другом мире. Все называли ее ведьмой, но не потому, что она была плохой, а потому, что у нее были длинные седые волосы».

Кэмерон обнимает дерево перед своим домом на Дженис Авеню, фотография ее друга Роберта Айкена: «Она пахла духовностью». 1987 (Предоставлено Робертом Айкеном)

Последняя собака Кэмерон по кличке Шеба, еще одна эльзасская помесь, тоже стала членом местного сообщества. Она неподвижно лежала посреди улицы, заставляя автомобили объезжать ее. Кэмерон брала с собой собаку в поездку в пустыню Мохава, или Джошуа Три, и спала с ней в джипе. «Кэмерон в основном была закрытой», говорит Блеаз, «но вы могли увидеть ее гуляющей с собакой, у которой в пасти была большая кость. Она шла так же быстро, как и ее собака, то есть очень медленно».

Наряду с практикой Тай-Цзи, Кэмерон часто играла на кельтской арфе, сидя за домом в своем саду. «Она играла на арфе очень красиво» рассказывает Айя. «У нее были красивые руки. Смотреть на нее было своего рода медитацией, и ей самой нравились кельтские звуки и народные песни. Она чувствовала в этом свои корни. Одной из ее любимых композиций для кельтской музыки было „Воскресенье святого Павла“, а также классическая и народная музыка на общественном радио. Включив радио однажды воскресным утром, Кэмерон услышала средневековую музыку Хильдегарды фон Бинген, настоятельница монастыря в XI веке. Восхитительные звуки, и позже она сказала Уильяму Бризу, что музыка „была захватывающей. Я не могла оторваться от нее. Я сидела там просто парализованная, слушая ее, потому что она звучало очень похоже на то, как я пою сама, когда одна“». ⁵

Кэмерон пыталась узнать побольше об этой талантливой женщине, с которой считались папы, а европейские короли были среди ее друзей. «Она была и поэтом, и музыкантом, и художником, она была всем тем, что есть я» — сказала она Бризу, и прямо с места в карьер Кэмерон провела параллели с синхронностью ее имени, связывая Hil-degard со своим магическим прозвищем Hilation, а также с именем своего отца Hill. Более того, Кэмерон пришла к выводу, что известная настоятельница была недостающей частью головоломки Лугано, которая ускользала от нее все эти годы. Полагая, что Хильдегарда Бингенская была одним из ее предыдущих воплощений, она предположила,

---

⁵ Интервью Кэмерон Уильяму Бризу.

что причина, почему она поехала в Лугано и посетила монастырь много лет назад, было то, что она подсознательно стремилась к своей прошлой уединенной жизни. Это откровение было заряжено дальнейшим смыслом, когда она обнаружила, что Хильдегарда переписывалась с Элеонорой Аквитанской, супругой короля и религиозного крестоносца, а ирландская подруга Кэмерон Мойя, с которой она играла на арфе в течение последних десяти лет, верила, что она была Аквитанией в предыдущей жизни.⁶

От Жанны д'Арк до Хильдегарды фон Бинген мистические стороны христианства продолжали оказывать свое притяжение. «Это было нормально для Кэмерон — видеть божественное как в христианине, так и в антихристианине, которым был Кроули» — объясняет Айя. «Так или иначе, вы по-прежнему читаете Библию вверх ногами или поперек. Это трансцендентная самость Кэмерон, и это ее искусство».

***

К концу 80-х годов Кэмерон писала своей давней подруге Шарм, признавая, что устала от жизни в Лос-Анджелесе и рассматривает переезд к горе Шаста, где живет Шарм. Кэмерон знала, что согласно местной легенде, как поговаривали, гора была домом легендарного Белого Братства, и там обитали вознесенные Великие магистры, которых, как считают местные жители, направили исцелить человечество из своего подземного укрытия. «Она сделала астрологические диаграммы для этого святого места, чтобы понять, был ли этот переезд отмечен

---

⁶ Важность Лугано была подкреплена еще больше, когда Кэмерон обнаружила, что в 1919 году Герман Гессе переехал в Монтаньолу, близлежащую деревню с видом на озеро Лугано, и прожил там до своей смерти в 1962 году. Местный ландшафт, как говорили, вдохновил его написание многих картин. Кроме того, от Уильяма Бриза Кэмерон узнала, что Лугано был штаб-квартирой ОТО ранее на рубеже веков, когда Генрих Кляйн, один из его обеспеченных основателей, застраивал землю вокруг горы Veritas. К 1920 г. город стал чем-то вроде ворот для европейских контркультурных движений, своего рода прото-Вудсток, где социалисты и художники коммуны построили магазин.

звездами или нет» — объясняет Шарм. По-видимому, не был, но их последняя встреча вознесла их дружбу к новой высоте.

Шарм: «В последний раз, когда мы встретились, она была такой милой, такой умиротворенной и так была поглощена внуками. Я эволюционировала, а она была уже совсем в другом месте. Мы были равны, обе были уже бабушками, и когда она уезжала, мы обнялись, и она сказала: „Ты меня исцелила“. Она чувствовала себя так хорошо, как если бы мы видели друг друга без покровов».

Другое движение к воссоединению тоже было сделано рядом, просто за углом, когда Кэмерон вновь связалась с Дэвидом Мельцером после двадцатилетнего отсутствия в день памяти Уоллеса Бермана.

«Она стала белой ведьмой-викканкой» — рассказывает Мельцер. «Она вся была одета в белое, с большим взрывом полностью седых волос на голове, с вкраплениями рыжего цвета. Кэмерон спросила: „Здесь Дэвид Мельцер?“ — а я стоял прямо перед ней! Мы оба сильно изменились, и мы просто рассмеялись. Это было увлекательное путешествие. Я дорожу этими воспоминаниями. Столько всего просто растаяло в нашем смехе. На мгновение мы просто забылись».

С помощью Айи Кэмерон обнаружила мистический текст, озаглавленный «Женщина и Суперженщина», автором которого был А.С. Рейли, объявивший себя Официальным Секретарем Герметического Братства и Верховным жрецом мистерий Исиды. Рейли был плодовитым писателем, эзотерические трактаты которого охватывают такие темы, как магия, метафизика, алхимия, Атлантида и спиритизм.

Написанный в 1916 году воинственный трактат, сконцентрировавший внимание на теме «феминизма, рассматриваемого с герметической точки зрения», наметил эволюцию зона, в течение которого мужское и женское превратятся в доминирующие принципы силы в соответствии с циклами зодиака.

Кэмерон записывала себя на аудио, читая эту книгу, и получившаяся в результате запись транслировалась по местному государственному радио. Погружаясь в ее отчетливый хриплый голос, вы могли слышать на фоне шум рабочих и детей, вбегающих и выбегающих из дома. До выхода в эфир она забыла

упомянуть источник, и многие предполагали, что автором дискурса была сама Кэмерон. Она послала копии записи своим друзьям, в том числе Линде Макфарлейн, члену канадского ордена телемитов, которая связалась с ней, высказав возросшее разочарование тем, что, по ее мнению, женщины были маргинализированы эзотерическими орденами.

Линда Макфарлейн: «Кэмерон была значительнее, чем живая икона, которой я восхищалась издавна, и мне хотелось бы поговорить с женщинами-единомышленниками, но от прослушивания записи ленты про Суперженщину мне стало дискомфортно, это было не мое. Она сослалась на сценарий Рэйли в нашей переписке и сказала, что я могу свободно распространять его. Это был ее крестовый поход. Она была предназначена для этого и посвящена. Основное внимание ее было направлено на теорию эволюции женского с доисторических времен. Она читала Марию Гимбутас [американский археолог и культуролог литовского происхождения, одна из крупнейших и самых спорных фигур индоевропеистики, с именем которой связывают выдвижение „курганной гипотезы“ происхождения индоевропейцев — прим. перев.] и интересовалась археологическими раскопками в старой Европе. Это были новаторские, повышающие сознание исследования».

Такая тема снова поднимает все еще открытый вопрос о том, в какой степени Кэмерон считала себя феминисткой. Некоторые полагают, что в качестве утонченного художника она была выше какого либо политиканства. Хотя она, конечно, начала сомневаться в принципе патриархата, и к 80-м годам некогда всеобъемлющее феминистское движение — примерами которого являются Ая и Матрица Шарм, в которых были представлены поэты и мыслители обоих полов — треснула и раздробилась на разобщенных обывателей, и догму, дискредитирующую мужчин, лабиринт логики которой и софистика привели к обесцениванию обоих полов. Кэмерон считала, что выступать за женщин не означает быть против мужчин, и она поддерживала здоровое уважение к мужскому интеллекту, изобретательности мужчин и их разнообразному вкладу в развитие цивилизации. Тем не менее, с другой стороны, Ая твердо убеждена, что Кэмерон была определено феминисткой, напористо убеждая:

«Она не верила в мужей, как товарищей, „избавься от него, он хорош только для того, чтобы завести детей“ — вот, во что она верила. Одна часть ее природы была совершенно отличной от другой части. Одна из них была довольно деструктивной и воинственной, и другая была спокойной и консервативной. Она всегда нуждалась в мужчинах и вступала в борьбу с ними, как например, борьба за власть с Гермером и Энгером. Тем не менее, она по-прежнему в некоторой степени была под воздействием учения Кроули. Я всегда этому сопротивлялась и сказала ей — „но ведь ему не нравилась власть женщин“, однако, она воспринимала это как-то по-другому».

Как уточняет Линда Макфарлейн: «Хотя Кэмерон жаловалась, что Гермер с ней плохо обращался в старые времена, Кроули по-прежнему был важен для нее. Она имела в виду, что, несмотря на испытания, любила его безмерно. Для нее он был отцовской фигурой, который так много ей открыл».

***

Весной 1989 года, после тридцати лет отсутствия, состоялось еще одно запоздалое воссоединение, когда Хелен Парсонс Смит посетила Кэмерон на Дженисс авеню. Во время встречи двух достопочтенных старух Хелен задала хозяйке дома несколько хозяйственных вопросов, например, что произошло с сундуком с одеждой Рут Парсонс и итальянской кроватью Джека из красного дерева. На это Кэмерон правдоподобно утверждала, что таскала эту кровать с собой по пустыне, оставив ее под пальмой, несмотря на то, что она весила тонну. Хелен намеревалась незаметно оставить ей денег, прежде чем уйти, пока не заметила высокого качества гребень и щетку для волос в ванной комнате Кэмерон. Пока она была в городе, Хелен была одним из немногих старых друзей, которые посетили выставку работ Кэмерон, под названием «The Pearl of Reprisal» («Жемчужина возмездия»), состоящую в Лос-Анджелесской муниципальной художественной галерее в парке искусств Vamsdall Art Park — это была выставка, которой Кэмерон по праву гордилась. Среди выставленных работ были самые последние, «Плутон, проходящий двенадцатый дом», наряду со старыми фаворитами, такими как «Видение Пейота», чье мистическое

проникновение Кэмерон в настоящее время определила как Солнечного Бога. Вместе с показом фильмов «Торжественное открытие Храма наслаждений» и «Звезда Полярис» Кэмерон также читала свои стихи, выход она делала на темную сцену, неся одинокую свечу, которая освещала ее бледное и покрытое морщинами лицо. Однажды зрителям довелось лицезреть Кэмерон даже в шортах!

Пожилой Самсон Де Бриер вместе со своим другом Венди Хайлендом однажды посетил ее чтения. При продолжавшихся технических помехах, которые делали Кэмерон почти неслышной, Де Бриер начал жаловаться так громко, что директор галереи воскликнул: «Выставить эту старую мочалку отсюда».

Уильям Бриз: «К концу жизни Кэмерон подошла к такой точке, когда она имела определенную гордость за себя как личность и гордость за свое положение в качестве духовного существа. Она характеризовала это как бы своего рода андеграундом — противостоящей общепринятым общественным нормам, в том смысле, что когда Кроули писал о том, как духовные революционеры часто работают на внутренних планах, а внешне невозможно понять, кто они и что делают, но при этом они оказывают колоссальное влияние на общество. Она чувствовала, что была своего рода женским духовным лидером и верила, что несет ответственность за большую часть женского движения. Но также может быть, и я думаю, что это вполне вероятно, это их семейная черта, либо черта уроженцев Айовы — быть очень противоречивыми и самокритичными, что почти по-английски, но не совсем, немного отличается».

В том году при содействии Бриза Кэмерон помогла издать некоторые из либертарианских записей Джека, которые были включены в книгу «Свобода — обоюдоострый меч». На обложке была фотография Джека, на которой он стоял в дверях их дома на Манхэттэн Бич, без рубашки и с трубой в руке. Кэмерон завершила тот год, насыщенный событиями, давая интервью для японского документального фильма об НЛО, приводя свою личную оценку аппарату, увиденному ею еще в 46-м году, который был одним из первых фактов гражданского наблюдения, когда-либо зарегистрированного. Учитывая, как она всегда считала, что наблюдение было неземным подтверждением Джека, а она была

выбрана проводником для Бабалон, ее уникальным взглядом на НЛО было то, что она вообще не считала их высокотехнологичными, а появляющимися для того, чтобы восстановить рай на Земле, возвращая «природные силы, соответствующие матриархату».⁷

Новое десятилетие принесло с собой тесное сближение не очень похожих личностей вроде автора Петра Муна, бывшего сайентолога, заикленного на Работе Бабалон Джека с Ли Роном Хаббардом. Как результат их встречи, Кэмерон стала частью охватывающего разные времена полотна мифа о Монтаук, то есть серии книг Муна, исследующих предполагаемые путешествия во времени и эксперименты с манипуляциями сознания, проводимые на заброшенной базе ВВС в Монтауке, в Лонг-Айленде. Все указывает на то, что Кэмерон изначально получала удовольствие от внимания, которое ей принесли далеко идущие теории Муна, что только укрепило ее наследие и легенду, но, по словам Билла Бриза, который изначально представил их друг другу, встреча умов была недолгой.

Уильям Бриз: «Кэмерон в конечном итоге написала письмо, объясняя, что он был слишком экстремальным для нее. Она была готова принимать к рассмотрению некоторые его довольно странные представления, но я думаю, что у нее была хорошая чувствительность к искренности, а я не совсем уверен в его искренности. Всегда можно найти данные, которые выглядят достоверно, когда их приводят вместе в поддержку какого-либо тезиса, но в этом нет логики и нет возможности исследования. Это не научный метод и не магия. Кроули говорит прямо: „Магия — это искусство вызывать изменения в соответствии со своей волей“ — наука это чистая и простая. Так зачем нам потворствовать обращенному в прошлое средневековому мировоззрению? В этом и есть причина, почему они не достигли просвещенности, пока у нас не появился научный метод, это произошло из-за их неспособности логически мыслить и аргументировать за пределами жестких средневековых рамок. Если в вашем сознании уже появился тот результат, который вам нужен, вы уже не будете его

---

⁷ Из интервью Кэмерон Уильяму Бризу.

логически или научно исследовать. Так, решив, что вы нашли то, во что хотите верить, и уже убеждены в этом, сознание находит необходимые выборочные факты из прошлого, подтверждающие это убеждение, и подтасовывает их очень правдоподобно, и это самая простая вещь в мире. Все страдающие паранойей в тайных организациях делают это».

Позиция Мунапо отношению к Кэмерон позже была задокументирована в его книге «Синхронистичность и Семь Доказательств», которая, среди прочего, раздула из мухи до слона тот факт, что у Кэмерон с Роном Хаббардом была общая семейная фамилия (Уилсон), и в то же время такую фамилию носили некоторые сомнительные личности, связанные с тайной Монтаук. Мун также приплел Кроули к умопомрачительной подтасовке, утверждая, что, когда Великий Зверь снова посетил этот регион в 1918 году, он создал пространственно-временной портал, через который в 1943 году эсминец Эдридж дематериализовался во время печально известного Филадельфийского Эксперимента [ВМС США провели эксперимент по организации «невидимости» для противника с военным эсминцем Эдридж. Технология разрабатывалась на основании Единой теории поля, сформулированной Альбертом Эйнштейном, и согласно расчетам Николы Теслы. После запуска генераторов вокруг эсминца образовался голубовато-зеленый туман, корабль исчез и материализовался в Норфолке за 300 миль. Свидетели наблюдали за «Эдриджем» на новой стоянке в течение пяти-семи минут, а затем он снова «испарился». Из 181 члена экипажа судна остались невредимыми только 21 человек, остальные или скончались сразу, или потеряли рассудок, несколько человек оказались «вплавленными» в корабль. Руководство ВМС США уничтожило все свидетельства о его проведении и засекретили проект — прим. перев.]

***

В один роковой день, в то время как Кэмерон возилась за домом, она споткнулась о своего кота Фаэрстоуна и повредила себе ногу. Оказалось, что ее котятра нечаянно продлил ее жизнь, так как, когда ее доставили в больницу и сделали сканирование, врачи обнаружили у нее опухоль головного мозга.

Наряду с лечением облучением, что привело к потере волос, Кэмерон искала альтернативные, гомеопатические методы лечения и начала экспериментировать с различными травами и чаями. Джоан Мартин, занимавшаяся пчеловодством, вместе с баночками меда, которые она послала Кэмерон, также положила немного прополиса — пчелиной секреции, которую пчелы используют для герметизации своих ульев. Это вещество с высоким содержанием белка, как полагают — обладающее целебными свойствами. Кэмерон рассказала Мартин о своем прадеде Томасе Блентлингере, который был пчеловодом в городе Бель Плэйн, и поделилась мнением, что пчелы были носителями магии. Кэмерон надеялась, что прополис поможет ей вернуть ухудшающееся зрение. По иронии судьбы, как она подтвердила Стробери Гатс, ее постепенная потеря зрения, казалось, только обострила ее зрительную способность воспринимать элементальную сферу. «Она сказала, что видения элементарей из этой сферы становятся яснее. Она могла сместить свое восприятие и увидеть эти миры лучше».

Своим близким друзьям, таким как Айя, Кэмерон призналась, что остается в этом мире только ради своих внуков: «Она чувствовала себя очень дискомфортно и убого, но до сих пор вся семья была на ней. Ее беспокоило благополучие ее внуков. Что может с ними случиться, когда ее не будет рядом? Рядом с ними не было ни мужчины, ни отцовской фигуры. Это была семья без единого мужчины, и это было очень странно. Бедная Айрис все время бунтовала, и со стороны казалось, что они с Кэмерон все время боролись, но на самом деле они были очень близки».

Кэмерон должна была вот-вот стать прабабушкой, но то, что должно было стать поводом для радости, превратилось в суровое испытание, когда у беременной Айрис начались проблемы с приемом пищи. Когда у нее лопнуло терпение, Кэмерон обратился к своему мастеру Тай-Цзи.

Стробери Гаттс: «Маршалл сказал: „приведи ее ко мне домой, и мы приведем ее здоровье и энергию в норму“, каждый чувствовал, что он помог спасти ее жизнь. Он помог ей понять различные правила поведения при беременности».

В Апрельский День дурака 1995 года, Самсон Де Бриер, который более 40 лет был другом Кэмерон, скончался

в пресвитерианской больнице Голливуда. Согласно утверждению его близкого друга Венди Хайленда, Де Бриер в старости стал чем-то вроде брюзги, предрасположенным к неподобающему поведению, например, демонстративно дважды перечитывал сдачу, чтобы убедиться, что кассир был точен, в то время как клиенты пыхтели за ним в очереди, или устраивал сцены в ресторанах за запрет на курение, или при недостаточном отоплении. Им даже овладела своеобразная фобия на яблоки, как боязнь старения от них, но он вовсе не скорбел об угасании своего либидо, подтверждает Уайлден размашисто: «Представьте свое отражение в зеркале в неподобающих позах, это выглядело глупо. Если бы можно было увидеть себя со стороны во время таких выходов, можно было бы воздержаться от подобных действий».⁸

Живя почти как отшельник, он сделал все возможное, чтобы держать уродливую реальность за пределами пристанища своего дома. После его смерти Хайленд со смесью меланхолии и удивления заметил, что лимонное дерево в саду Де Бриера совсем не плодоносило в том году. Поминовение Де Бриера состоялось в арт-центре Бьонд Барокко в квартале Венеции, место располагалось в том же самом здании, которое Кертис Харрингтон когда-то использовал для изображения полицейского участка по окончании съемок «Ночного Прилива» много лет тому назад. Друг Харрингтона и коллега по тому же фильму, Пол Мэтисон, появился, чтобы засвидетельствовать свое почтение, но он страдал плохим здоровьем и был прикован к инвалидному креслу. Фотографии, взятые из дома Де Бриера, были выставлены наверху и отрывки из фильмов «Торжественное открытие Храма Наслаждений» и «Саломея» играли для посетителей. Джек Ларсон сидел рядом с Кэмерон: «Она выглядела скорбящей и была очень опечалена смертью Самсона». Ширли Берман также присутствовала на прощальной церемонии, и для нее видеть Кэмерон лично после стольких лет было чем-то вроде воссоединения. Возраст не иссушил самокритичный юмор Кэмерон.

---

⁸ Самсон: личное восприятие Венди Эллиота Хайленда. 1997.

Ширли Берман: «Как оказалось, это было как раз перед смертью Кэмерон, ее волосы только отрасли, и она сказала: „Всю жизнь я провела, прикрывая свои уши, и вот мне пришлось потерять все свои чертовы волосы!“ Это было так смешно. На ней был платок под ковбойской шляпой. Она была остроумной».

Сухой юмор Кэмерон проявился еще раз, когда Айя навестила ее за месяц до смерти. «Тогда она была очень изможденной» — вспоминает Айя. «Одним из последних ее высказываний было: „Моя собака умирает, моя машина умирает, я умираю, и все мы умираем“».

К тому времени раковая опухоль мозга уже пустила метастазы в легкие Кэмерон, и, хотя ей вовремя оказали медицинскую помощь, финальный занавес опустился в медицинском центре VA тем июлем. Она умерла в окружении картин, в том числе старой фотографии, на которой она изображена вместе с Джеком, любовью всей жизни, где они с обожанием глядят в глаза друг друга. Кертис Харрингтон навестил ее там и вспоминает, как Кэмерон воспринимала свою приближающуюся смерть «с полной безмятежностью». Верховная жрица ОТО была приглашена, чтобы выполнить последние обряды и, в конце концов, Кэмерон умерла в объятиях своей внучки Айрис. После кремирования ее прах был развеян в пустыне Мохава, где когда-то побывал Джек.

Как и прощальная церемония Де Бриера, поминовение Кэмерон было проведено в Бьонд Барокко, тем августом, с некоторыми выставленными ее самыми почитаемыми картинами, в том числе портретом Джека ее руки, «Dark Angel». Кертис Харрингтон продемонстрировал свое искреннее уважение, «Звезда польнь», и все еще одна из его самых любимых картин Кэмерон, «Черное яйцо», формировали центральную часть сооруженного алтаря. Пэт Куинн попросили прочитать в дань уважения Кэмерон: «Я что-то написала о том, как она была созвездием в самой себе». Уильям Бриз со своей подругой прочитали неопубликованную еще часть пьесы Майи Дерен под названием «Лилит»: «Она была сформулирована почти как диалог на тему „Что есть женщина?“, который, я думаю, был вполне уместен. Если кто-то и был в состоянии справиться с Кэмерон, то это была Майя Дерен, ха-ха».

Сегодня, оглядываясь назад, некоторые из самых близких друзей Кэмерон воздавали должное женщине, которую они знали в течение пяти десятилетий. «Я горячо ее любила, она была очень важной частью нашей жизни» — вспоминает Ширли Берман. «Я говорю, если кто-то прожил большую часть времени своей жизни, они хотели бы жить так, как это делала Кэмерон, безусловно, в своих собственных определениях».

Айя: «За сорокалетний период мой взгляд на глубокие отношения, которые сложились у меня с Кэмерон, сильно изменился. С одной стороны, она была открыта, и не было возможности для неискренности и пустого трепя. Все встречи с ней были наполнены близостью, они не были простым знакомством. Кэмерон шла по духовному пути, к тому, кто она была на самом деле, искала видения, работала на себя, и законы магии, искусства, метафизики, принципы целительства, шаманскую философию и чудеса внутреннего и внешнего космоса. Она прошла через все это и вышла на другую сторону. Она была единственной в своем роде».

Чарльз Бриттин: «Я думаю, что Кэмерон, будучи чрезвычайно талантливым человеком, которая сделала так много неверных ходов в своей жизни, смогла с их помощью преобразиться. Она совершала нечто такое, что, я думаю, было действительно разрушительным для нее, но пережила все это. Я не могу сказать, были ли ее таланты тщетными или поврежденными, я думаю, что они были усилены страданием, иллюзиями и заблуждениями. Великое искусство часто бывает бредовым. Но она выдерживала это, и так долго, что это поражает меня. Она выдерживала это настолько долго, чтобы стать своего рода простым, приятным, мягким человеком, в конце концов, той, кого я знаю. Я думаю о ней, как об имеющей огромную жизненную крепость и жизненную силу женщине. Несмотря на все, что с ней случилось, и все, что рассыпалось в прах, она превратила это в нечто творческое».

ЭПИЛОГ

Как это часто бывает с художниками, популярность Кэмерон после смерти продолжила расти, достигая новых невиданных высот такого уровня, который при жизни был для нее недоступен. Началось это в год ее смерти, когда эротический рисунок «Peyote Vision» был включен в ретроспективу «Beat — культура Новой Америки», состоявшуюся в музее Уитни в Нью-Йорке. Все еще восхищаясь Кэмерон, Кеннет Грант возражал против того, чтобы включать ее работы в это шоу, полагая, что будет оскорблением связывать такое воплощенное существо с тем, что он считал культурой узколобых. В своей книге «Фонтан Гекаты», опубликованной три года назад, Грант привел знаменательное воплощение Кэмерон в «Бабалон» в качестве катализатора и ключевого влияния на формулирование собственной логики Новой Иисиды (New Isis Lodge). Даже после ее смерти связь между ними оставалась настолько сильной, как он признался другу, что для него Кэмерон была более реальной, чем люди, проходящие мимо в лондонском метро.

Джек Парсонс был еще одним загадочным обитателем многомерной «Лиловой зоны» Гранта, и в 2000 году Feral House Адама Парфрея опубликовал первую посвященную ему биографию под названием «Секс и Ракеты». Хотя люди осведомленные впоследствии высказались против книги, она, безусловно, помогла представить удивительную историю Белариона более широкой аудитории. По горячим следам появилась еще одна, более весомая и влиятельная книга, возрождающая интерес к Парсонсу — «Странный Ангел» («Strange Angel») под авторством Джорджа Пендле.

Права на экранизацию биографии были куплены Голливудским продюсером Донмо Мерфи, человеком, сотворившим «Прирожденные убийцы» и Джека Потрошителя в исполнении Джонни Деппа в фильме «Из ада». Когда Мерфи встретился с первой женой Джека, чтобы обсудить проект, Хелен Парсонс Смит выдала ловкий вступительный гамбит: «Итак, мистер Мерфи, вас интересует секс или ракеты?» В последующих интервью Кеннет Энгер начал публично выдвигать себя в качестве режиссера предстоящего фильма Секс и Ракеты, и преклонение Мерфи перед иногда колючим кинопродюсером зашло так далеко, что он назвал свою собственную кинокомпанию Angry Films, как дань уважения Кеннету Энгеру. Тем не менее, во время написания проект пребывал в производственном аду.

В 2001 году карьера Кёртиса Харрингтона прошла полный круг, и закончил он там же, где и начинал, делая ремейк своей ранней картины по роману Эдгара Алана По «Usher». Хотя Рената Друкс и сыграла эпизодическую роль в этом фильме, из-за плохого состояния здоровья она не смогла присутствовать на премьере. Вскоре после этого она внезапно покинула свою голливудскую квартиру и поселилась в доме для престарелых, отказываясь принимать посетителей.

«С тех пор, я ничего не знаю о ней» — вздыхает Харрингтон. «Я пытался звонить ей, но она никогда не поднимала трубку. Она словно решила, что должна умереть, и это всё, конец».

***

В том же году некоторые из самых почитаемых работ Кэмерон были включены в Отблески новой эры — художественное празднование в честь Алистера Кроули, состоявшееся в галерее Eleven Seven в Лонг-Бич, штате Калифорния. Наряду с художественными произведениями, предложенными помощниками Кроули, а также работами самого Великого Зверя, были представлены работы Кэмерон, включающие возвышенную подборку произведений «Crystal», и просто потрясающую «Fossil Angel», одну из серий рисунков, датируемую концом 50-х, которая включала не выставленные ранее «Fossil Bat» и «Fossil Unicorn». Нанесение белых чернил на темно-синюю бумагу придало этим образам призрачные полупрозрачные

качества, как будто каждый предмет на мгновение отпечатался в рентгене. В частности, легкость прикосновения на рисунке «Fossil Angel», казавшаяся материализовавшимся из клубов дыма ангельским видением, напоминала комментарий Бадди Андерсона о том, как выглядела работа Кэмерон: «Словно дым расплзается вокруг».

Менее известные произведения тоже были выставлены в галерее. «Рогатый Бог» — красивая визуализация оленя, представленная фигурой человека в трико, в то время как на «Человеке со Сферой», изображен бородатый, перепачканный бродяга с красной сферой в руках. Одной из наиболее причудливых картин Кэмерон, предложенных к выставке, датируемый серединой 50-х годов, был рисунок гуашью двух танцующих фигур Арлекинов с львиными гривами и крысиными хвостами. Его название, «Некас Нskin Етоз Веаһи» также известно как «Танцующая пара», могло быть либо с орфографическими ошибками, либо неправильно истолковано, по всей вероятности его верным названием должно было быть «Некас Некас Есте Вебелои», фраза, что примерно переводится как «Прочь, прочь, профан», предупреждение для профанов уйти самим прежде, чем их принудительно изгонят, которое используется в ритуалах Золотой Зари.

С прогрессом 2000-х годов присутствие Кэмерон дало о себе знать во всемирной компьютерной сети и зашло даже так далеко, что один шутник настроил личную учетную запись в MySpace для нее и Джека из могилы. Постановочный сценарий вводил в заблуждение о ее с Джеком магическом соитии в то время, когда они с Ли Роном Хаббардом призывали астральный план во время Работы Бабалон, и был отвратительно извергнут он-лайн. Такая же ситуация сложилась с театрализованной постановкой в 2004 году, когда пьеса «Moonchild», написанная Морином Фицджеральдом, была представлена в Театре The Access на Бродвее, в рамках Международного фестиваля «Fringe» в Нью-Йорке. То, что, кажется, было версией постановки «Ребенок Розмари» 1940-х годов, получило смешанные отзывы, хотя присутствующие Телемиты были приятно удивлены некоторыми интерпретациями, несмотря на то, что постановщики позволили себе лишнее в одной конкретной сцене,

в которой Кроули летел в Америку на собственном самолете. Продюсеры, конечно, хвастались некоторыми именитыми исполнителями, в частности, актриса Хизер Том, сыгравшая Кэмерон, была известна своей ролью в американской мыльной опере Молодые и дерзкие.

Этой же теме был дан еще более экспериментальный поворот только год спустя, когда канадский театр Травести группы Элисон Рокбрэнд представил радиопостановку «Babalon» Пола Эндрю Грина в театре-студии Gielgud в Лондоне. Сыгранное неизвестными актерами, по всеобщему признанию шоу было хорошо принято как неожиданное новшество в Уэст-Энде.

В следующем году, художественные работы Кэмерон были систематизированы и представлены в значимом прославленном журнале *Semina Culture*, под руководством Кристин МакКенна и Майкла Дункана. От побережья до побережья выставка дала давно запоздавшее заслуженное признание Уоллесу Берману и удивительному союзу художников, поэтов и кинозвезд, которые внесли вклад в его своеобразный арт-журнал. К тому времени, в начале 2007 года, *Semina Culture* достиг галереи Grey в Нью-Йорке, у Кэмерон уже была своя выставка работающая совместно с галереей Nicole Klagsbrun в художественном районе Челси. Хорошо принятое шоу представило и много не показанных ранее рисунков, взятых со страниц ее записной книжки, в том числе последовательность изможденных обнаженных тел под названием «Slaves» (Рабы), посвященные Джону Флесу, вместе с вышеупомянутой серией рисунков «Плутон Проходящий» в двенадцатом доме и серию фотографий Fossil .

Выслушивая положительные отзывы о шоу, Кертис Харрингтон был готов расплакаться и выразил это на церемонии поминовения своего друга: «Я считал ужасной несправедливостью то, что в американском контексте ее творчество не было востребованным. Они не смогли это разглядеть, и меня это очень злило. Некоторые люди считали ее никем и ничем, но я знал, что работал с крупным художником. Таким образом, после всех этих лет, это реальная награда для меня. Я так рад, что она получила признание, которого заслуживает».

Четыре месяца спустя, 6 мая Кертис Харрингтон скончался в своем доме в возрасте 80 лет, насладившись званым ужином

накануне вечером. Его отпевание на голливудском кладбище Forever Cemetery превратилось в спектакль, когда Кеннет Энгер явился на мероприятие со своим спутником-кинооператором, который ухватил жуткий момент, когда он поцеловал труп Харрингтона смачно в губы. Энгер продолжал прерывать надгробную речь Джека Ларсона репортажем с места событий, который включал некоторые очень неприличные комментарии. После утверждения, что он знает точную дату своей смерти, Энгер сделал публичное заявление, что его собственные поминки будут проходить в том же месте на Хэллоуин 2008 года.

В отличие от других собравшихся, которые были оскорблены грубым поведением, Ларсон был молодцом и взял вспышку Энгера под свой контроль: «Это был удивительно случай. Люди были красиво одеты и любой из них мог бы оказаться там на моем месте, так что я просто пытался сделать хорошую работу. Я не обижаюсь на Энгера. Я не расцениваю это как перебивания. Он просто захотел поскандалить».

Чтобы не было повторения выходки Энгера, режиссеру указали неправильную дату поминок в честь Харрингтона, которые проходили на Pickford Center для Motion Picture Study днями позже. Собрались только старые друзья, такие как Джон Гилмор и Деннис Хоппер, в чьей речи часто упоминалась и Кэмерон.

Увлечение Камерон среди кинематографистов быстрыми темпами продолжало набирать обороты, в апреле 2008 года, когда Крейг Болдуин представил свою последнюю работу, «Mock Up on Mu» на кинофестивале в Сан-Франциско. Представляя свою форменную «мешанину» найденных кадров с пейзажами, снятых в Солтон-Си, (неведомо для него, этот район был одним из любимых насиженных мест Кэмерон, где она принимала лунные минеральные ванны в 60-х годах), Болдуин создал научно-фантастическую сагу, построенную вокруг оси взаимоотношений Джека, Кэмерон и Хаббарда. По его словам, фильм представляет собой коллаж, нанесенный на «синхронное восхождение и нисхождение религиозных культов Нью-Эйдж, в военном/аэрокосмическом промышленном комплексе и современных мифов от Диснея от некоторых научно-фантастических повелителей».

Две недели спустя куратор Дэвид Холландер на престижном кинофестивале Marfa в Техасе представил вечер фильмов, посвященных Кэмерон, в том числе были представлены: «Pleasure Dome» («Торжественное открытие Храма наслаждений»), «The Wormwood Star» («Звезда Полынь») и фильм Чик Странд «Loose Ends» («Свободные Концы»). В том же месяце Кэмерон была отнесена к прославленному списку художников 20-го века для Traces Du Sacre (Traces of the Sacred), групповая выставка состоялась в Центре Помпиду в Париже. Заявленная как Исследование духовности в западном искусстве пост-ницшеанского мира «Бог умер», от Кэмерон был выставлен ее портрет Джека «Темный ангел», появившийся рядом с полотнами Кроули и его помощников Гарри Смита и леди Фриды Харрис. Также на выставке были представлены работы ее старого близкого друга Уоллеса Бермана и Кеннета Энгера, который, пропустив свою прогнозируемую встречу со смертью на Хэллоуин 2009 года, по-прежнему прекрасно себя чувствовал в мире живых.

***

ПОСТСКРИПТУМ: По словам соседей, через год после смерти Кэмерон в ее пустующем доме произошел необъяснимый пожар. С тех пор, несмотря на усилия владельцев, никто никогда не смог вселиться в этот дом более чем на несколько месяцев. На сегодняшний день в том доме никто не живет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГАЛЕРЕЯ РАБОТ

МАДЖОРИ КЭМЕРОН

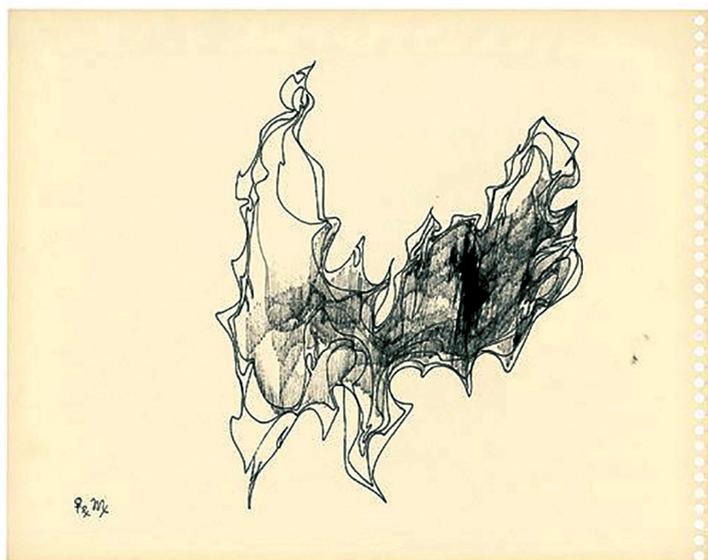

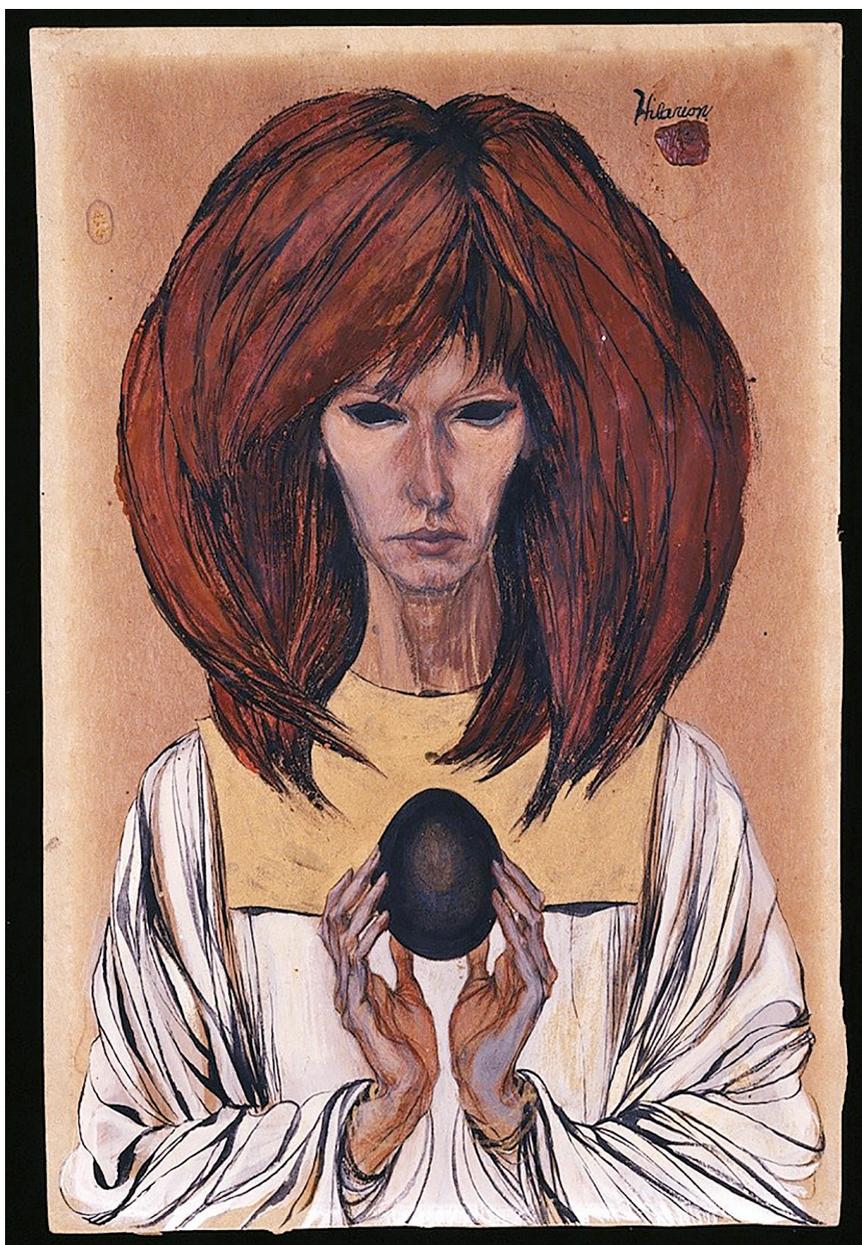

«Рогатый Бог»

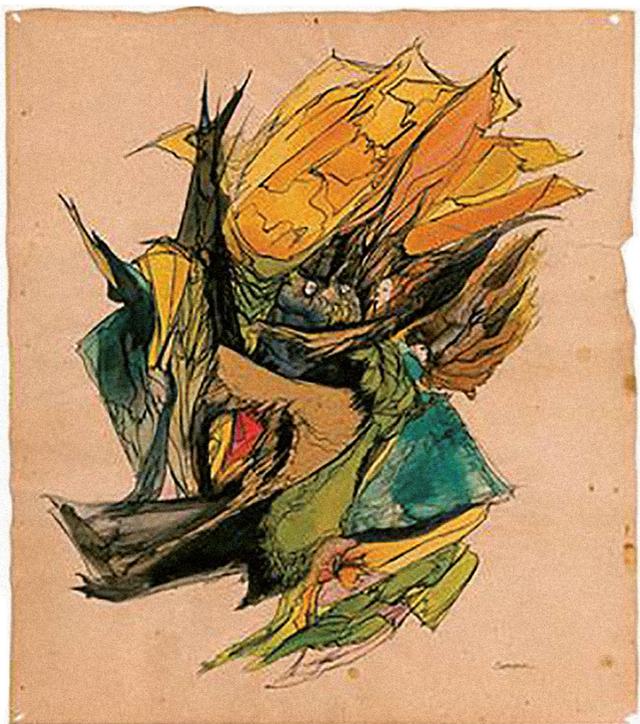
*«Темный ангел»
Портрет Джека Парсонса*

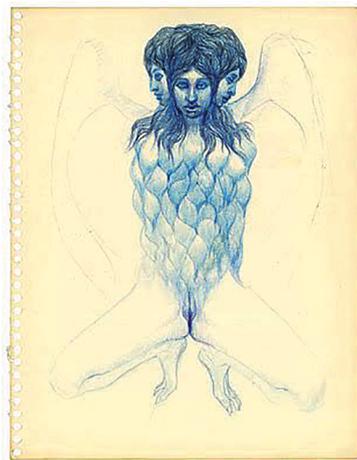
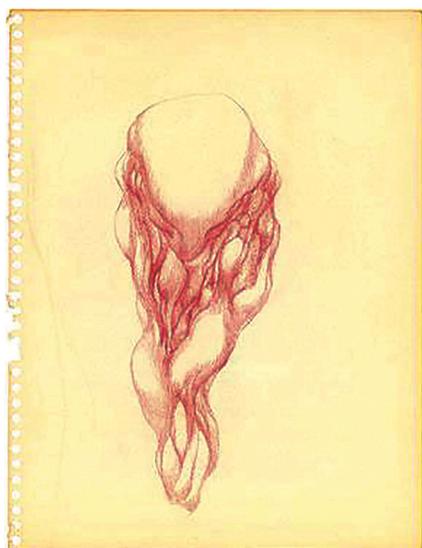

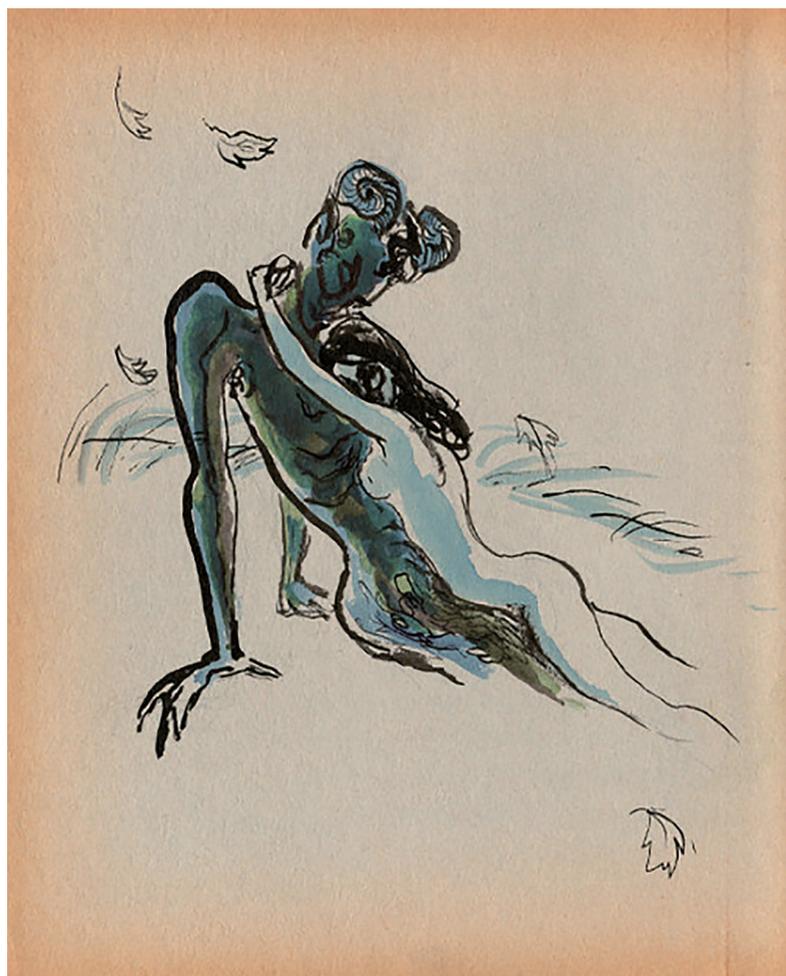

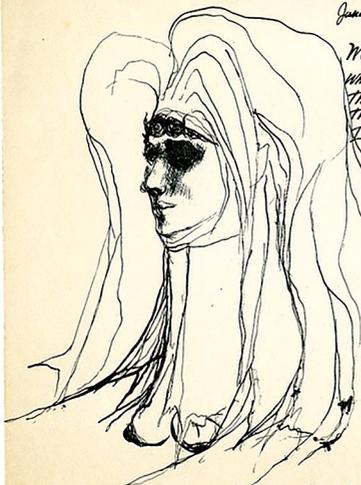

June 2 1962.

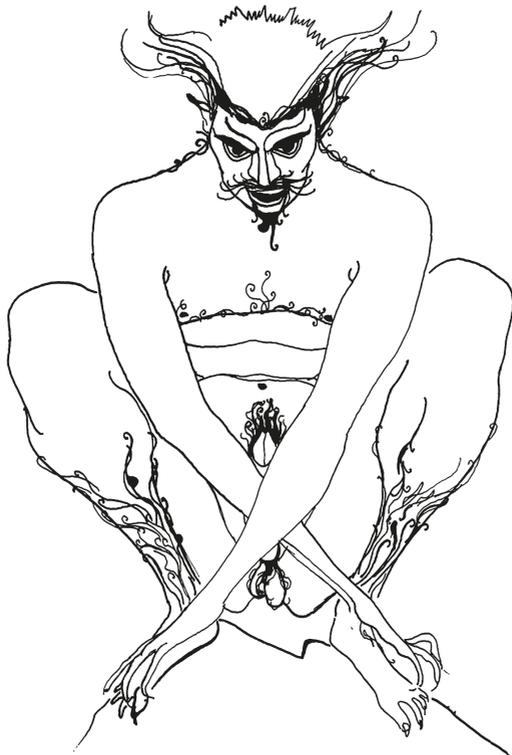
Myah, mother of all sin and sorrow
Who will follow that road to the dying sun?
The children.
The child.
I hear flapping iron black in the shadows
of the East.
Coming to the wind of the east.

My former letters offer.

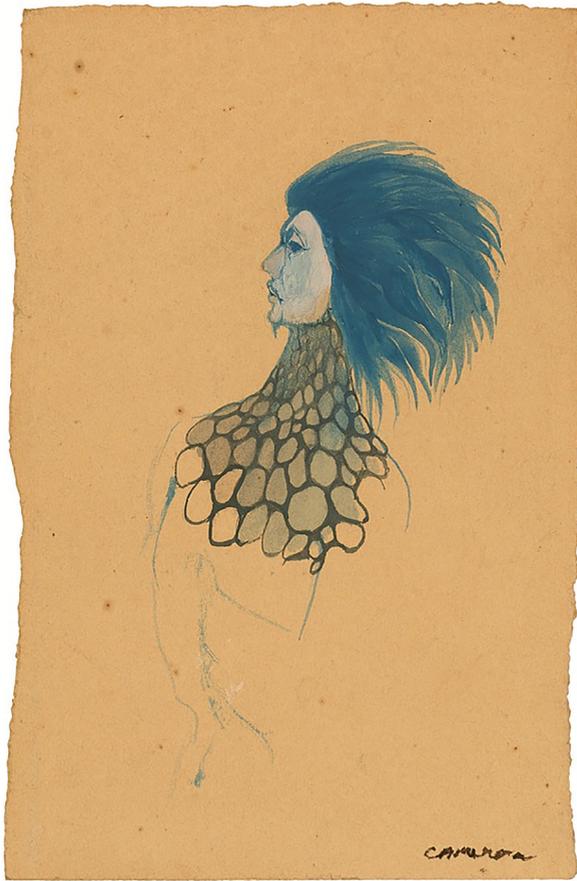
Oh child
Have not grace and joy and sorrow.
But have all — grace.

Oh child
The others have turned back
against the dying world.
Back to the stars and the evil fire.

Comore

НАШИ ПАРТНЕРЫ:

МОСКОВСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

(www.maap.ru)

ВНИМАНИЕ ПСИХОЛОГОВ И ПСИХОТЕРАПЕВТОВ!
ПРОГРАММА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
ПО ЮНГИАНСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Аналитическая психология — направление, разработанное выдающимся швейцарским психиатром К. Г. Юнгом в первой половине XX века путем дополнения и прогрессивной переориентации психоанализа Фрейда от анализирования причин неврозов к содействию развитию личности в целом. Ученики Юнга соединили его идеи с более поздними достижениями в современном психоанализе и других течениях практической психологии. В настоящее время юнгианская школа, являясь одной из самых крупных и широко известных мировых школ психотерапии, может быть смело названа вершиной в ее эволюции, как самый глубокий и универсальный подход.

Юнгианский анализ изначально предназначался для самопознания и помощи пациентам. Однако, владение юнговской теорией личности, теорией архетипов коллективного бессознательного, типологией, методами работы с образами, символической игрой, толкованием сновидений, диалого-диалектическим подходом в межличностном взаимодействии может найти применение в самых разных сферах помимо аналитической психотерапии.

Эти находки могут быть использованы в краткосрочной терапии, коучинге и консультировании разного профиля — детском, семейном, организационном, профориентационном. Журналисты, социологи, политологи, философы, религиоведы, литературные критики и искусствоведы

также активно обращаются к идеям Юнга и его последователей.

ОБУЧЕНИЕ аналитической психологии — это возможность не только разобраться в себе и освоить самое лучшее, что есть в психоанализе и практической психологии, но и стать гуманитарием широкого профиля.

Занятия проводят **международно признанные** аналитики, являющиеся членами IAAP (Международной Ассоциации аналитической психологии), практикующими психотерапевтами и преподавателями факультета психологии МГУ и других московских психологических и психоаналитических институтов.

Занятия проводятся в течение двух лет в удобной сессионной форме семинаров и тренингов 2–3 дня в месяц по выходным. По окончании программы студентам выдаются сертификаты о повышении квалификации **государственного образца**, и они получают возможность дальнейшего профессионального развития в юнгианской школе.

МААП участвует в организации российских и международных конференций, реализует различные гуманитарные и издательские проекты, сотрудничает с другими мировыми юнгианскими институтами. Преподаватели МААП имеют большой опыт выездных семинаров и учебных программ в других городах России и ближнего зарубежья.

OTO

Ordo Templi Orientis

Цель Ордена – обеспечить свободу человека, а также его продвижение к Свету, Мудрости, Пониманию, Знанию и Силе. Путь к ним лежит через Красоту, Смелость и Разум – на основе Вселенского Братства. О.Т.О. разделяет идеалы франкмасонства; и он первым из Орденів Старого Эона принял Книгу Закона, переданную великим магом и пророком Алистером Кроули.

Каждый мужчина или женщина, достигшие совершеннолетия, свободные и с хорошей репутацией, имеют неоспоримое право присоединиться к О.Т.О. и подняться по первым степеням Ордена.

О.Т.О. также включает Гностическую Единую церковь (Ecclesia Gnostica Catholica), главным публичным и частным ритуалом которой является Гностическая месса («Liber XV»).

О.Т.О. имеет действующие отделения во всем мире и выпускает периодические издания на многих языках. Помимо официальных инструкций О.Т.О. и отправления Гностической мессы, большинство национальных и региональных отделений Ордена – Ложь, Оазисы и Лагеря – предлагают своим членам занятия, обучающие программы и ритуальную работу.

ORDO TEMPLI ORIENTIS, International Headquarters
jaf Box 7666, New York, ny 10116-4632, USA

О.Т.О. в Москве: www.oto.ru. E-mail: camp@oto.ru
О.Т.О. в Киеве: www.oto-parsifal.narod.ru. E-mail: fiat_lux@list.ru

Inverted Tree

Эзотерическое сообщество «**Inverted Tree**» объединяет людей чей Путь – это путешествие по тёмным областям человеческой психики. Мы проводим практики, основанные на шаманских экстатических техниках и телесно ориентированной терапии.

В рамках просветительской деятельности сообщество «**Inverted Tree**» регулярно публикует переводы новых эксклюзивных материалов оккультной тематики.

Если вы пишете статьи, или занимаетесь переводами, будем рады сотрудничеству.

Пишите по адресу:

invertedtree@yandex.ru

Адрес сайта:

<http://invertedtree.ucoz.ru>

Через корни подсознания к целостному человеку..

Колледж Телема 93

приглашает на лекции

- Магическая философия Телемы
- Ритуалы Телемы
- Церемониальная магия и Каббала
- Талисманная магия и гримуары
- Енохианская магия
- Масонство: история и символизм
- Йога, теория и практика медитации
- Таро Тота: осмысление и медитация

Колледж "ТЕЛЕМА-93" ставит своей целью
ПОМОГАТЬ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ в ИЗУЧЕНИИ МАГИИ
и МИСТИКИ АЛИСТЕРА КРОУЛИ, а ТАКЖЕ
в ПОСТИЖЕНИИ ИНЫХ СЕРЬЕЗНЫХ
ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
Востока и Запада.

Наши странички в интернете:

Портал: <http://www.thelema.ru/>

Сообщество в ЖЖ:

http://community.livejournal.com/ru_thelema93/

Вы можете записаться в Колледж
ПО АДРЕСУ INFO-THELEMA@MAIL.RU

Дорогие Друзья!

Представляем журнал ИО ПАН — Первый журнал в России, посвященный Магии как высокому Искусству и строгой Науке — Art&Science. Магию мы понимаем как сплав духовных традиций, которые помогают каждому из нас в нашей Великой Работе, на избранном нами Пути.

Редакция журнала открыта для сотрудничества, ибо стремится создать интегральный контент, переплавляющий в тайном тигле истинные традиции и смыслы. Телема, Таро, Астрология, Массонство, Церемониальная магия, Современное искусство и философия, Тантра, Каббала — Искусство сплавляет все смыслы для достижения Эликсира, а Наука помогает использовать добытый Философский камень. Это общее дело.

Поэтому ждем ваших текстов. Главный критерий — качество присылаемых работ. Журнал — некоммерческий. Вклад каждого в Великую Работу бесценен. Слава — в высшем своем аспекте — гарантирована. По вопросам сотрудничества обращайтесь по адресу samp@oto.ru

АБРАКСАС — это бесплатный онлайн журнал всецело посвященный юнгианству, Чтобы подписаться на журнал надо написать со своего мейла на адрес elliloiza@mail.ru только одну фразу „Я хочу получать журнал“.